

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

X

ПРАГА

1926

5-ый год издания.

5-ый год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и
В. В. Сухомлина.

В каждом номере « ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верешак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Калинин, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Джиованни Зиборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Янниос (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчур (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: в Чехословакии — 15 кр., Югославии — 25 дин., Болгарии — 30 лева, Франции, Бельгии, Турции — 15 фр., Англии — 2 шилл., Америке — 75 ц., Германии — 2 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 15 ч. кр.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelny trh., Praha I. Tchecoslovaquie.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

Х

ПРАГА

PRAGA, UHELNÝ TRH ČÍS 1

СОДЕРЖАНИЕ

Оноре Бальзак: Неведомое творение	3
Ан. Ладинский: Аргонавты	33
Довид Кнут: Ковчег	36
Е. Недзельский: Дырочки в поясе	38
Алексей Ремизов: Сговорная	51
И. Лапшин: О двух «планах» реальности — житейскомъ и художественномъ	58
Б. Невидимцев: Московская мозаика (В защиту «слякоти»)	72
Эдуард Бенеш: Проблема славянской политики (Славянофильство и славяне во время войны)	82
А. Пешехонов: Опыт национализации	107
В. Сухомлин: Политические заметки. (Что делать? Вопрос программы и тактики у русских социалистов).	126
Иностранная жизнь:	
С. Врациан: Зарубежная Армения	142
Среди книг и журналов:	
Марк Слоним: Обзор журналов («Новый Мир», 1926 г. книга 1-7)	159
Евг. Зноско-Боровский: Немирович-Данченко или Станиславский. (Из внутренней истории Московского Художественного Театра)	165
Н. Мельникова-Папоушек: Новый роман Эренбурга	171
Отзывы о книгах:	
Ф. Репейников: Успехи и достижения современной науки и техники	174
Д. Градарев: Гириш. Успехи организации американского хозяйства	177

Неведомое творение.

ЖИЛЛЕТ.

1*)

На исходе 1612 года, в одно холодное декабрьское утро, перед домом на улице Гран - з - Огюстен в Париже, ходил взад и вперед убого одетый молодой человек. Побродив по этой улице довольно долго и с нерешительностью влюбленного, не отваживающегося предстать пред возлюбленной своей, как бы она ни была доступна, он все-таки переступил порог этой двери, и спросил, дома ли художник Франсуа Порбюс. На утвердительный ответ, полученный от женщины, подметавшей комнату с низким потолком, молодой человек медленно пошел вверх по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке, будто новичек - царедворец, волнующийся мыслью о приеме, какой окажет ему король. Дойдя до верхней площадки, он остановился и долго не решался взяться за затейливый молоток, украшавший дверь, за которою в эту минуту, вероятно, работал художник Генриха IV, Марией Медичи отставленный от двора, Рубенса ради. Молодой человек в эти мгновения переживал глубокое чувство, какое в расцвете

*) Печатаем непереуведенный до сих пор на русский язык рассказ Балзака в связи с помещаемой ниже статьей проф. И. Лапшина «О двух «планах» реальности — житейском и художественном».

молодости и любви к искусству испытывали многие великие художники, очутившись лицом к лицу с гениальным человеком, или перед гениальным художественным произведением. В каждом человеческом чувстве таится первобытный цветок, вспоенный благородным энтузиазмом, который обычно угасает по мере того, как счастье претворяется в воспоминание, и слава в обман. Из всех этих хрупких чувств ни одно так не похоже на любовь, как молодые восторги художника, вступающего на сладостный крестный путь славы и испытаний, чувство, в котором отвага и робость, смутные упования и предчувствие неизбежных разочарований. Тому, кто гением - отроком, с пустою мощной, не трепетал всем существом своим перед великим художником, всегда будет не хватать какой то струнки в сердце, какой-то неуловимой выразительности кисти, волнующей поэтической тревоги в его произведениях. Иные самонадеянные глупцы преждевременно прозревают свое великое будущее, но лишь глупцы веруют в их исключительный ум. Молодой незнакомец обнаруживал еще ту, свойственную таланту нежную робость, ту не укладывающуюся в слова прелесть целомудрия, которую созданные для славы люди растрачивают в утверждении своего искусства, а красивые женщины в изощрении своего кокетства. Привычка к успехам, к победам глушит сомнения в душе, а целомудрие быть может ничто иное, как сомнение.

Подавленный заботами, а в эту минуту испуганный своею смелостью, бедный новичек и не вошел бы быть может к художнику, если бы не разрешила его колебания странная случайность. На лестницу взошел старик. По яркой пышности его наряда, по великолепному кружевному жабо, по гордой уверенности его поступи, молодой человек предположил, что это или покровитель, или друг художника. Он отступил на шаг, пропустил его вперед, и внимательно вглядывался в него, стараясь вычитать на его лице высокие свойства творческой души, или же угодливую предупредительность любителей искусства. Но уловил он на этом лице дьявольское что то, неизяснимое и неотразимо привлекающее художников. Голый череп, вы-

пуклый, высокий лоб, отвесом над коротким, приплюснутым, вздернутым носом, как нос Рабле или Сократа — смеющийся рот в морщинах, усеченный, надменно вскинутый подбородок, окаймленный сероватой, заостренной к низу бородой, глаза морского цвета, потускневшие, как будто от старости, но зрачки эти, резко выделявшиеся на перламутровом фоне, должны были метать искры в минуты гнева или восторга. Лицо носило, впрочем, глубокие следы прожитых лет и дум, бороздящих душу и тело. Глаза его были без ресниц, и над высокими дугами орбит оставались лишь бледные следы бровей. Поставьте эту голову на тонкое, дряхлое тело, обвейте шею ослепительной белизны, тончайшей работы кружевом, вдоль черного жилета протяните тяжелую золотую цепь, и вы получите отдаленное представление об этом человеке, на которого сумеречное освещение лестницы бросало фантастический отблеск. Казалось, полотно Рембрандта без рамы двигалось в черных тонах, усвоенных великим художником. Старик острым взглядом посмотрел на юношу, три раза стукнул в дверь, и сказал отворившему тщедушному человеку, лет сорока на вид:

— Здравствуй.

Порбюс почтительно поклонился. Он впустил и молодого человека, полагая, что его привел с собой старик, и больше не обращал на него внимания. Новичек стоял, замороженный первым впечатлением, какое должны испытывать художники милостью Божией при виде первой мастерской, где им открываются зримые пути творчества. Открытое окно в потолке освещало мастерскую Порбюса. Свет, сосредоточенный на прикрепленном к мольберту полотне, на котором положены были несколько белых мазков, не проникал в глубокие черные углы огромной мастерской. Но редкие, блуждавшие в рыжеватой мгле, блики зажигали то серебряную петлю на кольчуге всадника, висевшей на стене, то внезапно вспыхивавшей бороздкой скользили по резному полированному краю старинного постава, заставленного редкостной посудой, или блестящими точками играли на узорной парче гнувшихся тяже-

лыми складками старых занавесей, очевидно, служивших моделью художнику. Гипсовые слепки мышц, обломки, торсы античных богинь, влюбленно отполированные поцелуями веков, громоздили столики и полки. Бесчисленные эскизы, трехкарандашные этюды, рисунки сангином и пером покрывали стены до самого потолка. Между ящиков с красками, бутылок с маслом и спиртом, опрокинутых табуретов, оставался лишь узкий проход к кругу, освещенному лучами, струившимися из высокого окна и ярко озарявшими бледное лицо Порбюса и желтоватый, как слоновая кость, череп странного старика. Внимание молодого человека скоро всецело заполонила картина, пользовавшаяся уже широкой известностью в эти дни смут и революций, картина, привлекавшая к себе упорное внимание нескольких избранных, которым человечество обязано сохранением священного огня в самые тревожные и бурные дни. На полотне этом изображена была Мария Египетская, собирающаяся расплатиться за проезд в челне. Это высоко художественное произведение, написанное для Марии Медичи, продано было ею в дни нужды.

— Мне нравится твоя святая, — сказал старик Порбюсу, — я дал бы тебе десятью золотыми эку больше того, что дает тебе королева. Но соперничать с нею... чорт возьми!

— Вам это нравится?

— Гм! Гм! Нравится ли, — ответил старик. — И да, и нет. Она не плохо сделана. Но, она не живет. Вы, вот все воображаете, что тщательно выписав лицо, и каждую часть поставив на свое место, согласно законам анатомии, выполнили все, что полагается. Вы расцвечиваете линии тела в телесный цвет, и, конечно, красками заранее заготовленными на палитре, стараетесь на одну сторону наложить больше тени, чем на другую, и так как время от времени поглядываете на стоящую перед вами голую женщину, то полагаете, что копируете природу, и мните себя художниками, похитившими с небес тайну богов. Для того, чтобы быть великим поэтом, мало еще основательно знать синтаксис, и не делать грамматических ошибок. Погляди

только на свою святую, Порбюс. На первый взгляд она изумительна. Но стоит внимательно взглянуться в нее, и ясно, что она приклеена к полотну, и что обойти кругом этого тела нельзя. Это силуэт об одну плоскость, урезанный образ, и лишенный возможности повернуться, изменить положение. Я не чувствую воздуха между этой рукой и фоном картины. Ни пространства тут нет, ни глубины. Но перспектива выдержана хорошо, и постепенное ослабление света схвачено верно. Но несмотря на эти похвальные усилия, я все же не чувствую, чтобы это прекрасное тело оживлено было теплым дыханием жизни. Мне кажется, что если я прикоснусь рукою к этой крепкой круглой шее, то почувствую под пальцами моими холодный мрамор. Нет друг мой, под этой гладкой, как слоновая кость, кожей, кровь не бежит. Жизнь не наливает влажным пурпуром сосуды и все эти жилки, сплетающиеся сетью под золотистою кожей висков и груди. Тут вот трепет жизни, а то место — недвижно. Жизнь и смерть борются в каждом штрихе. Здесь — женщина, там статуя, а дальше труп. Твое произведение далеко еще, далеко от совершенства. Ты лишь одну частичку своей души вложил в свое любимое произведение. Факел Прометея неоднократно угасал в твоих руках, и многих частей картины даже не коснулось божественное пламя.

— Но в чем дело? — почтительно спросил Порбюс старика. Молодой человек с трудом одолевал в себе желание поколотить его.

— В чем дело... — ответил старичек. — Дело в том, что ты нерешительно топтался меж двумя школами живописи, меж рисунком и красками, между спокойной тщательностью, точно выписанной застылостью старых немецких мастеров, и ослепительной яркостью, буйной радостью итальянских художников. Ты подражал одновременно Гансу Гольбейну и Тициану, Альбрехту Дюреру и Полю Веронезе. Задание, конечно, великолепное! Но что же получилось? У тебя не оказалось ни обаяния суровости, ни пленительного волшебства полутеней. В этом вот месте, богатство светлых тициановских красок залило сухие кон-

туры Альбрехта Дюрера, в которые ты хотел их втиснуть, — также вот, расплавленная бронза разрывает хрупкую форму, вмещающую ее. В другом месте, строгий план картины сдерживает буйный разлив венецианской палитры. Лицо твоей святой ни безупречного рисунка, ни безупречной живописи. И во всем следы той же несчастной нерешительности. Если ты не чувствовал в себе мощи, чтобы на огне своего гения сплавить оба эти друг другу враждебные метода, надо было иметь, по крайней мере, отвагу пожертвовать одним ради другого, дабы добиться цельности, дающей иллюзию жизненности. Правдивее всего у тебя средняя часть картины. Контуры же фальшивы, да они и не закончены, и ничего не сулят за своими пределами. Это вот хорошо, сказал старик, показывая на грудь святой. — И это тоже, — он указал на картине точку, которой заканчивалось плечо. — Но, — добавил он, проводя пальцем по шее, — это фальшь... И лучше не вдаваться в подробный разбор. Я не хочу доводить тебя до отчаяния. . .

Старик сел на табурет, опустил голову на руки, и долго молчал.

» А между тем, я так долго изучал на живом теле эту шею, — заговорил Порбюс. — К несчастью нашему, многие световые явления природы на полотне неправдоподобны. . .

— Задача искусства не подражать природе, а изображать ее! Ты не жалкий подражатель, а художник! — властным движением прервав Порбюса, горячо возразил старик. — Если бы суть была лишь в верном копировании, скульптор, например, совсем просто справлялся бы со своей задачей: взял и сделал бы гипсовый слепок с женщины. Что же, попробуй-ка сделать слепок с руки своей возлюбленной, и положи ее перед собою. Увидишь — жуткое, мертвое тело, и без тени сходства с живой рукой. И ты станешь тогда искать такой резец, который, не давая точного сходства, воспроизведет перед тобою движение и жизнь. Мы должны схватывать дух, душу, облик вещей и живых существ. Световые явления! Да ведь это только

случайности жизни, а не сама жизнь. Рука, раз уже я взял этот пример, рука не только просто часть тела, она таит в себе и выражает мысль, которую надо схватить и передать. Ни художник, ни поэт, ни скульптор не должны отделять явления от причины, одно незримо таит в себе другое. Вот чего надо добиваться. Иные художники приходят к этому достижению бессознательно, даже не подозревая, что в этом именно задача искусства. Вы пишете женщину, а не видите ее. Разве так можно подчинить себе природу? Ваша рука, помимо вас, воспроизводит уже то, что вы переняли у своего учителя. Вы не углубляетесь в внутренний мир формы, не идете за нею, не изучаете зорко все уклоны и извивы ее внутреннего пути. Красота вещь суровая, сложная, и подойти к ней вплотную не легко. Надо выжидать, высматривать, выслеживать ее, и схватив, силою овладеть ею. Форма — Протэй, который неуловимее и богаче тайнами, чем Протэй легенды. Лишь после долгой борьбы можно заставить ее показать подлинный свой облик. А вы вот все, — удовлетворяетесь первым ликом, который она являет вам, а вторым, третьим, уже наверно. Разве так легко успокаиваются на своих достижениях победоносные творцы? Эти, непобедимые, не прельщаются на обманные легкие тропы. Они упорно преследуют свою цель до тех пор, пока природа не вынуждена показаться во всей своей наготе, и с подлинной душою... Так работал Рафаэль — добавил старик, снимая с головы черный бархатный берет, в знак почтения, которое внушало ему это имя короля искусства. — Великое его превосходство над другими — в нежной задушевности, которая у него ключем бьет из формы. Для его образов форма то же, что для нас, живых людей, переводчик, при помощи которого они сообщают друг другу мысли, чувства. Это безкрайная поэзия. Каждый образ — целый мир, портрет, подлинник которого явился ему в великом откровении, в внезапном озарении, указанный внутренним голосом, отмеченный божественным перстом, в прошлом целой человеческой жизни — открывающий источники ее воспроизведения. Вы же облакаете своих женщин в красивые тела, пышные

волны волос, но где кровь, таящая спокойствие или страсть, вызывающая неожиданную игру света? Твоя святая, бедный мой Порбюс, темноволосая женщина, но это вот — ведь это характерно только для блондинки. Что же тогда ваши образы, как не бледные раскрашенные призраки, которые вы показываете людям и называете это живописью, искусством. Написали что то более похожее на женщину, чем на дом, и воображаете, что достигли цели, гордясь уже тем, что вам нет надобности объяснять свои образы надписями, как это делали первые живописцы, — *sig-
gus venustus* или *pulcher homo*, — вы мните себя замечательными художниками. Ха! Ха! Ха! Как вы еще далеки от этого, дорогие мои! И сколько еще надо вам извести карандашей, сколько полотен исписать для того, чтобы достигнуть совершенства. Конечно, женщина вот так именно держит голову, и так вот подбирает платье, и глаза ее, пожалуй, так затуманиваются и млеют покорно и сладостно, и легкая тень от ресниц так вот скользит по щекам. Это верно, и не верно. Чего не хватает? Пустяка. Но в этом пустяке — вся суть. У вас видимость жизни, но буйной ее полноты вы не передали, не уловили того неопределимого нечто, что и есть быть может сама душа, и лишь тенью скользит по ее оболочке: словом, тот цвет жизни, который сумели уловить Тициан и Рафаэль. Идя дальше, продолжая работать от той точки, к которой вы пришли, и можно было бы быть может, создать что нибудь значительное, но вы — вы так быстро устаете. Люди невежественные восхищаются, а подлинный ценитель искусства только улыбается. О, Мабюз, мой учитель, — добавил странный старик, — ты вор! Ты жизнь унес с собою в могилу. Но, тем не менее, — заговорил он опять, — эта картина, конечно, лучше полотен этого олуха Рубенса, с его горами разрумяненого мяса, волнами рыжих волос, и его кричащими красками. У вас, по крайней мере, чувство меры в красках, искренность, отличный рисунок, — а ведь это три существеннейших условия искусства.

— Но эта святая великолепна! — громко и горячо возразил молодой человек, очнувшись, наконец, от меч-

тательного раздумья. Эти две фигуры, святой и лодочника, выполнены с утонченностью в каждом штрихе, о какой и представления не имели итальянские художники. Я не знаю ни одного итальянского живописца, который так вот с'умел бы передать нерешительность лодочника.

— Ваш ученик, этот смешной юнец? — спросил Порбюс старика.

— Учитель, простите мне мою смелость, — ответил неофит, краснея. — Я совершенно неизвестен, пачкаю бумагу по непреодолимому влечению, и в этот город, родник всякой мудрости, приехал лишь недавно.

— За дело! — сказал Порбюс, и протянул ему лист бумаги и красный карандаш.

Незнакомец легко и точно скопировал Марию.

— О! О! — вскрикнул старик. — Как вас зовут?

Молодой человек подписал внизу: Никола Пуссен.

— Для начинающего очень даже не плохо, — заметил старый чудака, изрекавший такие дикие суждения. — При тебе, вижу, можно говорить о живописи. Я не пеняю на тебя за то, что ты восхищался святою Порбюса. Это замечательное произведение искусства, спору нет, и только посвященные в глубочайшие тайны искусства, могут улавливать ее недочеты. Но раз ты достоин урока, и можешь его понять, я покажу тебе, какой малостью следовало бы дополнить это произведение. Ну, смотри и слушай внимательно. Тебе, быть может, никогда больше не представится такой случай поучиться чему либо. Твою палитру, Порбюс!

Порбюс принес палитру и кисти. Старик засучил рукава, провел большим пальцем по испещренной, перегруженной красками палитре, которую держал перед ним Порбюс, не взял, а вырвал из его рук пачку кистей всевозможных размеров, и его остроконечная борода внезапно зашевелилась, каждым резким движением выражая напряженность страстно работавшего воображения. Набирая краски на кисть, он ворчал сквозь зубы: «За окно бы их надо, все эти краски вместе с тем, кто их составлял. Ведь они возмути-

тельно грубы и неправдоподобны. Как можно писать такими красками!»!

С лихорадочным возбуждением обмакивал он кончик кисти в горки красок, пробегая по этой гамме красок быстрее, чем по своей клавиатуре соборный органист, исполняющий пасхальную заутреню.

Порбюс и Пуссен, погруженные в взволнованное созерцание, стояли по обеим сторонам мольберта.

— Видишь, молодой человек, — говорил старик, не оборачиваясь, — видишь, как тремя, четырьмя штрихами и легким настом бледной лазури можно добиться того, чтобы воздух струился кругом головы этой бедной святой. . . Она, наверно, задыхалась в этой плотной атмосфере, как в тюрьме. Гляди, как волнуются теперь эти складки, и как ясно, что ветерок поднимает их. А только что они казались накрахмаленными и будто наколотыми на булавки. Замечаешь, как блестящая атласистость, которую я наложил на грудь, хорошо освещает сочную гибкость девичьей шеи, и как смесь красноватого, коричневого и обожженной охры согревает сероватый холод этой тени, под которой не бежала, а застывала кровь? Юноша, ни один учитель не научит тебя тому, что я показываю тебе. Один лишь Мабюз обладал этой тайной, он один умел вдыхать жизнь в свои образы. И у Мабюза был один лишь ученик — я. У меня учеников не было и я стар. Ты достаточно умен для того, чтобы по моим указаниям угадать остальное.

Не переставая говорить, старик притрагивался кистью всех частей картины. В одном месте два штриха, в другом один, везде — удачный, и картина казалась другою — новою, залитою светом. Он работал с таким страстным увлечением, что капли пота стояли на его обнаженном лбу. Двигался он нетерпеливо, порывисто, и юному Пуссену казалось, будто бес, сидевший в этом странном человеке, помимо воли его, прихотливо двигал его руками. Неестественный блеск глаз, судорожные движения, говорившие о внутренней борьбе, усугубляли правдоподобие этой догадки и не могли не волновать молодое воображение. Ста-

рик семенил перед картиной и приговаривал: «Паф! Паф! Вот как это делается, молодой человек! Сюда, сюда, штришок мой! Оживи-ка этот лед! Ну, ну, ну! — говорил он, согревая часть картины, где улавливал безжизненность, несколькими легкими наслоениями красок сглаживал диссонансы, и восстанавливал единство тона, который необходим был для этой пылкой египтянки. . . — Вот, юнец, ценнее всего лишь последний штрих. Порбюс сделал их целых сто, а я лишь один. Вся ту работу, которая за этим завершающим штрихом, никто не учитывает. Запомни это крепко!

Тут, одержимый бесом старик остановился и обернувшись к Порбюсу и Пуссэну, сказал:

— Это, конечно, еще очень далеко от моей «Прекрасной Купальщицы», но имя свое под такой картиной подписать не стыдно. Я-бы под нею подписался, — добавил он, и взяв в руки зеркальце, поглядел в него на картину. — А теперь, пойдем завтракать, — сказал он, — пойдемте оба ко мне. У меня копченая ветчина, отличное вино. Эх! времена невеселые, но о живописи поговорить нам никто не помешает. Еще мы повоюем. . . А этот человечек далеко пойдет, — добавил он, хлопнув Пуссэна по плечу.

Взглянув на убогий плащ юноши, он достал из-за пояса кожаный кошелек, порылся в нем, вынул два золотых, и, протягивая их Пуссэну, сказал: «Я покупаю твой рисунок».

—Бери, — сказал Порбюс, заметив, что Пуссэн вздрогнул и покраснел от стыда, — бери, у него золота больше, чем в казне двух королей.

Они вышли из мастерской и, разговаривая об искусстве, дошли до красивого деревянного дома, близь моста Сэн Мишель, который привел Пуссэна в восторг своими архитектурными украшениями и молотком на двери, рамами окон и арабесками. Молодой художник очутился скоро в комнате с низким потолком, перед ярко пылавшим огнем, за столом, уставленном вкусными явствами, и к неожиданному своему счастью, в обществе двух великих художников, простых и приветливых.

Когда он остановился в изумлении перед одной картиной, Порбюс бросил ему: «Молодой человек, на полотно это долго смотреть не следует. Можно до отчаяния дойти»...

Это был «Адам», которого Мабюз написал, чтобы вырваться из тюрьмы, где держали его кредиторы. И, действительно, образ этот был такой мощной реальности, что Пуссэню в эту лишь минуту открылся подлинный смысл слов, сказанных стариком. А старик поглядывал на картину с удовольствием, но без пылкого восторга, и словно говоря: «О, я и не такие вещи написал».

— В ней жизнь есть, — сказал он, — мой несчастный учитель превзошел себя в этой картине. Но в самом фоне, все же чего то не хватает, нет в нем безусловной правдивости. Человек этот — живой, он встает, идет к нам. Но воздуха, неба, ветра, которые мы чувствуем, видим, слышим, здесь нет. И потом, ведь, это первый человек. В единственном же на картине человеке, только что вышедшем из рук творца, должно было быть что то божественное, чего в нем нет. Мабюз и сам с горечью признавал это, когда не бывал пьян.

Пуссэн с любопытством смотрел на Порбюса, то на старика и подойдя к Порбюсу, спросил у него имя человека, у которого они находились в гостях. Но художник лишь таинственно прижал палец к губам.

Пуссэн, заинтригованный, больше не спрашивал, надеясь, что раньше или позже случайное слово в разговоре откроет ему имя хозяина дома, а о его таланте, о положении и богатстве говорили и почтительность, какую оказывал ему Порбюс, и редкие ценные вещи, наполнявшие эту комнату.

Увидев на темной дубовой обшивке стены великолепный женский портрет, Пуссэн воскликнул:

— Какой великолепный Джиорджоне!

— Нет, — возразил старик, — это один из первых моих этюдов. Старая мазня...

— О... Но тогда, тогда я у самого бога живописи!

Старик улыбнулся, как человек привыкший давно и к таким восторженным похвалам.

— Дорогой Френгофер, — сказал Порбюс, — не угостите ли рюмкой вашего чудесного рейнского вина?

— И двумя трубками, — подхватил старик. — Одну, чтобы отплатить за удовольствие, какое я получил сегодня утром, глядя на твою красивую грешницу, другую — в знак дружбы.

— Ох! Если бы я не хворал так часто, — сказал Порбюс, — и если бы вы дали мне поглядеть на вашу «Прекрасную купальщицу» — я написал бы какуюнибудь большую картину, чтонибудь значительное, написал бы широкое полотно, на котором все фигуры были бы в натуральную величину.

— Показать мою картину? — взволнованно воскликнул он. — Нет, нет, мне еще долго надо работать над нею. Вчера, к вечеру, мне показалось было, что она кончена. Глаза влажно светились, тело трепетало. Пряди ее волос тихо вздрагивали. Она дышала! Я добился того, что могу давать на полотне полную иллюзию естественных выпуклостей, круглости, но сегодня, при дневном свете, я понял свое заблуждение. А как долго и как внимательно изучал я мастеров красок, для того, чтобы достигнуть того, чего я достиг. Я изучал каждый штрих, каждый мазок на картинах Тициана, этого короля света. Как и этот царь живописи, я сначала выводил контуры фигуры, жирным мягким составом и в светлых тонах, оттого что тень лишь случайность, запомни это, милый! Затем уже принимался за самую картину, и при помощи полутонов и лазури, постепенно уменьшая ее прозрачность, углублял тени до самой густой черноты. Обычно, тени у художников совсем иные какие то, чем светлые тона. Дерево, медь, все что хотите, только не тело в тени. Чувствуется, что если тело переменит положение, то от этого теневые места не изменятся и не осветятся. Я сумел отделаться от недостатка, которым страдают даже великие художники, у меня белизна тела сквозит из под самой плотной тени. Сколько невежд мнят себя безупречными рисовальщиками, потому лишь, что

умеют проводить ровные, четкие штрихи. Я, нет, я не удовлетворялся сухим очерчиванием контуров моих образов, я выявлял каждую малейшую анатомическую подробность, оттого что человеческое тело состоит не только из линий. В этом отношении скульптура ближе к правде, чем мы, живописцы. Природа в несчетных, гармонично сливающихся выпуклостях и округлостях. Рисунка, строго говоря, вовсе и нет. Не смейтесь, молодой человек. Слова эти звучат для вас странно, ничего, когданибудь вы поймете их смысл. Линия только средство, при помощи которого человек отдает себе отчет в воздействии света на предметы. Но в природе, где везде — закругленность, полнота — линий, только линий — нет! Мы рисуем, лишь когда копируем, то есть отрываем предметы от среды, в которой они находятся. Жизненность сообщает телу лишь умелое распределение света. Оттого я и не останавливался на линейном плане картины. Я покрывал контуры облаком белокурых теплых тонов, благодаря чему нельзя даже указать точно черту, на которой контуры встречаются с самим фоном картины. Вблизи такое полотно кажется нечетким, облачно - мутноватым. Но уже на расстоянии двух шагов, каждая подробность обретает ясную стройность. Тело движется, формы закругляются, и чувствуется кругом них дыхание воздуха. И все же, я не успокоился еще на том, чего добился, меня все еще одолевают разные сомнения. Быть может лучше было бы ни одной линии не рисовать, а начинать прямо с середины каждую фигуру, с наиболее освещенных выпуклых частей, и потом уже переходить к более темным частям. Словом, следовать примеру солнца, этого божественного живописца вселенной... О, природа, природа, кто, когда проследил весь твой сложный, извилистый путь? И, знаете что? К отрицанию приводит, как невежество, так и излишек знания. Я и теперь так неуверен в себе, в моей картине. . .

Старик помолчал несколько мгновений и опять заговорил:

— Вот уже десять лет, молодой человек, я работаю над нею. Но что значит какойнибудь десяток лет, когда

речь идет о борьбе с природой? Мы не знаем, сколько времени потратил Пигмалион на то, чтобы создать движущуюся статую.

Старик умолк, глаза его застыли; несколько мгновений он задумчиво и рассеянно играл своим ножом.

— Беседует со своей душой, — тихо сказал Порбюс.

Слова эти зажгли в Пуссэне острое любопытство. Этот белоглазый старик, внимательный и сумасбродный, мнившийся ему сверхчеловеческим существом, в это мгновение казался ему фантастическим гением, витающим в неведомом мире. Он будил в душе тысячи смутных мыслей. Тайна этого очарования так же трудно поддается определению, как трудно перевести на обыденные слова волнение, вызванное песнью, которая напоминает родину сердцу изгнанника. Презрение, с каким этот старик высказывался о благороднейших усилиях художников, его богатство, изысканность его движений, почтительность к нему Порбюса, это окруженное тайной произведение, плод долгого труда, и произведение, несомненно, гениальное, так думал Пуссэн, судя по той голове Богоматери, которой он так искренне восхищался и которая не бледнела и в близости «Адама» Мабюза, — говорили о царственности этого подлинного в искусстве венценосца. Все в этом человеке было необычайно и сверхчеловечно. Все, что богатое воображение Никола Пуссэна могло схватить, прозреть в этом сверхъестественном существе, — было верным отражением артистической души, безумной души, наделенной такой огромной властью, которою она так часто злоупотребляет, увлекая за собою холодный рассудок мещан, и даже нескольких любителей искусства на те каменистые, неторные тропы, где ничто, ничто не открывается им. На те самые тропы, где она, белокрылая дева, вдохновенно шалая, открывает целые эпопеи, замки, произведения искусства. Насмешливая и добрая, богатая и бедная душа художника. Так, для восторженного Пуссэна этот старик, чудом внезапного воображения, воплотился в само искусство, с его тайнами, порывами и мечтами.

— Да, дорогой мой Порбюс, — заговорил опять Френгофер, — мне не дано было еще до сих пор встретить безукоризненно красивую женщину, тело совершеннейшей красоты, и цвет кожи которой. . . Но где найти такую живую женщину, — сказал он, не кончая фразы. — Эту ненаходимую Венеру древних мастеров, всеми искомую и встречаемую нами лишь в бледном отражении подлинной красоты? О, я мог бы отдать все свое состояние за то, чтобы один лишь раз, один лишь миг созерцать совершенное, божественное, идеальное, словом, создание природы. . . Я, я взвился бы в небеса, чтобы увидеть тебя, божественная природа! Я спустился бы в ад, как Орфей, чтобы добыть там жизнь...

— Мы можем уйти теперь, — сказал Порбюс Пуссэню. — Он не слышит и не видит нас. . .

— Пройдем в его мастерскую, — предложил зачарованный Пуссэн.

— О, этот хитрец доступ в свою мастерскую ограждать умеет. Сокровища его слишком зорко охраняются для того, чтобы мы могли проникнуть в это хранилище. Вы думаете, я без вашего совета и отваги, не сделал бы попытки овладеть этой тайной? . .

— Тут, значит, есть какая то тайна?

— Да, ответил Порбюс. — Старый Френгофер единственный ученик Мабюза. Других Мабюз к себе не допускал. Став его другом, спасителем, отцом, Френгофер пожертвовал большей частью своего состояния на удовлетворение прихотей Мабюза. И за это, Мабюз завещал ему тайну рельефа, искусство этой изумительной жизненности, этот чудесный цвет природы. . . то, что вечно томит и мучает нас. . . Этим мастерством он владел в таком совершенстве, что однажды, продав и пропив шелковый узорный наряд, в котором должен был встречат Карла V-го, он облачился в платье, сшитое из разрисованной под дамаск простой бумаги. Карл V-ый обратил внимание на необычайный блеск ткани и желая сказать любезность покровителю старого пьяницы, раскрыл обман. Френгофер страстно любит искусство и понимает его глубже, возвышеннее других ху-

дожников. Он много думал о красках, о безусловной правдивости линий. И чем больше размышлял, тем сильнее овладевали им сомнения в самой ценности предмета его исканий. В минуты отчаяния ему кажется, что рисунок — вещь второстепенная, и что линиями можно изображать лишь геометрические фигуры, что, конечно, неверно, так как уже одной линией и черным цветом, который даже и не краска, можно нарисовать фигуру. А это доказывает, что наше искусство, как и природа, состоит из бесконечного множества составных частей; рисунок дает скелет, краска это — жизнь, но жизнь без скелета вещь более не совершенная, чем скелет без жизни. Наконец, есть еще истина более несомненная: та, что художник должен прежде всего работать и наблюдать, и если рассудок и литература препираются с его кистями, то он неизбежно должен притти к сомнению, как этот старик, который в одинаковой мере — безумец и художник. Большой художник, он имел несчастье родиться богатым человеком, и это дало ему возможность предаваться размышлениям и рассуждениям. Не подражайте ему! Работайте. Художник может размышлять лишь с кистями в руках.

— Мы тайну его узнаем! — уверенно воскликнул Пуссэ, не слушая Порбюса.

Порбюс улыбнулся пылкости молодого незнакомца и, пригласив его приходить к нему, простился с ним.

Никола Пуссэ медленными шагами двинулся к улице де ла Гарп, и не заметил, как прошел мимо скромной гостиницы, в которой жил.

Быстро, возбужденно поднявшись по убогой лестнице, он пришел к комнате — голубятне под самой крышей, легкой и незатейливой надстройке, какими украшались лишь дома старого Парижа. У единственного в комнате темного окна стояла девушка. На шорох за дверью она влюбленно вздрогнула и выпрямилась. Она узнала художника по тому, как он взялся за щеколду.

— Что с тобой? — спросила она.

— Я... я... — громко заговорил он, задыхаясь от волнения и радости, — я почувствовал себя художником.

Я сомневался в себе до сих пор, но сегодня утром, я уверовал в себя. И я могу быть великим, да, да, Жиллет, мы будем богаты, счастливы! В этих кистях моих золото...

Он внезапно умолк. Радость сбежала с его сильного, серьезного лица, едва лишь бросилось ему в глаза несоответствие убогой обстановки с его пылкими надеждами. Стены, оклеенные простой бумагой, покрыты были карандашными рисунками. У него оставалось четыре чистых холста. Краски были тогда в большой цене, и палитра несчастного художника почти вся высохла. Но среди окружающей его нищеты, он обладал и ощущал это обладание — несметными сокровищами духа, и буйным богатством жадного духа. Попав в Париж, благодаря, отчасти, одному знатному другу, отчасти — своему таланту, он случайно нашел здесь подругу жизни, одну из тех самоотверженных благородных женщин, которые добровольно обрекают себя на страдания, неизбежные для спутниц великих людей, взваливают на себя заботы, стараются понять неровности и причуды их характера. Женщина, закаленная для нужды и любви, бремя которых носила с такой же легкостью, с какой другие женщины щеголяют роскошью или своей бесчувственностью. Улыбка, блуждавшая на устах Жиллет, золотила этот чердак и спорила с сиянием солнца. Солнце не всегда светило, она же всегда была здесь, сосредоточенная в своей страсти, спаянная со своим счастьем, со своим страданьем, утешительница гения, который пока, не овладев еще искусством, буйно расточал свои силы в любви.

— Послушай, Жиллет, пойдика сюда.

Девушка покорно и радостно вскочила к нему на колени. Она была воплощенная грация, красота, была хороша, как весна, расцвеченная всеми женскими драгоценностями, озаренными пламенем ее чудесной души.

— О! Господи, но как тебе это сказать?

— Тайна? — спросила она. — Я хочу ее знать!

Пуссэн задумчиво молчал.

— Говори.

— Жиллет, дорогая моя, радость моя!...

— О! Ты о чем то хочешь меня просить!

— Да.

— Если ты хочешь, чтобы я тебе опять позировала, как третьего дня, — заговорила она, сделав сердитую гримаску, — то я не стану, никогда. В эти минуты, твои глаза ничего мне не говорят. Ты не думаешь обо мне, смотришь, а не думаешь....

— Тебе было бы приятнее, если бы я писал другую женщину?

— Может быть, — ответила она, — если бы она была безобразна.

— Ну, а если бы, — серьезно сказал Пуссэн, — если бы моей будущей славы ради, если бы для того, чтобы сделать меня большим художником, пришлось бы пойти позировать другому художнику?

— Можешь испытывать меня, — ответила она. — Ты отлично знаешь, что я бы не пошла.

Пуссэн опустил голову на грудь, как человек, изнемогающий от слишком большой радости или большой печали.

— Слушай, — сказала она, дергая Пуссэна за рукав поношенной куртки, — я говорила тебе, Ник, что охотно отдам за тебя жизнь. Но живой отречься от моей любви к тебе я не могу. Таких обещаний я тебе не давала.

— Отречься от любви? — повторил художник.

— Если я покажусь такой другому, ты меня больше любить не будешь, и я сама буду казаться себе недостойной тебя. Исполнять твои причуды, для меня это уже просто и легко... Я счастлива и даже горда тем, что могу исполнять твои дорогие мне желания. Но ради другого, фуй!

— Прости меня, дорогая моя Жиллет, — сказал художник, бросившись к ее коленям. — Я предпочитаю быть любимым, чем знаменитым. Для меня, ты прекраснее всякой славы и богатства. Иди, сожги мои эскизы, выбрось мои кисти. Я ошибся. Мое призвание — любить тебя. Я не художник, я влюблен, я люблю. К чорту искусство со всеми его тайнами.

Она с восхищением смотрела на него, счастливая, зачарованная. Она царила, она чувствовала, что искусство забыто для нее и брошено к ее ногам, как благовонные курения.

— Но... ведь это старик, — заговорил опять Пуссэн. — Ты не будешь для него только женщиной. Ты так хороша!

— Если уже любить, так любить, — воскликнула она, готовая пожертвовать всеми колебаниями для того, чтобы вознаградить возлюбленного за все жертвы, какие он ей приносил. — Но, добавила она, ведь это погубит мою душу... Что же! И погибнуть тебя ради — тоже счастье! Но ведь ты меня забудешь! О, какая недобрая мысль пришла тебе в голову...

— Да, недобрая мысль, и я люблю тебя, — скорбно сказал он, — но неужели я такой гнусный человек.

— Посоветуемся с отцом Гардуэном, — предложила она.

— Нет, нет, это должно остаться тайной между нами.

— Хорошо, я пойду. Но тебе не надо быть при этом, — сказала она. — Оставайся за дверью, с кинжалом. Если я крикну, войди и убей художника.

Поглощенный своим искусством, Пуссэн горячо сжал Жиллет в своих объятиях.

— Он меня разлюбил! — сказала себе Жиллет, оставшись одна. Она уже раскаивалась в своем решении. Но тотчас ею овладело чувство, мучительнее раскаяния, и она старалась заглушить забродившую в душе мысль. Ее томил подозрение, что художник чем то лишил себя права на ее уважение, и ей казалось, что она тоже перестает любить его.

II

КАТЕРИНА ЛЕСКО.

Месяца три после встречи Порбюса и Пуссэна, Порбюс пошел проведать Френгофера. Старик переживал тогда один из тех тягостных внезапных упадков духа, причина которых, если верить математикам медицины, в плохом

пищеварении, в ветре, в жаре или какойнибудь внутренней опухоли. По мнению же спиритуалистов, в духовной неудовлетворенности. Старик просто переутомился, устал, доделывая свою таинственную картину. Он сидел в широком черном кожаном кресле, с резной дубовой спинкой, недвижимый, вялый, и не меняя положения, взглянул на Порбюса взглядом человека, покорившегося скуке.

— Что с вами, учитель? — спросил Порбюс. — Ультрамарин, за которым вы ездили в Брюгге, не оправдал ваши ожидания? Или с новой эмалью не справились? Масло плохое? Кисти заартачились?

— Увы! — ответил старик, — мне казалось одно время, что картина моя кончена. Но я ошибся в отделке нескольких деталей, и не успокоюсь до тех пор, пока не разрешу все свои сомнения. Я решил отправиться в путешествие, я поеду в Турцию, Грецию, Азию, буду искать модели и сравнивать с ними мою картину. Но, быть может, у меня там и сама природа, и сама жизнь, — добавил с улыбкой глубокого удовлетворения. Порою, я боюсь почти дыханием разбудить эту женщину, боюсь, что она исчезнет. . .

И вдруг встал, словно собираясь двинуться в путь.

— О! О! — сказал Порбюс, — я пришел как раз кстати, и затем, чтобы избавить вас от утомительного и дорогого путешествия.

— Как так? — удивленно спросил Френгофер.

— Молодого Пуссэна любит женщина несравненной, и совершенно безупречной красоты. Дорогой учитель, если он согласится уступить ее вам на время, вы тогда, по крайней мере, уже покажете нам ваше полотно?

Старик не двигался с места, словно оглушенный ударом.

Как? — вскрикнул он наконец, — показать мое произведение, мою женщину? Сорвать покрывало, под которым я, я целомудренно прятал свое счастье? Но ведь это было бы возмутительным святотатством! Десять лет я живу с этой женщиной, она моя, только моя, и она любит меня. Ведь она улыбалась мне каждый раз, когда я прика-

сался к ней кистью. И у неа есть душа, душа, которую я вдохнул в нее. Она покраснела бы, если бы другие глаза, кроме моих, остановились на ней. Показать ее? Но у какого же мужа, у какого возлюбленного хватит низости, чтобы предать бесчестью принадлежащую ему женщину? Когда ты пишешь картину для двора, ты не вкладываешь в нее всю свою душу, ты продаешь царедворцам лишь раскрашенные манекены. Моя картина — не картина, это любовь, это страсть. Она родилась в моей мастерской, и должна остаться в ней девственницей, выйти из неа она может лишь одетой. Поэзия и женщины лишь возлюбленным своим являются в обнаженном виде. Разве мы видели модели Рафаэля, Анжелику Ариосто, Беатриче — Данте? Нет! Нет! Нет! Мы видим только формы их. Да, произведение, которое я держу там под замком, явление исключительное в нашем искусстве. Это не полотно, это женщина. Женщина, с которой я плачу, смеюсь, болтаю, думаю. И ты хочешь, чтобы я вдруг отшвырнул от себя десятилетнее счастье, как старый плащ? Чтобы я вдруг перестал быть отцом, любовником и богом! Эта женщина не существо, это — творение. Пускай он придет, твой юный друг, и я отдам ему свои сокровища, отдам ему картину Корреджио, Микель Анжело, Тициана, буду целовать следы его ног в пыли, но сделать его моим соперником? Какой позор! О, нет, нет, во мне все таки любовник сильнее художника. Да, при последнем моем вздохе у меня хватает еще силы сжечь мою «Прекрасную Купальщицу». Но подвергнуть ее взгляду мужчины, молодого человека, художника? Нет, нет! Я на следующий день убил бы того, кто осквернил бы ее взглядом! Я мгновенно убил бы тебя, моего друга, если бы ты не преклонил перед нею колен. И ты хочешь, чтобы я подверг мое божество равнодушным взглядам и вздорной критике глупцов. А! Любовь — тайна, она живет лишь в недрах сердца, и все кончено в тот миг, когда мужчина говорит, даже другу: «Вот женишна, которую я люблю»!

Старик внезапно помолодел. Глаза его блестели и сияли жизнью, бледные щеки окрасились румянцем, и руки

его дрожали. Порбюс, пораженный мощной страстностью, с какой сказаны были эти слова, не знал, что ответить на такое глубокое, такое новое для него чувство.

Френгофер был в полном уме или безумцем? Какаянибудь художественная фантастическая мысль заполонила его, или мысли, высказанные им вспоены были тем исключительным, страстным и упорным чувством, какое распяляет в нас долгое вынашивание большого художественного произведения? И возможно ли было бороться с этим страшным самоослеплением?

Порбюс, удрученный нахлынувшими на него мыслями, заметил, однако, старику:

— Но, ведь, это только женщина за женщину? Ведь и Пуссэн предоставляет свою возлюбленную вашим глазам.

— Какую возлюбленную? — ответил Френгофер. — Она раньше или позже изменит ему. Моя всегда будет мне верна.

— Хорошо, — сказал Порбюс, — тогда не будем больше говорить об этом. Но вы можете умереть, не окончив картины, раньше чем найдете даже в Азии женщину такой красоты, такого совершенства, как та, о которой я говорил вам.

— О! Моя картина кончена, — ответил Френгофер. — Кто увидит ее, подумает, что перед ним живая женщина на бархатном ложе, под пологом. Подле нее на треножнике курятся благовония. Тебе захочется прикоснуться к кисти шнура, поддерживающего занавеси, и ты увидишь, как дышет и поднимается грудь Катерины Леско, прекрасной куртизанки, известной под именем «Прекрасной Купальщицы»... Я хотел бы только проверить...

— Поезжайте тогда в Азию, — сказал Порбюс, уловив колебание во взгляде Френгофера, и шагнул к двери.

В тот же миг, к дому Френгофера подошли Пуссэн и Жиллет. У самых дверей девушка выпустила руку художника и отступила назад, словно ужаленная внезапным предчувствием.

— Но... Зачем я пришла сюда? — спросила она глубоким грудным голосом, пристально глядя на своего возлюбленного.

— Жиллет, решай сама, а я во всем покорюсь твоей воле. Ты моя совесть и моя слава. Вернемся домой, я буду счастливее, быть может, чем если бы я...

— Но разве я принадлежу себе, когда ты так говоришь? Я тогда, как дитя малое... Пойдем, — сказала она, сделав над собой усилие, — если погибнет наша любовь, и в сердце мое войдет долгая печаль, то разве не твоя слава будет ценою моей покорности твоим желаниям. Войдем, если даже я останусь лишь воспоминанием на твоей палитре, это тоже будет — жизнь.

В дверях дома возлюбленные столкнулись с Порбюсом. Художник, потрясенный красотой Жиллет, глаза которой полны были слез, обнял ее, трепетную, дрожащую и подвел к старику.

— Вот, — сказал он, — разве она не стоит всех шедевров мира?

Френгофер вздрогнул. Жиллет стояла перед ним, наивная, простая, словно похищенная разбойниками, невинная, испуганная грузинка перед работорговцем. Целомудренный румянец окрасил ее лицо, глаза были опущены, руки бессильно висели вдоль бедер, и слезы негодовали на насилие, совершенное над ее чистотой. Пуссэн, жестоко раскаиваясь в том, что вывел из чердака это дивное сокровище, яростно проклинал самого себя. Возлюбленный заглушил в нем художника, и тысячи тревожных чувств точили его сердце, когда он увидел, как помолодевшие глаза старика, в силу привычки художника, раздевали молодую девушку, угадывая самые сокровенные очертания ее тела. И тогда он почувствовал неистовую ревность подлинной любви.

— Жиллет, уйдем! — крикнул он.

При звуке этого голоса, возлюбленная его радостно вскинула глаза и, подбежав к нему, бросилась в его объятия.

— А! Ты, значит, любишь меня! — сказала она, разражаясь слезами.

У нее хватило воли затанць муку, но не хватило сил скрыть свое счастье.

— О! Оставьте ее мне на один миг, — сказал старый художник, — и вы сравните ее с моей Катериной. . . Хорошо, я согласен.

В словах Френгофера еще звучала любовь. Он явно гордился своей мнимой женщиной и предвкушал победу, которую одержит красота его произведения над красотой живой девушки.

— Не давайте ему времени отречься от своих слов! — воскликнул Порбюс, хлопнув Пуссэна по плечу. — Плоды любви бrenны, плоды искусства — безсмертны.

— Но разве я для него, — ответила Жиллет, внимательно глядя на Пуссэна и Порбюса, — не больше, чем женщина?

Она гордо вскинула голову. Но, бросив Френгоферу сверкающий взгляд и обернувшись к своему возлюбленному, она увидала, что он поглощен был созерцанием портрета, который принял в первый раз за Джиорджоне.

— А! — сказала она, — пойдете! На меня он так никогда не смотрел.

— Старик, — сказал Пуссэн, очнувшись на звук голоса Жиллет, — видишь этот кинжал, я вонжу его в твое сердце, едва лишь услышу крик этой девушки, я подожгу твой дом, и никто не выйдет из него живым. Ты понял?

Пуссэн был мрачен, и слова его прозвучали грозно. Его поза, выражение его лица утешили Жиллет, почти простившую ему в это мгновение то, что он пожертвовал ею — живописи и своей грядущей славе. Порбюс и Пуссэн остались за дверью мастерской и молча глядели друг на друга. Порбюс не мог удержаться от нескольких восклицаний: «А! Она раздевается! Вот, говорит ей, чтобы стала на свет. . . А! Сравнивает ее!» Но он тотчас умолк, щадя Пуссэна, лицо которого выражало глубокую печаль. И хотя старые художники не томятся уже такими мелкими чувствами перед лицом искусства, он восхищался им, так он

был трогателен и прекрасен в своей наивности. Молодой человек сжимал рукоятку кинжала и ухом прикинул почти к самой двери. Оба они, в тени этой засады похожи были на заговорщиков, ждавших мига, чтобы поразить тирана.

— Войдите, войдите, — сказал им наконец старик, сияя от счастья. — Моя картина совершенна, и теперь я могу с гордостью показать ее. Никогда, ни художник, ни кисти, ни краски, ни полотно и ни свет не смогут соперничать с прекрасной куртизанкой, Катериной Леско!

Порбюс и Пуссэн с взволнованным любопытством вбежали в большую, пыльную и беспорядочную мастерскую с развешенными по стенам картинами. Они невольно остановились перед полуобнаженной женщиной, в натуральную величину и с восхищением смотрели на нее.

— Нет, не обращайтесь на это внимания, — сказал Френгофер. — Я это полотно пачкал только затем, чтобы позу одну изучить. Да и ничего хорошего в нем нет. Вот это все мои ошибки, — добавил он, указывая на восхитительные композиции, висевшие кругом.

Тогда лишь Порбюс и Пуссэн, пораженные презрительными словами старика о таких произведениях, стали искать то полотно, о котором он говорил им, но ничего кругом не видели. . .

— Ну, вот, вот оно! — сказал им Френгофер. Волосы его были вз'ерошены, лицо горело сверх'естественным возбуждением, глаза сверкали, он задыхался, как опьяненный любовью юноша.

— А! Ага! — воскликнул он, — вы не ждали такого совершенства. Вы стоите перед живой женщиной, а ищите картину. В этом полотне столько глубины, воздух в ней так свеж и правдив, что вы не можете отличить его от воздуха, окружающего нас. Ну, где искусство? Нет его, исчезло искусство! Это живое тело молодой девушки. Обратите внимание, как я схватил цвет, жизненность линии, как бы завершающей тело. Не то же ли впечатление производят предметы, движущиеся в воздухе, как рыбы в воде? Полюбуйтесь тем, как отделяются контуры от фона картины. Вы не чувствуете, что могли бы провести ру-

кою по этой спине? Целых семь лет я ведь изучал игру света, падающего на предметы. А эти волосы, разве они не залиты светом? И она дышет, смотрите. Эта грудь, а? Кто не опустится перед ней благоговейно на колени? Тело трепещет, вот, сейчас она встанет, погодите!

— Вы видите чтонибудь? — спросил Пуссэ́н Порбюса.

— Нет... а вы?

— Ничего!

Оба художника, не прерывая восторженной речи старика, поглядывали на свет, падавший вертикально на полотно, которое он показывал им, желая убедиться, не разрежал ли он красочных эффектов картины. Потом, стали осматривать ее с правой, с левой стороны, то наклоняясь, то выпрямляясь.

— Да, да, это полотно, — говорил Френгофер, толкуя по своему причину этого тщательного осмотра. — Вот, вот, рама, мольберт и, наконец, вот и мои краски, мои кисти.

Он схватил кисть и простодушно показал ее им.

— Старый плут просто смеется над нами, — сказал Пуссэ́н, подходя опять к мнимой картине. — Я вижу только беспорядочно наложенные краски сдерживаемые сплетением множества странных линий.

— Нет, нет, мы с вами ошибаемся, — ответил Порбюс.

Подойдя вплотную к мольберту, они увидели в углу полотна кончик обнаженной ноги, выступавшей из этого хаоса красок, тонов, смутных оттенков, из этого бесформенного сумбура. Восхитительной, живой ноги. И стояли, изумленные этим обломком, ускользнувшим от медленного, упорного и чудовищного разрушения. Эта нога выделялась на полотне, как торс какой-нибудь Венеры из паросского мрамора среди обломков сгоревшего города.

— За этим должна быть женщина! — сказал Порбюс, обращая внимание Пуссэ́на на слои красок, которые накладывал один на другой старый художник, полагая, что совершенствовал свою картину.

Оба художника быстро повернулись к Френгоферу. Они начинали смутно прозревать состояние экстаза, в котором находился старик.

— А ведь он искренно верит, — заметил Порбюс.

— Да, друг мой, — подхватил старик, будто очнувшись. — Надо верить, надо верить в искусство, и долгие годы жить со своим произведением для того, чтобы создать такую вещь. Иные из этих теней стоили мне невероятного труда. Вот эта, например, легкая тень на щеке, под глазами, когда вы наблюдаете ее в природе, она кажется почти непередаваемой. Представьте себе только, какие усилия понадобились для того, чтобы все таки воссоздать ее. Вглядиись внимательнее, дорогой Порбюс, в мою работу и ты поймешь все, что я говорил тебе о подходе к контурам и модели. Обрати внимание на освещение груди, видишь, как наслоением мазков и постепенным усилением света, я добился того, что схватил подлинный свет и слил его с блестящей белизной светлых тонов. А с другой стороны, сглаживая наслоения красок и смягчая контуры главной фигуры, я с'умел погрузить ее в полутона, затушевать все следы рисунка и искусственности и придать ей подлинную округлость и жизненность. Подойдите ближе, вы лучше увидите мою работу. Она теряет, если смотреть на нее издали. Вот, это вот, это место, по моему, прямо изумительно!

Кончиком кисти он указал обоим художникам на комок светлых красок.

Порбюс положил руку на его плечо и, обращаясь к Пуссэну сказал: «Вы знаете, что мы считаем его великим, великим художником?»

— Он поэт еще больший, чем художник, — серьезно ответил Пуссэн.

— Здесь кончается наше искусство на земле, — сказал Порбюс, прикоснувшись к полотну.

— И отсюда оно уходит в небеса, — ответил Пуссэн.

— Но сколько счастья на одном этом куске холста! — воскликнул Порбюс.

Старик, погруженный в свои мечты, не слушая их, улыбался воображаемой женщине.

— Но ведь раньше или позже он поймет, что на полотне его ничего нет, — заметил Пуссэн.

— Ничего нет на моем полотне! — сказал Френгофер, бегая глазами по лицам обоих художников и по своей картине.

— Что вы сделали? — шепнул Порбюс Пуссэну.

Старик схватил молодого человека за руку и крикнул:

— Ты ничего не видишь, невежда! Олух! Бездельник! Дубина! Зачем же ты пришел сюда? — Дорогой мой Порбюс! — он быстро повернулся к художнику, — вы, вы тоже, смеетесь надо мною? Скажите мне, я ваш друг, скажите, неужели картина моя плоха?

Порбюс молчал, не решаясь ответить, но побелевшее лицо старика выражало такую острую муку, что он указал на полотно и сказал только:

— Вы видите!

Френгофер несколько мгновений смотрел на свою картину, и вдруг зашатался.

— Ничего! Ничего! За десять лет работы. . .

Он опустил на стул и заплакал.

— Я, стало быть, глупец, безумец, бездарность! Я только богатый человек, который имея ноги, ходит, не доходя до цели. . . Я ничего, значит, не создал!

Он сквозь слезы смотрел на свое полотно, и вдруг гордо выпрямился и сверкающим взглядом смерил обоих художников:

— Клянусь плотью, кровью, головой Христовой! Вы просто завистники, и чтобы украсть у меня картину, хотите уверить меня, что она мне не удалась! Но я, я вижу ее! — кричал он, — и вижу, что она дивно хороша. . .

В это мгновение Пуссэн услышал из угла мастерской плач забытой всеми Жиллет.

— Что с тобой, ангел мой? — спросил художник, снова вспыхнувшей в нем любовью.

— Убей меня! — ответила она. — Но любить тебя теперь будет низостью, — я презираю тебя. . . Я еще вос-

хищаюсь тобою, но ты мне страшен. Я еще люблю тебя и мне кажется, что я уже ненавижу тебя!

Френгофер в это время уже завешивал свою Катерину зеленым пологом, с серьезным спокойствием ювелира, за пирающего свои ящики от ловких воров. Исподлобья, мрачно, взглядом полным презрения и подозрительности, поглядев на художников, он молча, с лихорадочной поспешностью, выпроводил их и уже на пороге дома сказал им:

— Прощайте, друзья мои милые!

Обоим жутко стало от этих слов.

На другой день Порбюс, беспокоясь о старике, пришел проведать его и узнал, что Френгофер умер ночью. Перед смертью он сжег все свои полотна.

Оноре Бальзак.

Перев. А. Даманская.

Аргонавты.

За ледяным окном в глухие зимы
И на заваленках кончая день,
Мечтали мы о море и о Риме,
В лесном житье древлянских деревень.
Мы строили большой корабль. Смолою
Прожгли крутую выпуклость бортов,
Грузили порохом, со всей роднею
Простились под трезвон колоколов.
Ревели девки, бабы голосили.
— Ну, дуры, ничего! — Отдай концы. —
Салют! И в пушечном дыму поплыли
Родные косогоры и овсы.
Сначала шли по рекам, а навстречу
Ползут ладьи и крепкие плоты.
Народ кричит: — Куда? — А мы: — Далече,
Прощайте, милые! — Летят мосты.
И видим, крестится народ со страху,
Скребет затылок пятерней рука,
А ветер кумачевую рубаху
Раздул у рулевого мужика.
И пролетает Каспий с шумным храпом,
И мы несемся на гребне волны —
Далеко в Эфиопии арапы
И белые прекрасные слоны.
Земель не мало в синем Окияне,
В диковинку для деревенских глаз:
Грызут орехи в пальмах обезьяны

И скорлупой бросают ловко в нас.
Манили в заводь нежные сирены —
Не русские, но сладкие слова;
Нырлял дельфин; над розоватой пеной
Кружилась непривычно голова.
Дымился город на пути. — Огромный
Мираж из розового кирпича,
Ввалились мы в него ордою темной,
Как дети любопытные крича.
Домины — будто каменные горы,
А в ресторанах люди, суета,
Сосут себе в соломинку ликеры,
Все образованные господа.
И женщина танцует, позолоту
Роняя — с нежных крылышек пыльцу —
Тебя бы на мужицкую работу,
Но огород полоть ей не к лицу.
И вдруг летит к ногам медведей роза,
В смущеньи не поднять и головы,
За то, моя, вам, что в ледяных морозах
Пылаете прекрасной страстью вы...
Но снова море. В сырости колючей
В овчинах зябнут плечи северян,
Корабль шумит, тяжелый лес дремучий —
Искусство корабельное древлян.
Теперь то лают по дворам собаки,
И петухи поют, а люди спят,
Лишь мы, Русланы рыщем в синем мраке
И крепкий ветер наш попутный брат.
И вот труба тревогу заиграла
Залило светом. Братцы, навались!
И побледнев, мы стали к самопалам —
Ну, начинается, теперь держись!
Как ахнем из двенадцатидюймовых —
В плутонгах на ногах стоять не в мочь
Душили газы в башнях прибортовых,
Стальные двери с петель рвали прочь.
Круги пошли по морю на рассвете —

Так, думаем, отбились кое - как,
Свернем — закурим, в голубом кисете
Еще российский правильный табак.
И вот — заря! И остров над пучиной,
На нем дубы корявые растут,
На тех дубах сусальную овчину
Драконы старенькие стерегут.
А наш пиит, ученость, — в разговоры:
— Эх вы «овчина», мужичье, — Руно!
Не корабли вам строить, а заборы,
Сивуху вам тянуть, а не вино.
Ведь мы, как навигаторы Язона
Плывем тысячелетья напролет,
Эллада — наше дорогое лоно,
Россия — наш Арго, а груз народ. . . —
Ну, мы не поняли. Весьма спешили,
До слов ли непонятных в этот спех.
В два счета мы драконов порешили,
Лебедкой поднимали нежный мех.
И радио — возвышенной волною —
Гудит, как на полях тяжелый шмель,
Мы слышим, кто-то плачет над Москвою,
Антенною поскрипывает ель:
— Куда б не занесла вас непогода,
— Я всюду с вами на пути морском. . . —
А мы, какие мы уж мореходы,
Мы слезы вытирали рукавом.

— — —
Ант. Ладинский.

КОВЧЕГ.

(Отрывки из поэмы).

Такую даль увидеть вам во сне бы!
Ковчег мой шел по ангельским следам.
Под ним качалось и ревело небо.
Над ним гремела и неслась вода.

Еще гудел оркестр людских веселий.
Еще худели дети бедняков,
Бил колокол, кружились карусели,
И от борьбы еще дрожал альков,

Когда разверзлись мстительные бездны
И гибнущая дрогнула земля!
И хлынул дождь, и грянул град железный,
И ветер выл, взрываясь и пыля.

Кричали звери и ревели люди,
Обрушивались горы и дома. . .
Где — память дружб, любимых ног и грудей!
О, этот вой! О, этот плач и тьма.

Ты тяжек был, мой плодотворный жребий —
Ковчег стоял, он ждал средь гор и скал,
И вот — идет в неумолимом небе,
И в клочья рвет грома и облака.

**

Благословляю дыханье маслины.
Уж воздух сиял, напоенный вином,
И горние к нам подплывали долины,
Когда голубок постучался в окно.

Качалась гора — и от ангельских крылий
Легчайший летел над горой аромат,
И руки рванули — и настезь раскрыли
Ковчег, под которым восстал Арарат.

И вот выхожу к многовласому Ною.
Что — горе и пепел недавних разлук!
О, брат мой высокий! Иду — и за мною
Орел и верблюд, носорог и паук. . .

О, милые прелести трудного рая!
Нежнейших эфиров колышется сень.
По райскому саду неспешно гуляю —
Босыми стопами по райской росе. . .

Мы ищем, мы свищем — эй, Господи, где Ты?
И крик — будто песня в счастливой груди.
И белые руки в эфирах восдеты,
И ангел над нами летит и глядит.

Довид Кнут.

Дырочки в поясе.

Когда начинает дуть ветер с северо - востока — вы понимаете откуда он возникает? — когда поднимается ветер с северо - востока, человек, венец творения, образ и подобие, впрочем, при наличии безобразных и неподобных дел его, утрачивает свою гордую мощь, — и внезапно оживают вещи.

Стихия проявляется вдоль земли и настойчиво цедится по ногам, ножкам и ножищам.

От Гайдар - Паши, от Кади - киоя, от пристани Мод и островов шаркеты, предчувствуя космическое веселье, начинают пошалить. Капитаны пароходов, готовых к дальнему плаванию за тридевять земель, выстучав аритмическое сердце барометра, неожиданно появляются на мостиках: сжаты скулы, пронзающий дали взор фиксирует ползущую издалика стихию. Анемичные существа теряют аппетит — им не по себе; борты осаждают предпримчивые грекосы, предлагая свежие лимоны: в этом звучит цинизм: удобно ли предлагать гроб живому? Даже альбатросы и чайки возвращаются из морских далей, ютятся и планируют вблизи берегов. Они предчувствуют: чий - ви! чий - ви! чий - ви! Носовая часть парохода обеспечена насморком: в ноздрях, откуда обыкновенно, грохоча, вываливается якорная цепь, возникает напряженное, сдавленное шипение: ну, ясно — нос уже заложило.

А с далеких холмов в направлении к Тузле, где скудные пастбища покрыты окопами, усеяны ржавой жостью

консервных банок, памятью недавнего людского побоища, — пенящимися волнами, бляя, скатываются стада коз и овец, инстинктивно спеша к убогому приюту. Турчата едва поспевают за ними: Гюй - лэ! Гюй - лэ! — От Сиркеджи на Фанар, на Золотой Рог, на Эюб — вдоль берега начинается магическое действие: из стороны в сторону, словно внимая тайным тактам, ритмически качаются бесчисленные камни. Мачты сочувственно поскрипывают, угрожая отдуваются паруса.

Себя ли баюкают воспоминаниями? Боли свои баюкают?

Когда расстреляли юнкера на Петропавловской площади — никто не осмелился подойти к трупам, падалью лежал. Как скаженная кошка прибежала мать, вопя. Иссякли слова — билась на трупе сыновьем, а потом сжала объятые запекшуюся сгустками голову и тоже качалась часами и выла закрытым ртом.

А было еще совсем иначе. Влюбился я в Наташу, дочь сахаровара Монасеенка, ходили мы с Наташей за экономию на Бабчин - Яр. Сядем бывало у балки, обнимемся горячо и тоже тянет баюкаться. Только что не выли, потому кошки воют на луну.

Так отчего же каики? От скорби - ли, от любви? Люди, люди, и скорбь, и любовь — одного безумья дети, одного сердца пасынки...

Выше и выше стихия. На Пере, где порядок блюдет международная полиция, изысканно одетая, вооруженная резиновыми и деревянными, гладко полированными палочками — цивилизованныя дреколья — начинается стихийная манифестация.

Вещи, душу которых уважают немногие, оказываются благороднее живых: сначала они угрожают и предлагают сдаться без жертв. Трамвай, рыча от злобы, визжа сочувствием восстающим, все еще развозит сдавшихся — благоразумных и трусливых — по домам. Кипарисы старейшины кладбища, ломают ветровой натиск; ветки ломают, отстаивают тишину и молчанье надмогильных

камней, символов бессмертия души, последних утешений несчастных и жадных.

Дома возмущены каждой доской, каждым камнем, каждым листом железа. Непрерывный, непрестанно - цедающийся поход ветровых полчищ овладевает улицами, заливами, изгорьями. Столбы, держа о - бок газовые фонари, машутъ ими; плещась, рукоплещут флаги. Души вещей, обреченных скудному домашнему уюту, свистя и визжа, неистовствуя, выползают в щели окон, стен, дверей, чердаков. Сор, тряпочки, окурки, клочья бумаги, так недавно спокойно и униженно принимавшие шарканье подметок и плевки, — как озорные ребяташки мечутся среди улицы, лезут в глаза, напарываются и пристають к венцам творения. И, наконец, смычок властно положен на все струны: трамвайные, телефонные, телеграфные провода, рей, канаты, проволоки, веревки — все подымают голос восстания.

Расплата с живыми. Это достойно великолепия!

Начинает проявляться веселенькое хулиганство. Это так понятно — ветер - же с северо - востока! Двери начинают бить стекла, а неверье в их безумье ведет к тому, что виноват швейцар. Живой привык обвинять живого и счастлив этим. Вменяются в вину все грехи прародителей плюс настоящий. Представьте — несчастный верит в свою наследственную преступность, кается, молит. Это будет продолжаться до тех пор, пока он сам не будет за одно с вещами.

А между тем зная победы уже явно переходит в их руки: вещи фанатически ликуют. О, когда входит победитель — его остается только приветствовать! При появлении вождя — шляпы долой. Иное дело — фески. Фески не снимаются в присутствии Аллаха, фески остаются на головах. Меняльщик с претензіей на банкира — Юсуф и парикмахер, вернее, толстый эксплуататор тощего фризера Андреадиса — Папа - Лиакадопулос, мои постоянные соседи, оголяют свои лысины перед каждым посетителем, но они слишком самомнят в отношении стихии; они придерживают шляпы левой рукой, цинично крутят,

наматывая на палец правой руки, священные четки и обмениваются мнениями:

— А - га - га - га... Секим - она!...

— Каки хррро - но - нак - к - ки!...

Если так... Есть - же пределы нахальству! Фалды вверх! Пальто на голову! Так: теперь шляпы под мышкой. Имейте уважение к душам восставших вещей — вот лозунг современной педагогики.

Я отвлекаюсь от измельчающего окруженья. Что за неистощимое ликованье! Кто правит торжеством?

На перекрестке стоит турецкий полисмен; он прошел отличную немецкую школу. Он не теряет смелости и даже элегантно эквилибрирует палочкой, прикладывает к усам свисток, козыряет флажкам всех порабитителей и убежден, что по законам ветшающей Оттоманской Империи он полагает порядок уличной циркуляции. Какое заблуждение!

Над осипшими улицами из насыщенной синевы, облеченной в звездную зернь, вея, вием возникает вопль:

— Вождь! —

Воронки ветров воздвигают триумфальную арку и через нее победоносно в'езжает...

Э, да ничего - же не в'езжает!... Все ветер, все ветер. Он извлекает к жизни души вещей. И каждая живет по-своему. Настойчиво издалека зыблется жалобное мяуканье: это поскрип снастей на кайках.

О, качайтесь, качайтесь, деревянные!

Семь часов — начало прибыльной поры. Я торгую на Пере цветами, мое место — между пилястрами у «*Confiserie Française*». В эту пору начинается ток этаулей. Солнце, раскинув царственную плещущую одежду, погружается в море. Из синевы, напряженной до звонкости, нисходят на землю бездомные, ютящиеся по углам и закоулкам дети: сумерки. Кто их не знает! Нищенским взглядом они приникают к окну, руки ласково ложатся на клавиши и звенит, звенит меланхоличными каплями грусть. В этот миг с высоты своего страдания нисходят матери сумеречных детей — сумеречноокия кометы,

влага длинный хвост прилипающих к ним желаний: он лоснится похотью и кажется блестящим. Они бесконечно правдивы, чужды притворства, их называют циничными.

В семь часов начинается трагедия человеческого тела, его нечеловеческое (так выражаются) поругание.

Кометы сострадательны, проходя мимо меня они бросают:

— Что за дивные цветы! —

Их спутники, высококультурные люди, мгновенно преображаются: благородный адвокат, защитник угнетенных, начинает высматривать котиком, расчетливейший биржевик ржет по жеребиному, отец семейства смахивает на трусливого и глуповатого песика.

— Букетик, букетик.... Вот деньги, здесь деньги. Сдачу, сдачу.... Plus vite! Plus vite! —

—Черт возьми! У меня один и последний глаз.... Я не могу plus vite. Прощайте, и желаю вам насладиться сосками вашей прекрасной дамы, испить шампанского из ее углубленного пупка и расследовать пещеру волшебной Атлантиды.

Отныне я знаю, что платоническая любовь родилась под супружеским идеал - одеялом. Когда осточертеет влага чужих бедер, отчего не приняться за поэзию духовной любви, скулящую, вынужденную сальварсаном и благословляемую философами, поэтами и епископами в минуты одинокого самоудовлетворения...

Но что сулит этот мятущийся вечер? Каждое смятение сопровождается падением: в парках и на бульварах падают листья, на бирже — проценты, на фронте — дух. Упадет и моя корзинка в угол, голодное тело хряснет на цыновку. Роскошь цветов и ни кусочка хлеба. Счастлив тот, кто умеет ломать комедию голодной эстетики. С грустью и опасением осматриваю свой пояс. В запасе последняя дырочка. Припоминаю значение этой последней дырочки.

Тоже был ветер и вещи стонали. Я ходил по панели вдоль своей Confiserie. Внезапно — внимание привлекли

всклипы. Водосточные трубы в эту пору горло свое не полощат. Однако, заглянуть за угол — прервать ритм своего пути, нарушить его магическое свойство усыплять всякую боль: вперед — назад, туда — сюда, тик - так....

— А - ах, Бож - жечки.... Бож - жечки.... —

Могут - ли еще быть рассужденья? Канальское любопытство само вернет за угол. Высокий, полуседой в дрянном пальтишке. Не то судейская, не то акцизная фуражка без кокарды. Сам с собою ревмя - ревет, газетным клочком глаза зажал — не видеть - бы!

Я по карманам — трах - трах, я к цветам: целую охапку и — за угол.

Ветер, пусто, качаются фонари.

Сострадание? Разочарование? И речи быть не может, я даже сам себе ответить не могу, что было, а что взбрело на ум голодный. Чужое страдание, особенно, когда нельзя помочь, само напрашивается, как тема. Ее можно свободно воплощать, а это сокращает время. В тот вечер я затмил свой голод развертыванием сюжета «Трагедия ожидания». Я несколько раз рыдающего чиновника возвращал домой. Его ждет измученная жена. Ждет, как последнее спасение. Весь день она мастерила из случайных лоскутков кукол для продажи и изнывающим, ослабевшим от голода детишкам рассказывала сказки, избегая упоминания об еде. И вот, шаги, и вот пришел. В дверь — молча. Сгустилось томительное напряжение целого дня. И что - же, всякий раз в миг молчаливого объяснения где - то лопалась струна. Вот и нынче я ищу тему для голодной фантазии. Лопаящаяся струна — чужда мне: ведь уже и последней дырочки не остается. Однако, я делаю открытие: закон изголодавшегося фантазма не исчерпывается последовательным сгущением, в нем есть смена тем и настроений. Тот, кто униженно склоняется перед могуществом стихии — сам приобретает мощь, соучаствуя в ней.

Молодая, алощекая женщина идет на меня. Собственно, ее цель — перейти улицу и ей нет никакого дела до

молодых, торгующих и голодающих. Ветер пристает к ней, она ловко, напрягая тело, изгибается, избегает его, объявляет ему войну. Я забываю о своей роли, становлюсь в позу восхищенного наблюдателя: что за гибкость! Мускулы женщины созданы для сопротивления. Первый шаг на троттуар и наглый, решившийся, раздраженный порыв выглаживает ей грудь и живот, взрывает юбку и за концом светло - серого чулка появляется запрещенная полоска.

На помощь ветру! На колени! Руками за юбку, устами к холодной и живой полоске! Крик унесен в синеву, я чувствую его только по напряжению руки впившейся в плечо. Еще миг и женщина дает мне неумелую, но талантливую пощечину: это — мой победный триумф. Я принимаю пощечину, как предел восхищения и оторвавшись от волшебной полоски, откинувшись назад, молясь, но не умоляя, смотрю в лицо: оно пылает огнем. Оно испугано, возмущено и побеждено.

От остановки трамвая спешит французский лейтенант. Как - же! Там где отсутствует денежная сделка — необходимо правосудие. Жестикуляция и вой ветра: забавно. Лейтенант не знает, как приступить к законной расправе. Я встаю с колен, я выше его на голову. Восхищенно развожу руки и улыбаюсь женщине:

— Стихия — не замечает людишек.....

В этот миг — незабвенный — ветер срывает картузик лейтенанта. Картузик — за меня, я — с вещами. Он ловко симулирует самоубийство и катится под трамвай. Миг колебания: кого — что спасти? Лейтенант летит за картузиком. Конечно, он не возвратится: легко ли сказать **кого** на **что** променять! Я легко и просто, как сообщнице, протягиваю руку женщине. Она изумлена, оскорблена выбором того, в ней царствует восхищенное любопытство к этому. Пощечина от сопротивляющейся красавицы — залог симпатии. Я смело беру ее кисть и целую перчатку изысканно и холодно, как рыцари на картинах. Затем.....

О каком продолжении может быть речь? Нет его, нет. Именно здесь конец, раз и навсегда. Здесь время теряет свою силу.

О, что взбредет на ум голодный!

Стенает улица, несется оглашенная тишина.

Когда пояс на последней дырочке — рождается Илайяли.

.

Как отец с синяками ночей, высокий ветер мертвое дитя уложил и качает в колыбелях ветвей.... Два кладбища на пути к моему приюту на Касим - Паше. Дальше неистовый восторг Галаты; неистовое возмущенье Перы. Здесь царит мышинный писк щелей. К взгорью в узких улочках, где, однако, проходит ишак с двумя корзинами, деревянные гребни домов расчесывают воздушные волосы. Волоконца тянутся и щекочут лицо.

Стучу, стучу... Открывает Сами. Он взволнован, тычет пальцем в просвет улочки и говорит. Затем плетется за мною по корридорчику и, видимо, не прочь, чтобы я пригласил его в мой деревянный ящичек излить чувства. Он будет долго оглушать тирадой, я долго принужден буду учитывать фонетику его речи. Однако, я весь во вдохновеньи голодной, не сдерживаемой пищеварением фантазии, я предпочитаю человеческое одиночество. Сами скорбит, мнется, но уходит.

Сами любит создавать истории. Когда я поселился у него — были еще у меня часы, дедовская память, пережившая все режимы и фронт. В первую же ночь я положил часы на подоконник, а утром, с непривычки к такому комфорту, позабыл их захватить с собою.

Едва возвратился — Сами привел в комнатушку молодого турка, который знал несколько французских слов. Последний долго и упорно твердил, что Сами — аскер, что турки — не воры, что воруют только греки и армяне. Наконец, об'явил, что Сами нашел часы.

— Да, сказал я, часы мои. Я оставил их на подоконнике.

Ха! На подоконнике! Сами нашел их во дворе у окна. Их смело ветром. Сами — не вор, он возвратит часы. Сами — аскер.....

Сами все время восхищенно наблюдал сцену, затем сделал жест и побежал наверх. Он принес мои часы торжественно и демонстративно, съ достоинством вручил мне мою собственность. Обещаю привычный бакшиш — отвергает. Действие исполнено, турки ушли. Я смотрю на часы, смотрю на окно и замечаю, что оно даже не открывается, оно вставлено наглухо и уже давно: гвозди совсем ржавы. Сами не учел этого и разыграл турецкую честность, вероятно, чтобы с первого - же дня внушить доверие новому жильцу.

В другой раз он обошелся без переводчика. Сами сдавал четыре «ящика» вниз и этим был сыт. У него есть жена, расплывшаяся и оплывшая женщина, и две дочери — лет тринадцати и лет четырех, плоды его довоенной и послевоенной деятельности, и какая - то старуха в лиловом трауре. Сами не довольствуется женским обществом и ежевечерно совершает обход жильцов. Живет у него старый турок, какой - то итальянец, я и рядом, через тощую стенку — два казака, торгующие на Стамбуле барахлом. Ко мне Сами питает уважение: на ящике, заменяющем стол, единственную мебель — лежит тетрадь и карандаш. Сами не решался ко мне заходить без предлога, как это он делал по отношению к другим. Предлоги - же были самые неожиданные. Однажды он постучал с видом восторга — что - то выкрикивал и, наконец, достал из кармана картинку, вырезанную из немецкого журнала. На ней был изображен страдающий король Лир. Сами, блестя глазами от ехидства, ткнул на картинку и сказал:

— Врангель - паша.....

В ту минуту я был вне земли, этого не учел Сами.

Я не засмеялся от его умышленной нелепости. Некоторое время он еще продолжал:

— Рус - паша... Чок якши Врангель - паша.... В-а-а!...

И ушел разочарованный: возражения не последовало.

Сегодня я решительно отверг Сами.

Туманно витает мыслящее Я, лежит на циновке измученное, истерзанное и ни в чем неповинное тело. Оно существует особо, вне сознания, этой чистойшей фикции, яко - бы создающей единство. Оно безвольно, оно бессильно, оно безгрешно. Оно — верный пес хитрейшего из тиранов. Все, что оно может — быть средством злой, изуродованной, отвратительной души. Но душа невидима; ее не уличишь, ее не измеришь; она приучена казаться, показываться, выставляться на показ. Потому и зло хитрыми и наивными людьми почитается производной тела.

Я — как пустыня. Так давно иссяк источник слез! При всяком горе беспощадно каменею. А вот сейчас — готов слезно пожалеть нищее тело. Нет у меня для него — ни тепла, ни пищи. Чтобы не впасть окончательно в усталый, полудремотный транс, последнее отишье буреносимого корабля, расставляю цветы по банкам от консервов (память лагерного сиденья в Тузле), развожу огонь в мангале, собрав и уложив недотлевшие остатки угольков. Конечно, этот суррогат горенья — тепла не принесет в щелями дышащую горницу, однако, все старанья должны быть приложены. Учитываю дебет - кредит: он безнадежен. Стихия безмилостна, она не день, но три и четыре. Богатые — верят и ждут чудес, они ничего не теряют, если их не будет. Не всегда это под силу бедняку. Раздраженно снимаю пояс и гвоздем, необходимой принадлежностью моего несессера, где мыло и спички, — верчу новую, еще неиспытанную дырочку в поясе. Это не так легко и после трудов праведных жалит, подняв голову, змея вопросительного знака: если не поесть, то что - бы пожевать? Нельзя ли пооригинальничать вегетарьянством? Житель я — степной, бродил и вечно жевал траву. Травы бывали изумительно вкусные, бывали жесткие, бывали горькие. С отвращением отвергаю пародирование гурманского стола: 1) свежие фиалки, 2) кон-

чки стеблей нарцисса, 3) розовые лепестки под росой Хадэм - иолского источника.... Природа чужда извращенности, она естественно питается: жрет. Стоя на четвереньках над блекнущими цветами, жую зелень. Получается что - то лошадиное: разве фыркнуть шутки ради? От естественной жвачки горит во рту и повышается настроение. Я даже начинаю вслушиваться во внешние события.

За стеной казаки толкуют:

— Как же ты его перекрасишь, когда оно — резина! Это каверкотовые пальты красуют....

— А, мать его, какое оно!... Грекос уже перекрасит. Он на этом деле — сука.... Табачек имеешь?

— Иде - же имеешь? На чего - же куплю? Моих не покупают...

— На чего - же вы сердаетесь сразу! Я, вопче.....

—Серчаюсь, купил ты — шушеру... Не можешь каверкоту понять. Каверкота первое — свой звук издает. Возьми в руку — и жизнь у ее как - бы своя....

.....

Есть невыразимая печаль в стоне выпи, есть горечь в трелях загостившегося соловья, руками хрустящая грусть в осиротелых стернях, звенящее прощанье навсегда в отлетах крыжней, шорхлое, жестяное одиночество в камышах, оттачивающих листья.... И все это — лишь намек, лишь подражанье мистериальному созвучью оживших, оживлённых вещей. К безмерному инструменту безмерный композитор приложил уста, в их безмерном дыханьи созвучат мировые просторы. Гимн мира звучит всеми глотками, он не предпочитает. Не нарушается ни теория контрапункта, ни ритмика звуковых смен: безжалостно исключается тенденциозная сюжетность. Это животный вопль живущего — и ничего больше. В нем все по праву и дышет он — мощью. Ему должно соучаствовать, но его нельзя разлагать, увлекая внимание на детали: исчезнет мировое торжество, разбитым стеклом врежется в сердце скорбь. Зазвенят осколки: всхлипы, стенанья, свисты травли, вой погонь, визг фанатиков....

И не потому, что это заключается в гимне; человек, сам испытывавший, ассоциирует свои гнев, страсти, похоти, оскорбляя бытие не знающее двойственности. Тук - тук, тук - тук.....

Сердце! Дятел верный! Перст времен — ты еще живо?

Тук - тук - тук.....

Чекист, грабитель или кредитор?

Я вскакиваю не соразмерив порыва.

— Яваш.... яваш.....

С восковой свечкой улыбатально ползет к двери Сами. Он весь — внимание, опасение: не прогоню - ли? Сами капает воском на ящик, укрепляет свечку. Усаживается у стенки на корточках. Державным шагом хожу из угла в угол. Внимающий голосу стихии, умеющий быть с нею заодно — унижения не знает.

Останавливаюсь против Сами, хлопаю его по плечу. Лицо турка — собачья морда, сияющая радостью уделенной ласки. Кажется, и хвост у него виляет.

— Аскер Сами, слушай. Я непорочно выносил свою молодость. Мне двадцать шесть. Я созерцал изощренный разврат, но не участвовал в нем. Омерзение — благороднейшее из чувств. Слушай, глупец, мной говорит природа. Она создала два начала. Сами, у тебя есть дочь. Ее все называют **гюзель** — да, она прекрасна! Скажи твоей Гюзель, пусть она сойдет ко мне. Я подарю ей все цветы, она сядет на цыновку. Я положу ей голову на колени и буду слушать мистерию: чаша торжества будет полна. Я не нарушу молодость твоей дочери, не оскорблю ее — мне нужна теплота — иззябся я в этих климатах! — Нужна глядящая рука, колыбельная песенка нужна... Ах, как поет Гюзель, доя коз!... Ее голос капризен, как по ветру гнущийся шелюг.....

— Пеки, пеки.... — поддакивает Сами, спешит меня прервать, чтобы начать, наконец, свою тираду.

— Ты согласен, глупый Сами?... Прекрасно, вот тебе награда: будешь сидеть под дверью и скулить. Иди - же и исполни, что тебе приказано....

— Пеки, пеки... — лопается терпение турка, но я умолим, как голос проявившегося в мистерии Бога. Моя десница указывает на дверь. Сами ничего не понимает, кроме этого жеста: ему приказывают выйти.

Тогда он делает вид веселого сообщника, что - то многозначительно говорит и, взяв свечу, пятится к двери. Он что - то обещает, с чем - то соглашается.

— Пеки, пеки.....

Восхищенно и торжественно ожидают соприсушие богам. Убогий приют — лучшее ложе любви. Чувства богов чужды прикрас, они определены бытием. Чу! Поскрип лестницы: в красных чулках, волнуясь, крадется Гюзель.....

Час, два, три, четыре....

.....

Холодно сияет побелевшее от ветра солнце. Дали белесы, белесоваты крыши, белесоват город: вся влага улетучилась. Мертво стоят пароходы, пуст рейд.

Шатучей походкой иду к источнику у Хадэм - иола. Наберу воды, освежусь и буду лежать, отдавшись могучей стихии.

— Спроси вот.... Господин, вы не знаете, красят - ли резиновые польты? —

Я исхожу из могущества, пьянящего расфантазировавшееся сознание.

— Да, красят.....

— Ну! Эх ты, каверкотовый! Усю ночь пилил... Господин, а нет - ли у вас сигаретки?

Внезапно прихожу в себя. О, если - бы я ее имел! Проскальзывает малодушие. Спешу удалить его и бросаю с весом спокойного величия:

— Я не курю.....

Возвращаюсь, и мой державный шаг едва сопротивляется разящему дыханию. Проясняется циничная догадка: когда тяжело быть человеком — некоторое время можно играть в богов.... Не-ко-то-рое вре-мя....

Хвать за пояс: ужели и вчерашняя дырочка истощается?

Евгений Недзельский.

Сговорная.

1907 г.

РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ

Крепка жизнь работой, красна гуляньем. Праздники — «гулянье» — без них простому человеку скучно. Да не только простому, а и монаху — и для монаха есть пост («великое море») и Пасха.

Кн. Богдан Иванович и кн. Василий Иванович Гагарины играют свадьбу: сестру Дарью Ивановну выдают замуж за Григория Алексеевича Колтовского (— проздравляем! —). На смотринах вот — сундуки раскрыты: красное, алое, малиновое, васильковое, песошное, коришневое («коришное»), лазоревое, жаркое («жеркое»), осиновое, бруснишное, белое — все это приданое за невестой. А для крепички — договор (— пожалуйста! —) — «сговорная роспись» («письмо») — опись тому, что дается «в приданые»: 6 образов, 1 кафтан, 7 кунтышей, 5 бострогов, 1 телогрея и проч. и проч. — на 1000 рублей, да 4 деревни — 40 дворов — крестьяне с женами, с детьми, с братьями, с племянниками и с внучатами, да 500 рублей на покупку вотчин.

Пишет сговорную подъячий Федор Грешищев: этот умеет, как вещь назвать; знает, как выразиться, чтобы в память вбило зарубкой — «дела нет и впредь не вступаться!» (— ишь ведь, как вляпал! —).

И не только для крепички пишет Федор Грешищев, а и для славы — теперь на-даль-далеко по всей по Сибири мол-

ва: «как Гагарины выдавали сестру замуж!» И не только для славы — есть тайна слова: названная вещь (именная) живет сильнее и ярче безымянной — и эти изумруды и эти яхонты и эти лалы и этот жемчуг и эти алмазы — — и лазурь лазоревее и красное краше. А когда такой мастер, как Федор Грешищев (— воистину Адам! —), дав название вещи, оплетет его словом — все эти сундуки, таким ударят светом в глаза, тут и рассамый придиричивый сват не устоит (— по рукам! —). Все останутся довольны и, конечно, автор — Федор Грешищев, и Феофан Яковлев — его дело записать в книгу пошлины: «1 рубль 23 алтына 2 деньги взято» (1 р. = 33 ал. 2 д.; 1 ал. = 6 д.).

А подписали эту сговорную: под'ячие — Иван Шмаевский, Яков Чернов, Семен Киреев, Федор Богданов; столыники — Роман Траханиотов, кн. Семен Гагарин, Иван Павлов.

Кн. Василий Иванович Гагарин сам подписал, а вместо кн. Богдана руку приложил сам кн. Матвей Петрович Гагарин.

Матвей Петрович — сибирский губернатор, казненный Петром за непредставление в казну сборов с вверенной ему губернии; был в большой дружбе с китайцами, китайское правительство за него ходатайствовало перед Петром; до сих пор по-китайски русские губернаторы называются «га-га-линь».

Богдан Иванович — бригадир (1673 — 9. 6. 1722).

Василий Иванович, дейс. ст. совет.; жена его — Марья Петровна; от них происходят все нынешние известные и знатные Гагарины. В числе их потомков особенно известны: Иван Сергеевич (1814) иезуит, друг Тютчева; Григорий Григорьевич (1810) художник; Вера Федоровна — жена поэта кн. П. А. Вяземского.

А написана сговорная, как сказана — читая, слышишь слово: тыся-щ-а, в-а (во), з-говорили, Григор-е-я, серебря-ных, Васил-е-й, ал-а-й, к-а-фтан, ю-п-ка, одеял-а, в шесть

нит-а-к, се-рг-и, зап-а-нка, рубаше-ш-ная, бархотн-о-й, зерк - о - ло три - ц - ать, двена - ц - ать, му-с-ких, крестьян - я, с брат - е - ми, пи - см - у, з - говорн - ова, Р - а - ман Александр - а - в, Шмаевск - о - й, записан - а, яво - ш - ной, а - синовой.

А пишет Федор Грешищев на орленой бумаге — вокруг орла напечатано: «Под сею мерою герба писать всякие крепости от тысящи и в десять тысяч рублей. Полполтины». Упоминаемые «Писцовые и Переписные книги» 186 (1678) г. — при Федоре Алексеевиче (1676 - 1682); сговорная 1707 г. — при Петре (1682 - 1725), копия 1737 г. — при Анне Иоановне (1730 - 1740).

Документ — находка М-г Jean Gavelle (Paris).

Ва тысяща семьсот седмаго, августа в пятый ден, князь Богдан да князь Василей княж Ивановы дѣти Гагарины, зговорили мы сестру свою родную княжну Дарью Ивановну замуж за Григорья Алексѣевича Колтовского, а благословляемъ мы сестру свою княжну Дарью, Божиим милосердим:

образ Всемиловитового Спаса,
образ Вскресения Христова,
образ Предтечи Иоанна,
образ Вознесения Господня,
образ чудотворца Николая,
образ преподобного отца Еерема —

в окладѣхъ серебряных и позлащенныхъ;
да мы ж, князь Богдан и князь Василей, приданого за нею, сестрою своею, даемъ платья и низанія:

каѳтан бархотной, красной подбит порчею пестрою, круживо золото с серебром, опущен огонками;
кунтышъ объяринной гулинной

мѣхъ бѣлей червей, опушен огонками,
 круживо золото с серебром;
 кунтыш алай камчатой, мѣхъ лисѣй
 черевѣй, опушен огонками, кру-
 живо золото с серебром;
 кунтышъ беберековой молиновой,
 опушен пухом, кружево золото с
 серебром, мѣхъ бѣлей червей;
 кунтышъ штовоной василковой,
 мѣхъ бѣлей червей, опушен пухом,
 круживо золото с серебром;
 кунтышъ беберековой, песошной,
 мѣхъ бѣлей червей, опушен пухом,
 круживо золото с серебром;
 кунтыш камчатой коришневой, мѣхъ
 бѣлей червей, круживо золото с се-
 ребром, опушен пухом;
 кунтыш камчатой лазоревой камѳар-
 ной, мѣхъ бѣлей червей, опушен
 пухом;
 бострогъ-порча золотная жеркая,
 круживо золото с серебром, — юпка
 штовоная карিশная с сеткою серебре-
 ною;
 бострог штовоной жаркой, травочки
 золотные, обнизан жемчюгом, —
 юпка алая камчатая, травы вино-
 градные, ѳалборы отласные осн-
 новые;
 бострог обѣяринной гулинной, кру-
 живо золото с серебром, — юпка ма-
 линовая камчатая с круживом золо-
 тным;
 бострог боберековой песошной, об-
 ложен лентою золотною, — юпка осн-
 новая камчатая, круживо золото с се-
 ребром;
 бострог отласной осиновой, кружи-

во золото с серебром, — юпка бейбе-
рековая песочная, валбары камчатые
бруснишные;
юпка красная камчатая; юпка брус-
нишная камчатая;
телогрѣя камчатая жаркая, круживо
серебренное;
перина с-ызголовьем да двѣ подуше-
чки маленьких; на перине и на изго-
ловье и на подушечкахъ наволоки
камчатые; застенки у изголовья и у
подушечекъ с кружевом серебре-
ным; простыня камчатая с кружи-
вом серебряным; простыня камча-
тая; одѣяла песцовое, покрыто кам-
кою бруснишною; шапка бархотная
соболья, запонкана с яхонты и с
лалы; муеты соболей; ванташъ;
складенецъ алмазной з запоною ал-
мазною; перло, низаное в шесть ни-
так; на руки перевези, низаны жемчу-
гом в три нитки с-ызумрудами;
плетешекъ низаной с крестом золо-
тым, на кресте зерны бурмицкие; пле-
тешекъ золото с серебром, варворки
обнизаны мелким жемчюгом, крестъ
золотой з зерны бурмицкими, чепоч-
ка золотая;
серги алмазные; серги - яхонты лазо-
ревые; серги - коронки алмазные,
подвѣски изумрудные з зерны бур-
мицкими;
запанка алмазная рубашешная; две за-
понки к рубашки в рукава с-ыскры
изумрудными и лаловыми;
перстен яхонтъ бѣлой; персен с лазо-
ревым яхонтом, два колца золотых;
лысинка шита волоченым золотом
по асиновом отласу, обнизана жем-

чюгомъ;

ларецъ бархотной з голуны, а в нем: зерколо бархотное, оправлена серебром, бѣлилица, румянница — серебряные, рукавицы шелковые з золотом;

ларецъ дубовой обить железом бѣлым;

ящикъ дубовой, а в нем бѣлья: десять скатертей браных и шитых, трицат четыре рубахи женских, двенацат рубах муских, двенацат простын, восемдесят полотенець, сорокъ платков;

всего приданого на тысячу рублей;

да мы ж, князь Богдан да князь Василей, даем за нею, сестрою своею, в приданые: вотчину в Галицком уѣздѣ в Судаской осадѣ в Егоревских починках — деревню Нагорскую, деревню Ковизину, деревню Салникову, деревню Шепырева; а в них крестьянских и бобыльских — сорок дворов; а тѣ крестьяня—з женами и з дѣтми и з братами и с племянниками и с внучаты, которые ныне в тѣх деревнях живут; а крѣпки тѣ крестьяня по Писцовым и по Переписнымъ Книгам сто восемдесят шестаго году (186 г — 1678 г), а четвертная пашня по Писцовым же Книгам и по дачам; а которые крестьяня и дѣти ихъ и братья и внучата и племянники ис тѣх съвышеписанных деревен вывезены в прошлых годѣхъ до сего нашего договору в-ыные наши помѣстья і вотчины и в-ыные уѣзды, так же и оприч дѣвокъ, которые выданы замуж за посторонних крестьян, — и до тѣх вывозных крестьян и до дѣвок, которые выданы замуж за посторонних крестьян, ему, зятю нашему, Гигорью Колтовскому, дѣла нетъ і вперед не вступатца! а которые крестьяня из вышелисанных деревен — из деревни Ковизиной и деревни Салниковой, из деревни Шепыревой — бѣжали, і тѣх бѣг-

лых крестьян сыскиват и бить челом ему, Григорью самому;

да нам же, князь Богдану и князь Василью, дать ей, сестре своей княжне Дарье, на покупку вотчин денег пятьсотъ рублей.

К сей зговорной росписи вмѣсто князь Богдана княж Иванов сынъ Гагаринъ, по его писму, князь Матвей княж Петров сынъ Гагаринъ руку приложил.

К сему зговорному писму князь Василей княж Иванов сынъ Гагаринъ руку приложилъ.

Стольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Павъловъ у сего зговорнова письма свидетелем былъ і руку приложилъ.

У сего зговорнова писма столник князь Семен княж Семеновъ сынъ Гагарин свидетелем был і руку приложил.

Свидетель столник Раман Александров сынъ Траханиотов был і руку приложил.

Сибирского Приказу подъячей Ѳедор Богданов Траханиотовъ был і руку приложил.

Того ж Приказу подъячей Семень Григорьевъ сынъ Кирѣевъ свидѣтелем был и руку приложил.

Того ж Приказу подъячей Яков Андреевъ сынъ Чернов свидетелем был и руку приложил.

Того ж Приказу подъячей Иванъ Петровъ сынъ Шмаевской свидѣтелемъ был и руку приложил.

Зговорную роспис писал крѣпостных дѣлъ подъячей Ѳедор Грѣшищевъ

707-го августа в 7 день за писмо той записки рубль двацать три алтына двѣ денги взято і в книгу у крѣпостных дѣлъ записана — подписал Ѳеофанъ Яковлев.

1 р. 23 а. 2 д. взято.

По второй явошной книге № 315.

1737-го апреля 26-го дня в Вотчинную Коллегию принята копия.

Алексей Ремизов.

О двух „планах“ реальности — жизненном и художественном.

Когда я высказываю суждение о том, что кто -нибудь или что -нибудь существует, например, алюминий, солнце, Москва, И. Петрович Павлов — наш знаменитый физиолог — то смысл подобного, **экзистенциального** суждения не имеет степеней. Алюминий или существует, или не существует — „*tertium non datur*“. Но **чувство реальности** или точнее живость, напряженность моей убежденности в том, что то-то и то-то существует, имеет весьма различные степени. Человек питает живейшую уверенность, например, в существовании своего тела, своего прошлого, физических или *душевных свойств близко знакомых ему предметов и людей, и менее живо чувствует реальность предметов менее **интересных**, менее близких или менее знакомых ему, причем и по отношению к тому же предмету экзистенциального суждения степень уверенности в существовании его объекта может изменяться. Слабая степень уверенности в существовании ионов и электронов у начинающих изучать современную физику может превратиться в **фанатическое убеждение**, будто современная концепция атома имеет дело с такими же реальностями, как например, планетная система или, наоборот, наивный читатель книги некоего Митрофана: «Как живут умершие после смерти» может простодушно верить сообщаемым в ней бредням, но впоследствии усомнится в реальности изображаемых в ней вещей и даже прийти к пол-

ному отрицанию реальности потустороннего мира. В данном случае происходит процесс психологический, который Авенариус обозначает длинным словом (вроде гоголевской фамилии «Доезжай - недоедешь») «дезэкзистенциализация». Наше чувство реальности, таким образом, и в житейской обстановке, и в сфере религиозных верований, по мере нашего умственного развития, соответственно степени нашей осведомленности, — фактической и уровню нашей философской культуры, то возрастает, то ущербляется. В этих колебаниях степени нашей уверенности в реальности окружающих нас явлений бывают и **патологические** случаи болезненного расстройства чувства реальности, например, когда оно внезапно ослабевает, как это превосходно описано Достоевским в его рассказе: «Приговор» — исповедь самоубийцы. Такие явления наблюдаются при деперсонализации (см. об этом книгу La Dugas et Montier «La depersonnalisation»), при меланхолии (см. Masselon «Melancholie»). Несомненно, что в колебаниях этого **уровня реального** («niveau du réel», как выражается Пьер Жане) играет роль главным образом изменившееся аффективное отношение к предмету, в котором не последнюю роль иногда играют внушение и самовнушение.

II.

Все это я говорю лишь к тому, чтобы остановить внимание читателя на той своеобразной форме нашего отношения к реальности, которую мы переживаем в **эстетическом** восприятии. Об'ект эстетического восприятия, например, Гамлет, Садко, Гринев, в известном смысле как будто не существует и никогда не существовал, а в известном смысле во время восприятия драмы, или оперы, или чтения романа, как будто является живой реальностью. План эстетического бытия как будто по ту сторону вопроса о существовании или несуществовании именно данного об'екта в реальном мире, хотя правдоподобие изображаемого героя есть один из важных факторов в создании

конечного художественного эффекта. Суждения, относящиеся к плану эстетической реальности, логики и психологии и называют **допущениями*** (**Мейнонг** — **Annahmen** **Урбан** — **ассумпции**). Природу подобных «допущений» прекрасно выразил Майков в стихах, касающихся созданий художественной фантазии:

И ты невольно сим явленьям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь, и не веришь ты.

Весьма любопытно, что планы реальности житейской и эстетической различаются, быть может, в зачаточной форме и животными. Карл Гросс в своей книге „*Spiele d. Thiere*“ указывает, что среди игр животных существуют так называемые **игры с добычей**. Они бывают трех родов: игра с живой добычей — когда, например, кошка мучит мышь, прежде чем ее съесть, предоставляя ей бежать и потом снова настигая ее и повторяя этот маневр несколько раз, 2) игра с мертвой добычей, когда, например, котенок гоняется за бумажкой и 3) игра с животными того же вида или животного с человеком, например, когда собака притворяется, что не видит другой, спрятавшейся в кустах, и затем вдруг с деланною яростью бросается на нее, или когда собака с деланною яростью бросается на человека и хватает его зубами за руку так деликатно, что не причиняет ему никакого вреда. Дети, несомненно, уже в раннем возрасте начинают различать эти два плана. Селли рассказывает об одной девочке, которая играла со своей матерью в «лавочку», — мать была «покупательницей», а

*) Подробности по этому вопросу читатель найдет в моей книге: «Художественное творчество» (стр. 117). С. О. Грузенберг приписывает мне в своей книге: «Гений и творчество» (1924 г. стр. 87) точку зрения Конрада Ланге, согласно которому в искусстве играет роль сознательное введение себя в обман. Если бы С. О. Грузенберг внимательно читал мою книгу, то он увидел бы, что он ошибочно приписывает мне точку зрения, которую я считаю ложною. Развиваемый мною взгляд ни в чем не совпадает со взглядами Конрада Ланге.

девочка «лавочником». В самый разгар внезапно под влиянием прилива материнской нежности мать поцеловала дочь. Девочка расплакалась: «Мамочка, ты ведь никогда не целуешься с лавочником». А вот диалог из Чехова: «Кто ты? Коля Чесноков? Нет, я Ястребиный Коготь, Монтигано — непобедимый вождь индейцев». Однако, смешение «планов» эстетического и житейского обыкновенное явление не только у детей, но и у взрослых. Маленький Байрон, присутствуя на представлении «Укрощения строптивой» и слыша, как Петруччио упрямо уверяет жену, будто видимая ими луна есть солнце, вдруг заорал на весь театр: «Сэр, говорят же вам, что это луна». Я помню, как в 1906 году, когда во многих местностях участились грабежи, одна провинциальная газета сообщила следующее. В одном театре исполнялась мелодрама. В этой мелодраме пропойца муж входит в комнату, в которой, сидя, спит его жена, он подкрадывается к ней, чтобы ее сонную ограбить. Из публики раздались тревожные крики: «Проснитесь же, проснитесь, он вас хочет ограбить». Возбуждение публики было так сильно, что спектакль пришлось остановить. В. Н. Давыдов рассказал мне несколько подобных же случаев из своих театральных наблюдений. Однажды давалась «Горькая судьбина» Писемского. Старосту на мирском сходе играл Х. Этот актер, уже весьма пожилой и невзрачный, любил ухаживать за молодыми актрисами. И вот один молодой актер, игравший крестьянина на том же сходе, вдруг вставил в свою роль такую «отсебятину»: «Эх, Трифон Иваныч, погляжу я на тебя, уж какой ты старый гриб, а все за молоденькими волочишься». На что актер Х. с перекошенным от злости лицом ответил: «А ты, хоть и молодой, да сукин сын». Публика ничего не заметила, полагая, что все это относится к роли, но оба актера были оштрафованы дирекцией после спектакля. В другой пьесе было представлено, как убийцы ищут своих жертв, спрятавшихся в стогу, публика при появлении убийц на сцене криками наводила их на ложный след, желая спасти спрятавшихся. В пьесе «Школьный учитель» один из гимназистов просится выйти из класса. Какая то чуйка из райка

громогласно об'яснила публике что побудило гимназиста выйти, ибо зритель принял дело в серьез. Выделение художественного плана бытия из плана житейского выражается, как указывает Гаманн в своей Эстетике, в известном психическом акте изоляции художественного объекта из окружающей житейской обстановки; в живописи она находит себе реальное выражение в **обрамлении** (Rahmung) картины. Подобная изоляция имеет место не только в «чистом» искусстве, но и в прикладном — в богослужении, в торжественных процессиях, в монументальном искусстве (памятники) и т. д. Нарушение изоляции бывает здесь или невольное, или умышленное. Так, в «Крестном ходе» Репина, несоответствующие торжественности момента подробности неумышленно нарушают эстетическую иллюзию.

Большевики, как известно, понаставили на площадях многих русских городов не мало бездарных памятников Карлу Марксу. В одном из южных городов Марксу кто то вымазал рот и бороду пшенной кашей и надписал: «жри сам». Подобное же нарушение изоляции получается, когда в план богослужебного благолепия вдруг грубо вторгается план житейской обстановки или наоборот, когда в житейскую обстановку легкомысленно вносятся черты из богослужебного плана. На подобном нарушении изоляции основаны многие семинарские анекдоты из быта духовенства. Вот пример. Русский деньщик капитана Бодиско, попав на богослужение в костел, слышит обращение ксенза к прихожанам: „ Dominus vobiscum “, он принимает это за вопрос, лично к нему обращенный: «дома ли Бодиско», и громогласно отвечает: «никак нет, ваше благородие. На различие «планов» реального и художественного впервые отчетливо указал Кант, назвавший художественный план «видимостью» „ Schein “. Приблизительно тоже в его время Дидро назвал иллюзией (illusion), а Пушкин позднее «обманом». Характерными психологическими особенностями, отличающими сферу видимости от сферы житейской реальности, являются 1) созерцательный характер того удовольствия, которое мы испытываем при

эстетическом восприятии (*bloss contemplative Lust*). Наша волевая заинтересованность хотя и не аннулирована, но отодвинута в нашем сознании на задний план*).

II) Наше внимание выделяет в воспринимаемом объекте его эстетическую форму — чем она совершеннее, тем легче осуществляется переход зрителя или слушателя в состояние созерцательной зачарованности, фасцинации, увлечения созерцаемым объектом. III) Тем сильнее оказываются при этом те идеализованные чувства, хотя и фиктивные, не тождественные с нашими житейскими эмоциями, но все же очень интенсивные. IV) Это чувство фасцинации сводится к своеобразной форме эстетического самовнушения и внушения, как в эстетическом творчестве, так и в эстетическом восприятии. Для первобытного сознания создание в искусстве фиктивных реальностей, например, живых существ в ваянии и живописи представлялось волшебством, магией. Гегель сообщает в своей Эстетике, что однажды одна из жен Магомета показала ему нарисованную одним художником рабу, на что Магомет заметил: «Когда этот художник вместе с этой рабой предстанут пред Богом на страшном суде, раба скажет художнику: «Зачем ты мне дал тело и не дал мне души»? Таким образом, здесь искусство понималось, как греховное и неадекватное состязание человека с Богом. После того, как Кант ввел в оборот эстетики понятие видимости у немецких романтиков мы замечаем связанное с их «иронией» умышленное нарушение эстетической иллюзии, как и кокетство с подобным нарушением. Так, у Тика, как указывает Авенариус, есть пьеса, в которой имеется пять сцен, одна на другой (см. Авенариус: «Критика чистого опыта», ч. II). Таким

*) Что она не вполне аннулирована это видно из наличности в процессе творчества личных чувств художника, которые он художественно оформляет, но которые входят в мир его страстей — он в символической форме отображает свою влюбленность, свою печаль и радость и даже свои пороки, причем художественный процесс является для него «китарзисом» очищением или освобождением от этих страстей путем претворения их в идеализованные эстетические подобию этих страстей. См. мою книгу: «Художественное творчество» 1923 г. и по-чешски «Силуэты русских композиторовъ» (печатается).

образом, зритель имеет дело с шестью планами реальности — пять*) эстетических, а шестой житейский. У Блока есть великолепное стихотворение «Клеопатра», где к тому же объекту, восковой кукле в паноптикуме, изображающей Клеопатру, применяются оба плана, и житейский (это восковая кукла), и эстетический (это — царица Клеопатра). Подобное перемещение плана представляет своеобразную **транспонировку**)** воспринимаемого, как бы в другое измерение. Осуществляется это прежде всего своеобразною внутреннею активностью внимания (**внутреннего подражания**), когда одна сторона данного объекта (например, в данном случае представление о веществе — воске, из которого вылеплена кукла) отодвигаются на задний план, а ассоциации и мысли, связанные с подлинной египетской царицей, ярко, рельефно выдвинуты на первый план. Вот оно:

Открыт паноптикум печальный,
 Один, другой и третий год,
 Толпою пьяной и нахальной
 Спешим — в гробу царица ждет.
 Она лежит в гробу стеклянном
И не мертва, и не жива,
 А люди шепчут неустанно
 О ней бесстыдные слова.
 Она раскинулась лениво

*) Впрочем, умышленное нарушение сценической иллюзии применялось и издавна. Оно применялось в фарсах и оперетках. В 1914 г. в Берлине шла «Прекрасная Елена» в таком виде. В самый разгар любовного дуэта Париса и Елены внезапно из середины партера пожилой субъект в современном костюме поднимает крик — он опознает в Елене свою жену — это Менелай. Очень забавные примеры умышленного нарушения сценической иллюзии приводит К. С. Станиславский в своих воспоминаниях и Карель Чапек в статье: „*Jak se delà divadlo*“.

***) Подобную «транспонировку» мы наблюдаем в загадочных картинах и в каламбурах. Чтобы открыть «где осел» на загадочной картинке нам надо выделить вниманием, **ретушировать**, какие то комплексы представлений и пренебречь другими. Такая же транспонировка наблюдается часто в народной этимологии, когда, например, генерал Бреверн - де - ла Гардим переделывается солдатами в «Бревно для гвардии».

Навек забыть, навек уснуть!
Змея легко неторопливо
Ей жалит **восковую** грудь.
Я сам позорный и продажный,
С кругами синими у глаз
Пришел взглянуть на профиль важный,
На **воск, открытый напоказ.**
Тебя рассматривает каждый,
Но, еслиб гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох нетленных уст:
«Кадите мне, цветы рассыпьте,
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте,
Теперь я воск, я тлен, я прах».
«Царица, я пленен тобою,
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено с тобою
Мне быть поэтом и царем.
Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой,
Что я и Цезарь будем оба
В веках равны перед тобой.»
Замолк. Смотрю: она не слышит,
Но грудь колеблется слегка
И за прозрачной тканью дышет
И слышу тихие слова:
«Тогда я исторгала грозы
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта слезы,
У пьяной проститутки смех.»

III.

В соотношениях планов эстетического и житейского возможно то, что я назвал бы **перестановкою коэффициентов чувства реального** — когда житейские чувства превращаются в эстетические, например, когда человек начинает относиться к живой женщине, как объекту чисто эсте-

тического созерцания, — скульптор Рубек трактует любящую его женщину, лишь как эстетическую модель (Ибсен), или когда талантливый Евреинов обнаруживает **упадочную** склонность превращать вообще реальные житейские чувства в фиктивные, эстетические, в театр — для себя, или когда художественные впечатления подменяются фотографической репродукцией житейских событий в кинематографе. Натурализм в искусстве и ирреализм чувств в жизни — два полюса анти - искусства. Вот такую то **перестановку коэффициентов** чувства реальности мы находим в замечательной повести Бальзака: «Неведомое творение», перевод коей предлагается вниманию читателей «Воли России», повести, представляющей в этом отношении полную аналогию с «Портретом Дориана Грея» Оскара Уайльда. (На повесть Бальзака обратил мое внимание большой почитатель этого гениального художника проф. М. Жирмундский, но его в этом романе заинтересовало другое — предвосхищение идей французского импрессионизма). В повести Бальзака изображен молодой художник (действие происходит в XVII веке) Никола Пуссен. Начинаящий, неопытный он с робостью несет свои рисунки знаменитому художнику Порбюсу и не решается, стоя у входа, войти в его студию. К Порбюсу приходит его приятель Френгофер, тоже знаменитый художник, заговаривает с молодым человеком, ободряет его, покупает у него тут же рисунки и ведет его вместе с хозяином к себе. Пуссен восхищен гением Френгофера и готов всячески служить ему, как великому артисту. Френгофер ищет образцовой женской модели для замышляемого им художественного произведения. Тогда, в пылу эстетического увлечения Пуссен предлагает Френгоферу в натурщицы свою любовницу Жиллетту, молодую, прекрасную девушку. Френгофер написал удивительную картину, которой еще никому до сих пор не показывал. Наконец, он торжественно приглашает своего знаменитого приятеля и Пуссена в заветный зал, где была спрятана картина. Он старался на ней изобразить нагую женщину, но так, чтобы это было **уже не искусство, а сама жизнь**. Он десять лет питал к своему художественному

созданию реальные чувства влюбленности, как к живой женщине. Друзья Френгофера, глядя на картину, ничего не могут понять. Перед ними масса каких то непонятных мазков, и только обнаженная нога, действительно, как живая, выступает из рамы картины. Друзья не поняли «гениального» создания. Френгофера находят в ту же ночь мертвым. Перед смертью он сжигает картину. Любовница же Пуссена глубоко оскорблена отсутствием в нем чувства ревности к ней, как к женщине, тем, что она была для него, лишь эстетической моделью! Перед нами яркий пример **перемещения коэффициентов чувства реальности**. У Пуссена его чувство любви к его возлюбленной претворилось в эстетизм, в еврейновский театр для себя. У Френгофера отношение к картине приобретает патологический характер подлинной влюбленности. **Один хочет подменить жизнь искусством, другой — искусство самою жизнью**, и оба претерпевают неудачу — один, теряя жизнь, другой, глубокую сердечную привязанность женщины. Подобным же образом герой Оскара Уайльда, Дориан Грей, увлекается актрисой, и когда она, как актриса, его разочаровывает, он разлюбливает ее, для него эстетизм заслонял реальные житейские чувства и вытеснял их. С другой стороны, художник, написавший портрет, начинает питать к нему чувство реальной влюбленности и портрет, произведение искусства, начинает, как у Гоголя, жить какую то странной магической жизнью. Причем здесь О. Уайльд лишний раз иллюстрирует свою любимую эстетическую идею — жизнь подражает искусству, а не искусство жизни, как принято ошибочно думать; на портрете Дориана Грея происходят изменения соответственно изменениям в его реальной жизни, причем изменения в портрете предвосхищают реальные перемены в наружности Дориана Грея. Между Бальзаком и Уайльдом можно усматривать даже непосредственное влияние (особенно вспоминается по поводу портрета Дориана Грея «Шагреновая кожа»). Но отношение обоих художников к перемещению коэффициентов чувства реальности прямо противоположно — у Бальзака явно отрицательное, у

Уайльда явно симпатическое. Вспоминается по поводу этих двух «портретов» еще три портрета у Гоголя, у Лермонтова и «Портрет» А. Толстого, который был написан повидимому пятью годами позднее повести Бальзака (1830 - 1835). Гоголь в своей повести прямо осуждает смешение планов художественного и житейского, осуждая стремление художников дать в своем создании ничем не отличимый от оригинала дублет. У Гоголя некоторые общие рассуждения о безусловной моральной необходимости разделения планов эстетического и житейского сплетены с идеями магического смешения этих двух планов. «В данном случае это были не нарисованные, **это были живые, это были человеческие глаза.** Что это, думал он про себя, искусство или сверх' естественное волшебство, выгнувшее **мимо законов природы.** Какая странная, какая непостижимая задача. Как для человека есть такая черта, до которой доводит высокое познание искусства и, через которую шагнув, он уже похищает не создаваемое трудом человека, он вырывает что то живое из жизни, одушевляющей оригинал. Отчего же этот переход за **черту,** положенную порывам границей для воображения, так ужасен. Или за воображением, наконец, следует действительность, та ужасная действительность, на которую соскакивает воображение со своей оси каким то посторонним толчком, та ужасная действительность, которая представляется жаждущему ее, тогда, когда он желал постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренности и видит отвратительного человека? Непостижимо. Такая изумительная, такая ужасная живость. Или **черезчур близкие подражания природе** так же приторно, как блюдо, имеющее черезчур сладкий вкус. (Гоголь — полное собрание сочинений в 10 томах, т. VIII, стр. 76 - 78). Гоголь по поводу необычайной жизненности глаз старого ростовщика вспоминает одну картину Леонардо Да Винчи, которая так написана, как будто в полотно вставлены живые человеческие глаза. В наброске из неоконченной повести Лермонтова мы находим некоторые

черты общие с Гоголем*). Художник Лукин (у которого замечаются начатки нервного расстройства) нанимает квартиру в Столярном переулке. В этой квартире со старомодной мебелью он находит портрет старика: «В эту минуту он заметил на стене последней комнаты поясной портрет, изображавший человека лет сорока в бухарском халате с правильными чертами и большими серыми глазами, в правой руке он держал золотую табакерку необыкновенной величины, на пальцах красовалось множество разных перстней. Казалось, этот портрет писан несмелой ученической кистью — платье, волосы, руки, перстни, все это было очень плохо сделано, зато в выражении лица, **особенно губ, дышала такая страшная жизнь**, что глаз нельзя было оторвать, в линии рта был какой то **неуловимый изгиб**, недоступный искусству и, конечно, начертанный бессознательно, придававший лицу выражение насмешливое, грустное, злое и ласковое, попеременно. Не случилось ли вам на замороженном стекле или зубчатой тени, случайно брошенной на стену каким нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный. Попробуйте переложить их на бумагу — вам не удастся, попробуйте на стене обрисовать карандашем силуэт, вас так сильно поразивший — и очарование исчезнет. Рука человека никогда с намерением не произведет этих линий; математическое малое отступление — и прежнее выражение погибло невосвратно. В лице портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только гению, как **случаю** (см. соч. Лермонтова, т. V, Москва 1891, отрывок неоконченной повести (Лукин). У Лермонтова старик не выходит из портрета, но появляется в комнате из соседней темной гостиной и именно он является оригиналом портрета. У Лермонтова он одет в **бухарский халат**, у Гоголя в **азиатский костюм**, у Лермонтова старик каждый вечер выигрывает у художника по золотому, у Гоголя художник обогащается золотом, запрятанным в рамку портрета. У обоих художников

*) Я предполагаю, что у них был **общий источник**.

старики являются носителями магической демонической силы. У Лермонтова страшная сила жизни сосредоточена в выражении губ, у Гоголя — в выражении глаз. Лукину неведомый голос подсказывает адрес той квартиры, где он находит портрет, Чертков у Гоголя находит у себя на квартире купленный, но не взятый у торговца портрет, магически как то доставленным. И Гоголь, и Лермонтов говорят о предельной **черте**, которою определяется высшее достижение искусства, хотя и не в одинаковом смысле. Впрочем, и у того, и у другого играет роль магическая случайность.

У А. Толстого имеется также **оживление портрета** в поэме «Портрет». В ней подросток влюбляется в старинный портрет девушки, держащей в переднике розы. Мальчику в галлюцинации представилось, что девушка сошла к нему с портрета и начала танцевать. Его нашли в бреду в зале перед портретом и дело, как будто выяснилось просто, доктора констатировали у больного сомнамбулизм и *febris cerebrealis*, но чтобы оставить у читателя впечатление, что, может быть, это и не была галлюцинация, а подлинное магическое оживление портрета, поэт отмечает одну подробность — у мальчика найдена была зажатой в руке роза (дескать, та роза, которую ему дала сошедшая с портрета девушка*).

IV.

В заключение позволю себе сделать несколько замечаний, касающихся различных планов житейского и эстетического в истории эстетики. Я думаю, что это различие впервые начинает указывать лишь Аристотель и именно в

*) Мотив превращения картины в реальность не чужд и русской народной поэзии. По народному сказанию Стенька Разин в тюрьме на стене чертит углем лодку, а затем уплывает на ней. В 1905 году Н. А. Римский - Корсаков предполагал написать оперу «Стенька Разин», для которой В. И. Бельский набросал сценарium. Прологом оперы должна была быть именно сцена магического превращения «искусства—в действительность». От оперы сохранилось лишь несколько набросков. Именно для нее Р. Корсаков предназначал свою оркестровую пьесу «Дубинушка».

отношении к природе эстетических чувств. Для Аристотеля художественные эмоции (говоря об «изображении» человеческих эмоций в искусстве) — суть идеализованные подобия страстей, отнюдь не их точная репродукция, мимезис, подражание природе. В искусстве Аристотель понимает гораздо тоньше, чем Платон. У Платона же мы наблюдаем неумышленное, а сознательное перемещение коэффициентов чувств реальности житейской и эстетической. Он называет художников обманщиками («наводителями теней») зато, что они вводят нас в заблуждение, заставляя принимать ловкую подделку (например, изображение плотника) в известном освещении за самого плотника. Точно так же Платон, подобно Толстому, отождествляет фиктивные эстетические чувства с реальными и потому считает заражение слушателя или зрителя эстетическими чувствами столь же опасным, как заражение реальными чувствами. Так мыслил Платон*) в период полной зрелости, когда он писал Государство, а старый Платон «Законов» готов уподобить мир реальных чувств простой игре марионеток. «Каждый из нас живущих представляет божественное чудо, созданное богами или, как их игрушки, или по какой либо более серьезной причине — ибо даже этого мы не знаем — знаем только то, что страсти точно проведенные внутри нас веревки или нити, тянут нас в противоположные стороны и влекут к противоположным поступкам, на чем и основано различие между добродетелью и пороками...» («Законы», А, 644).

Проф. И. Лапшин.

*) О взглядах Толстого на природу эстетических чувств я предполагаю говорить особо в статье об эстетике Толстого.

Московская мозаика.

(В защиту «слякоти»)

Есть такая часть интеллигенции, которая души своей большевикам не продала, к Нэпу не пристроилась, границу не бежала, «героически» протеста своего не заявила, по партиям не распределилась, а, забившись в мельчайшие поры московского, и вообще городского, организма, живет в тусклой повседневности нынешнего режима.

Героически протестующие заполнили тюрьмы и ссылки, тысячами и тысячами гибли в подвалах Чрезвычайки и в концентрационных лагерях. Нередко и из среды этой части интеллигенции неразборчивая длань Чеки, реже Гпу, вырывала нечаянные жертвы, но где же сравнить эти жертвы с жертвами хотя бы тех же социалистических партий.

К этой части интеллигенции, не оказавшейся в партийных лагерях и влачащей свое существование в **молчаливой**, яркими действиями не выявленной, оппозиции к большевицкому строю, у многих и многих сложилось пренебрежительное отношение, запечатленное в звонком словечке —

— слякоть !

Я не хочу обобщать и говорю только о части прежней интеллигенции (к которой, впрочем, подходят новые силы из подрастающего поколения), упорно и теперь

интеллигенцией остающейся. Я не хочу точно определять ее, указывать на нее перстом, я лишь говорю, что

она существует.

Существует и глубоко, иногда глубже некоторых действительно протестующих, и всегда глубже зарубежных «непримиримых», чувствует происшедшие и происходящие российские сдвиги. Она духовно не мирится с большевицким насилием, с большевицким попранием духа, но она не хочет ни за какую цену **возвращения к старому.**

Уж если все, что произошло, — произошло, если столько было принесено жертв, то не возврат же к старому разбитому корыту может служить путеводной звездой!

В начале этого года встретился я с одним из моих знакомых, из «слякоти», только что вернувшимся из заграничных райских мест. Это интеллигент *par excellence*, вырвавшийся на шесть месяцев в Англию и Францию. Можете себе представить — каков контраст для человека, безвыездно прожившего все эти годы в Москве, между нею, зажатой в тиски нужды и Гпу, и свободными, блестящими Парижем и Лондоном...

Спрашиваю его о впечатлениях.

«Знаете, говорит он, я раньше не чувствовал, что мы живем хорошо. Красиво живем! Но, когда после того, как я нарушил свою веру в то, что не надо и нельзя уходить из дому, пока в нем неблагополучно, после того, как, преодолев столько соблазнов за все эти годы, я все таки попал за границу, я почувствовал как бы наказание за нарушение данного мною самому себе завета.

«С момента, как я очутился «за рубежом», — я почувствовал сразу, что тюрьма, в которой мы живем имеет окна на свет и в них еще войдет солнце. А вот кладбище — оно и есть кладбище...

«И я сказал себе: мы в России живем ужасно, но мы живем прекрасно. Мы проходим какой-то предписанный нам искус, чтобы притти на свой собственный путь и не стать на «них» похожими никогда!

«Надо, чтобы мы, когда будем отплясывать в 136-ой раз нашу «Бастилию», не были такими бездарно - несвободными сынами свободнейшей из свободных стран и бесстыдно скучными и пошлыми детьми вдохновеннейшей из наций. И мы ими не будем!

«Пока родится нечто, чего еще не видывал мир, все — в хаосе».

Оставив в стороне миссионизм, и ранее присущий русской интеллигенции и так сильно звучащий в приводимых мною словах, нельзя не подчеркнуть главного: — непоколебимой уверенности в том, что нынешний «хаос» есть хаос творческий, из которого родится нечто **великое**, страстного желания содействовать рождению этого **великого** и непреодолимого отвращения к «буржуазному» укладу жизни, в котором **дух** попирается не железной рукой диктатуры, а пошлостью и бездарностью этого уклада.

Другой представитель «слякоти», тоже с'ездивший за границу, говорил мне об эмигрантских газетах:

— Они все не понимают главного. Не понимают, что мы не хотим не только старого, но не хотим и того, что на Западе. Одной ненависти к большевикам недостаточно. Их постоянные сравнения российской действительности с западно - европейской и американской нас раздражают. Мы не меньше эмигрантов, а больше, чем они, ненавидим наше правительство, потому что лучше, чем они, знаем его. Но нам смешно, когда «демократические» эмигрантские газеты ставят нам в пример «достижения» Запада. Они не понимают, что у нас нарождается большее и что нельзя его забивать в западно - европейские колодки.

Было бы смешно утверждать, что эти побывавшие за границей представители интеллигенции не понимают, или не видят преимуществ свободного строя некоторых европейских стран. Как раз наоборот. Они, вернувшись сюда, очень болезненно ощущают отсутствие политической свободы. Но они видят в России большие возможности, чем на Западе. Их убеждение в том, что из

«хаоса родится нечто, чего еще мир не видывал», только укрепляется после произведенного ими сравнения Запада с Россией.

Было бы не менее смешно утверждать, что «слякоть» поголовно «левая». Левая — в том смысле, как это понималось раньше. Нет, среди нее не малое количество увлекается Оптиной Пустынью и старцами, видит в Троцком воплощение Антихриста, и стоит в хвостах перед исповедью, часть ее совершенно аполитична, часть питает отвращение к какой бы то ни было «партийности». Как правило, между «слякотью» и «героически протестующими» нет никакого личного контакта. Это — различные миры, хотя и страстно отрицающие большевицкую диктатуру и не приемлющие «старого», но по разному себя выявляющие.

*

**

Я нарочно привел мнения представителей «слякоти», побывавших за границей, для того, чтобы вам сразу стало ясно, в чем особенность ее отношения к **России**, а следовательно, и ко всему происходящему в С. С. С. Р. Именно к России. Это — вера, глубокая и ничем не разбиваемая, в **особую** роль России, в ее **особые** пути, в ее возможности, несравненно более богатые, чем на Западе, в ее, **России**, гениальное будущее. При чем **материальные** ценности отходят на второй план перед **духовными**. В этом и разгадка того, что блещущий, богатый Запад не заслоняет во внимательных глазах очарования России.

Отмечу, мимоходом, что эта вера в **особые** пути развития России и в ее гениальное будущее, поможет в свое время «слякоти» с доброжелательством притти на помощь народническим элементам, которые рано или поздно, вновь займут свое место на политической авансцене России. Ибо самым, быть может, ярким отличием русских народников от прочих русских политических течений и является вера в **особые пути России**.

Вот из этой веры, помогающей «слякоти» жить и оставаться **интеллигенцией** во времена, когда самое слово **интеллигент** звучит, как **простак**, **никчемник**, когда

над всем царит лихорадочный московский «практицизм» («наш американизм»), и вытекает то обстоятельство, что страстное неприятие «слякотью» большевизма и большевиков не заслоняет от нее нарождающегося нового.

Из этой же веры возникло и неприятие ею **поголовное** эмиграции. Не приемлется не только эмиграция, мечтающая о возвращении к до-революционному периоду. Нет, не приемлется зачастую и эмиграция демократическая, кричащая:

« назад, к марту 1917 года ! »

Не приемлется из боязни, что в своей стремительности танцующие от печки 1917 года, могут раздавить намечающиеся в «хаосе» ростки нового.

«Они хотят, чтобы у нас все было, как во Франции и в Англии, они даже **нам** в пример подражания ставят Запад»,

с изумлением говорил мне о тех из эмигрантов - **социалистов**, которые неустанно занимаются в заграничных «демократических» изданиях доказательством демократического дважды два четыре и совершенно позабыли о том, что являлось их «Верую» в до-революционный период, представитель «слякоти», побывавший в Европе.

«Нынешней России, продолжал он, этим путем не идти».

Кто же эта «слякоть»?

О, она весьма разнообразна... Учитель, ведущий класс моего племянника, прекрасное молодое существо с лицом Христа. Самоотверженно решил:

«не уходить, иначе посадят коммуниста».

У него в зачатке туберкулез. Дети изводят его отсутствием дисциплины, пользуясь кротостью. Он говорит:

«Мы знаем, что выпускаем безграмотных людей, и ничего не можем сделать. Но не можем и уйти».

И родители это знают.

А вот человек, занимающийся свободной профессией, и **живущий под огромным дубовым столом**, служащим другому письменным и потому заваленным книгами и бу-

магами. Он **живет** в комнате другой семьи **под столом** — то есть, спит — не первый год и даже лампочку электрическую себе там пристроил.

А вот интеллигент, живущий в парадном ходе чужой квартиры — без окна, в темноте — годами.

И вот я спрашиваю человека, живущего под столом:

— Где же работаете?

— Да, знаете, где придется. Ничего, хорошо живу. Жаловаться нечего.

Молодые ученые, как и вообще ученые, вынесли за все эти годы едва ли не больше всех. Вообще, «комиссия по улучшению быта ученых», «Цекубу», сформированная, кажется, чуть ли не в 20 году, сыграла огромную роль в жизни ученого, писательского и художественного мира. Можно сказать по-просту — все перемерли бы давно, если бы не это учреждение. Но, конечно, она не все-сильна и многим еще и теперь приходится выносить не мало лишений. Ну, вот ученые, и повторяю **молодые** (иначе говоря, **интеллигенция** не вымирает) ученые, живут, как попало, но работают фанатически. Так же работает и художественная молодежь. Порой, глядя на работу такого интеллигента, кажется, что этот комочек нервов, воплотивший Стрдание, истекает кровью на каких то сверж - баррикадах, за все человечество. И «собственная» большевицкая проблема уходит куда-то и делается мелкой.

Ни за что, если только в вас самом есть человеческое, вы в этих людях «слякотности» не почувствуете.

Когда черезчур нажмет грубая лапа, ее стараются отвести в сторону — каждый по-своему.

— Как вы можете уживаться с ними? — спрашиваю я одного из фанатиков.

— С волками жить, по-волчьи выть!

Такую же фразу услышал я от молодого этнографа (ребенком бывшего во время революции), а теперь заседающего в... на важных заседаниях.

— Как вы преодолеваете всякие официальные затруднения, чтобы завоевать свое положение?

— С волками жить, по-волчьи выть.

Это те из **молодых** не-большевиков, но их ненавидящие, кто сравнительно успевают. Их тактика иная, чем у живущих под столами, но вера в Россию та же.

Чем увлекается молодежь в век «практицизма»? Я говорю, конечно, о части молодежи. Археологией, которая в большом почете, историей искусства, (в Москве большое увлечение историей иконографии). Вырабатываются замечательные «гиды» по музеям. «Охрана памятников искусства и старины» все время на высоте и сделала очень много. Большая часть не-рабфаковской молодежи занимается искусством. Консерватории переполнены. В «драматических студиях», а их множество, молодежь работает с такой выносливостью, которую представить себе трудно.

Это отвлечение от темы о «слякоти» в сторону молодежи и ее увлечений я сделал нарочно, чтобы показать, что вовсе не все у нас пропитано «американизмом», и что большевикам не удалось убить стремлений молодежи голым материализмом.

Вернусь к теме. Заговорил я как-то раз с одним из очень видных представителей интеллигенции, **героически не протестующей**, о том, как эта интеллигенция может «молчать». А он мне в ответ, в числе прочего, на общий всему народу характер указал:

«У «слякоти», как вы ее называете, есть свой пульс и темперамент. Тот самый темперамент, который у Ильи Муромца был, у того самого, что 33 года сиднем сидел; у Садко — Гостя богатого, что Волховы заслушавшись, про свою Дружинушку Хоробрую и Бусы - Корабли забыл: у Ярославны, что зарей на городской стене плакала и за пальцами над раной князя своего слезы лила. У тех, что в Скитах на Керженце живали, да на кострах самих себя сжигали.

«У тех, о сиденьях которых только теперь из архивов Алексеевского равелина узнаем.. Жуткие «сиденья». Вся кровь этого «темперамента» никуда не пропала и течет в жилах «слякотных». Мир ворочается, а рыбарь на

Северной Руси все по прежнему «Старину» оказывает по 6 часов без передышки, только с окликами: «спите, крешшоные?» И продолжает, потому что «крешшоные не спят» и нет им ничего в этот час нужнее и дороже «Старины» этой заветной».

Так сказал поэтически несколько о «темпераменте» «слякоти» ее представитель.

А я скажу, что, конечно, трудно предположить, что только «слякотные» свойства вынуждали к терпению и молчанию **силищу** эту непостижимую, у которой пальцы, заочневшие от холода в комнатах, еще «не отпухли», у которой порой мозг обезкровлен и сердце от изношенности «лопается», и из среды которой все, глядишь, в Сорбонский, или Болонский, или еще какой университет приглашают лекции читать.

Я привел слова одного из «слякотников» о том, что «живем мы красиво». И действительно живет она **красиво**. Ее можно сколько угодно презирать за отсутствие **активности**, но как она живет, надо поближе посмотреть и поглубже поискать источников «слякотного» тонуса ее жизни.

Вот и Блок тоже за две недели до смерти отвечал: «хорошо живу», а у него уже голодная цынга была.

Кого из них осудить? Вот целый ряд их передо мною. Смертей десять за последние полгода, только среди моих знакомых, было от «разрыва сердца». И все не замечают ни малейшего недомогания, не замечают и того, что из дому ежедневно убегают ранехонько, а приходят к полночи, ничего за целый день частенько и не с'евши. Все «совмещают» по несколько служб, чтобы как-то семья просуществовала (врачи, профессора, педагоги), а многие служат на таких службах, которые «запрещают совместительство».

А труд-то умственный, а мозг малокровный от тягот последних годов. И ничего по большей части не замечают до обморока. А потом вдруг догадаются, как мой близкий знакомый, последнее «прости» близким сказать.

И ни на один миг **своего дела** не забывают, только ему духовно служат. О том, как пишут научные работы, симфонии, литературные произведения (которых нельзя и напечатать) под звуки примусов и ссор восьми хозяек в одной квартире, можно написать целые тома.

О том, как многие с самого 18 года не имели возможности побыть наедине с самим собой..., о том, какую «достоевщину» развивает и углубляет подобное «общезитие» человеческое, нужно тоже целые тома писать.

Конечно, в стремлении многих из «героически не протестующих» к отвлеченному мышлению можно отчасти увидеть инстинктивное желание уйти «подальше» от действительности, и совершенно ясно, что многие из этих людей не таят в себе ни малейшего залога к борьбе, к активности. Но на пассивную борьбу, если им мешают делать любимое дело, у них находятся силы — сверхчеловеческие. При убийственных условиях жизни они проявляют непостижимую физическую выносливость. И к своему делу относятся, как к священнодействию.

Я скажу — эта «слякоть», души своей никому не отдавшая, родная сестра «героически протестующих». Она остается на своем посту, пусть «тыловом» по сравнению с теми, кто активно борется, но каком же монотонно страшном. Она продолжает традицию русских подвижников духа и разве не трогателен образ ученого, подвизывающего веревочками подошвы, на фоне спекулянтской лихорадки официальных героев дня.

Так же, как «геройски протестующие», «слякоть» делает великое дело.

И не мешает многим нашим внутренним и зарубежным зоилам задуматься над ее ролью и над ответом, который мне дал на днях один **молодой** (из подошедших «на смену») ученый на мой вопрос:

— Как можно в нашей обстановке писать научные работы и «двигать» науку?

— Обстановка внешняя, сказал он, тяжела, главным

образом, в смысле жилищном, ну, живешь за-городом, а о прочем думать некогда...»

Вот это «о прочем думать некогда» (что собственно, повидимому, и есть главный грех «слякоти») и является самым характерным, над чем стоит задуматься тем, кто хочет понять роль «слякоти» в нашей жизни.

Б. Невидимцев.

Сентябрь. 1926 года.
Москва.

Проблемы славянской политики *)

IX. Славянофильство и Славяне во время и после войны. а) Была ли мировая война войной германцев и славян? У славян не было во время войны политического плана. Славяне и последствия войны. Война окончательно разрешила целый ряд славянских вопросов.

34. Так называемой славянской политике приписывали часто в ходе развития политической Европы гораздо более значительное место, чем она в действительности занимала. Правда, славянство играло несколько раз в политической истории новейшей эпохи довольно значительную роль, но оно никогда не было элементом решающим и непосредственно определяющим важнейшие события. Я уже упоминал, насколько прямо поражающим является то обстоятельство, что неославянофильство обнаружило себя бездеятельным элементом, а правительства участвующих государств пренебрегали им в критическую эпоху 1906 - 1917 г. г. Исследование политических архивов бывших императорских министерств и иностранных дел бросает яркий свет на его полную неспособность влиять на что бы то ни было.

*) Как я уже говорил в предисловии к этой статье, она является лишь комментарием к славянским вопросам, трактуемым в ежедневной печати. Я оставляю за собою право вносить изменения, поправки и дополнения при книжном издании этих статей. Несмотря на это, я хочу обратить внимание хотя бы на некоторые литературные источники, которыми я пользовался при работе над этими очерками и которые при современном положении споров о славянских вопросах заслуживают, чтобы их прочли и изучили. При этом я обращаю внимание на то, что немцы снова начали проявлять к славянскому вопросу такой же, если не больший интерес, чем сами славяне.

С этой точки зрения характерными для определенных кругов являются делавшиеся и до сих пор делающиеся попытки доказать, что причиною мировой войны были панславянские прокиски, руководимые Россней, Белградом или Прагой, и что, в конце концов, мировая война вращалась вокруг проблемы борьбы Германии и Славянства. Лозунг — мировая война — бой между Германией и Славянами — был тенденциозно брошен общественному мнению весьма серьезными политическими деятелями (Бетман - Гольвег). Его целью была пропаганда в пользу довоенной политики Берлина, Вены и Будапешта. Однако, он совершенно абсурден. Это или полное незнание существа событий начала XX-го столетия или сознательное тенденциозное извращение тех мировых событий, характер и смысл которых можно понять и постичь при самой малой доле объективности.

Я не буду повторять то, что я сказал на ином месте о смысле мировой войны. Я бы хотел лишь подчеркнуть еще раз, что достаточно внимательно просмотреть, например, венские архивы и изучить 1906 - 1914 годы, проследить при помощи документов шаг за шагом спор, тянувшийся в то время между Веной и Петроградом, продолжавший историческое развитие всей балканской политики Австрии и России констатировать роль, которую здесь играли Черное Море и Константинополь, Македония, Греция, Албания и черноморские проливы, связь этой политики с политикой Англии, и также и то, что за всем этим стояла Германия со своими планами и Марокко, ближней Азии и Мессопотамии и

Славянство, картина его прошлого и настоящего, Прага 1912;

Масарик: Россия и Европа, Прага 1924 г.;

Ад. Черный: Славянский Преглед (журнал) номера, вышедшие до войны;

Нидерле: Славянский мир, Прага 1909 — 1916 г. г.;

Видерле: Славянский мир, Прага 1909 — 1916 г. г.;

Крамарж: Русский кризис, Прага 1924 г.;

Милюков: Очерки по истории русской культуры (чешский пер.) Прага 1910 г.;

Милюков: Russia and its crisis, London 1905 г.;

Здзиховский: Die Grundprobleme Russlands, Leipzig 1906. (Интересная и глубокая книга.);

М. Здзиховский: Messyanism a Slowianophile. Краков 1888 г.;

Вл. Коровский: Od Slowianofilstwa do Panaziatizmu. Краков 1901 г.

Д-р А. Фишель: Der Panslawismus bis zum Weltkrieg.

Берлин 1919 г. (Хотя и тенденциозная и антиславянская книга, но все же содержит ценный материал и изложение в общих чертах, хотя и не систематически, истории развития славянского вопроса);

Шуста: История новейшей эпохи от 1812 до 1870 и от 1871 до 1914 г.г. Прага 1923-5 г.;

вспомнить при этом, как все это отражалось во Франции, чтобы сейчас же стало ясным, насколько поверхностно резюмирование этого всеевропейского и мирового конфликта простой формулой «германцы против славян». Инструкции, которые австро - венгерский министр иностранных дел давал в марте 1906 г. своим послам в Петрограде и Царьграде, свидетельствуют, что исторический процесс разложения Турции достиг в начале XX-го столетия крайней стадии. Все великие державы это уже сознавали и можно было бы скорее сказать, что мировая война была прежде всего вызвана неуправляемым разложением турецкой империи и что именно это разложение придало неотложно актуальный характер всем славяно - балканским вопросам, а следовательно и проблеме проливов, вопросам Малой Азии, для Германии проблеме Берлин - Багдад, северной Африки, колоний, англо - немецкого спора и т. д.

Однако, я бы не хотел сейчас распространяться обо всем этом; я констатирую лишь одно, что смешным преувеличением является утверждение, будто мировая война была войной между Германией и Славянами, что она была вызвана панславянскими происками, неославянскими интригами, славянской завоевательной политикой и т. д. Славянские вопросы перед войной не были столь предопределяющими и не играли такой роли, чтобы они могли вызвать мировую катастрофу; не может быть, однако, спора о том, что при объявлении и ведении войны им придавалось серьезное значение, но поскольку славянские интересы в войне

Тоболка: Славянский съезд в Праге в 1848 г., Прага 1901 г.

Протоколы первого подготовительного славянского съезда в Праге в 1908 г., Прага 1910 г. (Национальный Совет);

П. Дильс: Die Slaven. Берлин 1920 г., Zeitschrift für die Politik VI т. 1913 г. (Статья о панславизме написана д-ром Тоболкой) XYZ: Ungarn und die Apostel des Panславизм. Берлин (до войны Panverlag)

Вл. Кушник: Der Neopanslavismus, Вена 1908 г.;

Масарик: Мировая революция, Прага 1925 г.;

Масарик: Славяне после войны, Прага 1923 г.;

Обвинительные акты против д-ра Крамаржа, заключающие довольно интересные вещи и указывающие, как смотрела на некоторые славянские вопросы официальная Австро - Венгрия;

Официальные австро - венгерские архивы; которые уже цитировались, как весьма ценный источник.

Я не привожу сейчас подробностей, а потому и не указываю на ряд менее важных книг и журнальных статей, различных исследований, которыми пользовался. Статья об австрославизме и польском мессионизме выйдет позднее.

играли свою роль, то о них шла речь, главным образом, в начале войны и ставились они в иной форме, чем это требовали сознательные цели и задачи славянства.

Теперь эта версия распространяется с двух сторон. Прежде всего националистической немецкой партией, которая ею пытается создать себе по крайней мере частичное алиби в спорах о том, кто виноват в возникновении войны. Известно, что и официальная довоенная Германия стремилась внедрить такой взгляд в мировом общественном мнении и что в особенности в начале войны стремилась сделать ответственным за войну Россию и русский национализм, добивавшийся овладения Константинополем и господства вокруг всего Черного моря. Официальная военная немецкая пропаганда усиленно об этом твердила. Но и до сих пор нам преподносят подобные взгляды в немецкой националистической литературе, касающейся довоенного славянства; в весьма ярких красках излагаются там интриги, заговоры, империалистические, панславянские, нео - панславянские и иные планы, которые, по их словам, привели к падению Австро - Венгрии и были причиной мировой войны. Это до сих пор можно считать официальным взглядом и принципом националистических кругов Берлина, Вены и Будапешта.

Трудно понять, как и у нас, у югославян и у русских находятся деятели, которые включают в свое мировоззрение эту политическую несурязицу. У нас ее поощряют националистические круги и некоторые из тех деятелей, которые до войны активно поддерживали так называемое славянское движение. Это происходит, с одной стороны, потому, что они переоценивают то, что ранее сами предпринимали, и не обладают достаточной самокритикой по отношению к собственным поступкам, с другой потому, что это совпадает с их прежними взглядами на славянство и вообще на национализм; кроме того, это более соответствует их позиции в вопросах внутренней и иностранной политики нашего государства. Это, однако, не может служить ни доводом, ни основанием для того, чтобы с научной точки зрения недопустимые и политически вредные теории защищались, поддерживались и распространялись.

В область наших рассуждений о проблемах славянской политики входит, конечно, и разбор этого вопроса. В случае, если бы названные теории были правильны, это дало бы совершенно особую характеристику довоенному славянофильству; одновременно отсюда вытек бы ряд выводов, полезных для разрешения неотложных славянских вопросов в наше время.

35. Я хочу лишь констатировать, что мировая война, длившаяся от 1914 до 1918 г., не была войной германцев и славян

ни по своему характеру, ни по своим целям и объявленным программам, ни по достигнутым результатам.

Война *не была таковой по своему характеру и сущности*. Правда, она была вызвана непосредственно спором Австро - Венгрия и России из-за влияния на Балканах, но значение ее тотчас же расширилось со вторжением Германии в Бельгию и во Францию, со вступлением в войну Англии, Японии, Италии, Румынии, южно - американских республик, Китая и, наконец, северо - американских Соединенных Штатов, если даже не считать участия в войне, на стороне немцев, австрийцев и мадьяр, Турции и Болгарии. Вообще же участие народов в войне было еще гораздо шире и ею были поставлены вопросы, чреватые последствиями — в этическом отношении. В ней приняли участие, конечно, славяне и германцы, но также и романцы и англо - саксонцы, а, в конце концов, и венгры, и турки, и китайцы, и японцы.

Бесспорным фактом является то, что война, правда, выдвинула все вопросы сложной славянской проблемы, но ею были выдвинуты не только эти вопросы, но также и проблема объединения Италии, возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, проблемы Шлезвига, немецких колоний, спор с Германией на Дальнем Востоке, вопросы о Дарданелахъ, Месопотамии, Аравии, Палестине и Сирии, проблема объединения Румынии, присоединения Австрии к Германии, вопросы, касающиеся Албании, Египта и Ирландии, Шантунга и т. д. то есть *гораздо больше неславянских, чем славянских вопросов*. На практике это означало, что мировая война воскресила споры о всех до тех пор неразрешенных политических вопросах и принудила воюющие государства приняться за их разрешение. То, что эти споры касались и славянских народов, было при их географическом положении, при их существующем политическом положении, при философском, умственном и политическом развитии Европы за последние 150 лет более, чем естественно.

Мировая война 1914 - 1918 г. г. явилась грандиозным завершением европейского развития, начавшегося гуманизмом, ренессансом и реформацией и шедшего к европейскому политическому индивидуализму, конституционализму и парламентаризму нашего времени. Картезианская философия, либеральная английская философия и французские энциклопедисты готовят это развитие, причем дело доходит до английской, американской и, наконец, французской политической революции и, благодаря ей, до уничтожения средневековых феодально - аристократических концепций и создания первых основ современного конституционализма. Америка и вся Западная Европа, вступив на этот путь развития, создали в ходе политической и социальной борьбы XIX

столетия современного человека, освобожденного от абсолютистических уз, они проповедывали философию человечности, уважения к человеческой личности, к проповеди политического и социального равенства и совершенной политической демократии.

Германия, Австро - Венгрия, балканские государства и Турция, несмотря на свои различные политические изменения, в сущности никогда не пережили такой политической и духовной революции, через какую прошли государства Западной Европы и Америка. В Австро - Венгрии абсолютизм господствовал до 1848 г., а потом сейчас же после революции настал еще более гнетущий абсолютизм и весь конституционный период, от 1860 до 1867 года и вплоть до самой мировой войны, ничто иное, как непрерывная борьба за сохранение абсолютистически - аристократической структуры габсбургской империи, комбинированная с национальным притеснением не немецких и не мадьярских народов.

В Германии дело не обстояло лучше, хотя строгий абсолютизм Гогенцоллернов и придавал империи больше внутренней и внешней солидности и силы, чем в Австрии; в Турции лишь в 1908 г. устроили некое подобие революции — в меньших масштабах, чем у нас в 1848 году — однако, она не проникла в глубь турецкой политической жизни и не изменила ее старого абсолютизма.

Итак, когда пришла мировая война, она разделила мир на два лагеря: на одной стороне оказались династические, живущие империализмом и пропитанные милитаристическим духом Германия и Австро - Венгрия, которые всей своей политикой и социальной структурой оставались средневековыми государствами; и обок с ними стала Турция со всей своей восточной философией насилия и методами управления, основанными на магометанской теократии, и Болгария, подпавшая под хорошо всем известное влияние германизированной династии Кобургов.

Союзнический лагерь состоял из государств Западной Европы, прошедших по преимуществу через революционно - демократическое чистилище, с конца XVIII и начала XIX столетия. Правда, среди союзников находилась и Россия; будучи государством абсолютистическим и политически незрелым, с невозможным типом монархизма, половинчатого конституционализма, тяжелыми социальными условиями и гнилой бюрократией, с северными методами управления и чисто средневековой политикой, экономической и социальной структурой. Россия по своему духу и развитию принадлежала скорее к группе центральных держав.

Война была непосредственно вызвана спорами о Балканах, Малой Азии, Турции и черноморских проливах; непосредственным толчком и поводом был конфликт с Сербией. Своим характером и

сущностью, как я уже сказал, она была грандиозным, завершением борьбы за европейскую демократию. Из борьбы за свободу европейского человечества, которая началась французской революцией, вышли идеи демократии, идеи управления народа самим народом и для народа, идеи национального самоопределения, национальной свободы. *Все эти идеи были чреваты самыми широкими последствиями и имели большое значение как . раз . для . славянских . народов . Европы;* ибо они были более всего отсталыми, как с демократической, так и с национальной точки зрения. До самой мировой войны русские вели тяжелую борьбу за демократию и за свободу в своем собственном государстве; поляки принадлежали трем абсолютистическим государствам и национально были раздроблены; чехословаки находились во владении двух абсолютистических государств и не были объединены. О югославянах и болгарях нечего и говорить, как с одной, так и с другой точки зрения.

Итак, роковым образом, сами собой стали в порядок дня все славянские вопросы, как только по той или иной причине началась мировая война, точно так же, как выдвинулись и все остальные вопросы, касающиеся Европы и мировой политики и по своему характеру означавшие борьбу за демократию, национальную свободу и объединение. Нужно, однако, отметить, что последствия войны особенно сильно проявились в той части Европы и мира, которая более всего страдала от недостатка демократии и от национального притеснения со стороны уже зрелых народов, то есть Средней и Восточной Европы безотносительно, касалось ли это славянских или иных народов (румын, итальянцев, греков). Поэтому поверхностному наблюдателю могло бы показаться, что война велась именно из-за этих областей и этих народов. Наоборот, пожар был всеобщий, мировой, он лишь глубже захватил те страны, где было больше всего горючего материала.

Дело было в борьбе двух политических и философских концепций — демократической и абсолютистически - монархической — последняя была поражена. Если мы рассмотрим правительственные архивы трех средне и восточно - европейских империй, то увидим — из переговоров, ведшихся в 1906 — 1910 г. г., — что берлинский, петроградский и венский кабинеты вполне сознавали эту опасность. Но они не были ни достаточно дальнзоркими, ни достаточно сильными и талантливыми, чтобы предупредить мировую войну правильной политикой.

Таким образом, борьба славян с немцами (и мадьярами) является *лишь меньшей частью целой мировой войны.* Я, однако, снова подчеркиваю, что приведенный выше взгляд на сущность мировой войны вовсе не разделяется широким международным общественным мнением. Французам, англичанам,

американцам, итальянцам и это могло бы казаться прямо смешным и странным. Он распространен у нас, у националистических немцев и мадьяр, отчасти в некоторых югославянских и русских кругах. Востальной Европе никто не принимает в серьез этого взгляда.

36. Война 1914 - 1918 годов не носила такого характера ни по *сознательным своим целям, ни по объявленной программе*. Поскольку можно судить по данному историческому материалу, по результату теперешних работ в архивах, по заявлениям, документам и т. д. — никто не предполагал вести войну в столь грандиозных размерах.

Ответственность за объявление войны падает теперь безусловно на Австро - Венгрию и Германию, что касается мотивов, то они были двоякого характера: Австро - Венгрия хотела воспрепятствовать объединительному процессу сербо - хорват и остановить одновременно свое внутреннее разложение, которым ей грозила постоянная внутри нее борьба. Германия хотела обеспечить себе при поддержке Австро - Венгрии более прочную основу для своего дальнейшего расширения на Балканах и в Малой Азии, помешать угрожающему разложению Турции и возможному занятию морских проливов Россией; она была подготовлена, сообразно с духом своих пангерманских планов, к ведению вооруженной борьбы с Россией и Францией, чтобы принудить их, в случае победы, к уступкам, расширяющим базис для ее предполагаемого в будущем колониального господства. Для нее, с одной стороны, была важна северная Африка и Малая Азия, с другой — подрыв влияния России на Балканах и сохранение Турции в состоянии медленного разложения, что дало бы Германии возможность понемногу усиливать и потом на всегда обеспечить свою сферу влияния в разных частях Турции, действуя в духе политики Берлин - Багдад.

Правда, в общий план политики Австро - Венгрии и Германии включалось предотвращение объединения югославян*), но ведь ради этого Вена решительно поддерживала славянских Болгар и шла, как против Румынии, так и против балканской политики Италии. Ведь Берлин, Вена, Будапешт и Петроград тоже сходились в конечных планах по отношению к полякам, то есть не хотели допустить их попытки создать независимое государство. При этом все эти три державы были за одно в общей политике, направленной против демократии и революции, и время от времени вели переговоры о создании какого то нового средне - и восточно - европейского Священного Союза, необходимого для удержания старого режима, в общем совершенно антиславянского. В общем,

*) Смотри инструкции Бертольда к Палавичини.

это была одна из главных руководящих идей всей политики этих трех монархий. Эти перекрещивающиеся интересы и намерения можно считать чем угодно, но только не политикой, общая линия которой была бы сознательно антиславянской или же славянской. Непосредственно перед войной Россия выступала одинаково в защиту православных сербов, греков и румын. Было бы совершенно неправильно исторически и научно формулировать спор Вены, Будапешта и Берлина с Петроградом из-за Балкан и целого комплекса интересов, как спор из-за славянских вопросов.

Так нужно понимать и цели, преследовавшиеся Германией и Австро - Венгрией; славянскую проблему и вопрос о славянских народах *во всей их широте* не выдвинули ни официальные сферы обеих центральных держав, ни их политические и научные круги. Руководящей мыслью правящих кругов обеих империй, как я уже говорил, был страх перед демократией, социализмом, рабочим классом и революцией. Он осложнялся еще национально: в балканских национальных вопросах на первое место выступал также страх перед революцией культурно недоросших элементов. В Берлине, кроме того, господствовала идея расширения в Малой Азии и в колониях. И Вена, и Берлин, и Петроград вели весь свой спор великодержавно, империалистически, а не национально. Если бы правительственные круги Вены, Будапешта и Берлина додумали бы до конца славянской вопрос, то, конечно, они бы не выдвинули даже во время войны польского вопроса в антирусском духе, так как они бы должны были понять — история последних столетий это ясно указывает — что конечное разрешение каждого подобного вопроса обратится неизбежно против них самих. Именно потому, что они не знали славянских вопросов и не видели, сколько в них революционного горячего материала, они, с одной стороны, обращались с ним так неосторожно, а, с другой — оставляли их в стороне.

Но и в другом лагере — на антинемецкой стороне — не было перед войной и во время войны плана и сознательной цели в славянском вопросе. Франция и Англия в начале войны не только о чем либо подобном официально не думали, но у них для этого просто не было времени и знаний. Сербия воевала за свое существование, а роль России, которая единственно могла иметь в этом вопросе решающий голос, теперь достаточно известна. Она выступила решительно в защиту Сербии, но главным образом для того, чтобы защищать СВОИ РУССКИЕ интересы на Балканах, как уже мы это указывали, объясняя русскую славянскую политику и как это было всегда традицией российской империи. (Я снова подчеркиваю, что это не является вовсе обвинением русской политики). У нее не было общего славянского плана для войны. Я отсылаю читателя к тому, что изложил на основании документов

президент Масарик в своих «Воспоминаниях». В польском вопросе дореволюционная официальная Россия вела себя крайне сдержанно, позднее отрицательно, а, наконец, и совершенно анти-польски. Революция была концом этой политики. Первая попытка создать независимую Польшу пришла с немецко-австрийской стороны и была направлена против России.

Поведение России в чехословацком вопросе было достаточно ясно освещено документами из архива русского министерства иностранных дел (опубликованы редак. Я. Палоушком в газете «Народное Освобождение» в 1924 - 5 г.); из них бесспорно явствует, что у официальной России не было планов по отношению к чехам и словакам и, что, когда в Западной Европе был поднят этот вопрос, то она с неохотой пустилась в его разбор. Во всяком случае здесь не было сознательной политики, заранее обдуманного славянского плана и славянских политических целей*).

В югославянском вопросе у официальной России также не было славянского плана, несмотря на то, что желая быть правдивыми мы должны указать, что при объявлении войны Россия, следуя прежним традициям русской балканской политики, действительно выступила в защиту некоторых *славянских* (сербо-хорватских и русских интересов. Но славянские интересы для нее *сливались в данном случае с интересами православных славян*, то есть религиозный момент играл в данном случае более важную роль, чем этнический и расовый, дело велось согласно уже приведенному взгляду князя Трубецкого. Русская «славянская» политика не изменила этого своего характера и во время войны.

Результатом этого было то, что целью первых политических планов, сформулированных Россией по объявлении войны для Балкан, было объединение лишь православных югославян: должна была быть создана великая православная Сербия, а югославя-

*) В последнее время эта точка зрения была подтверждена д-ром Шейнером, который документально выясняет отношение России к чешскому вопросу до войны. При разрешении этого спора среди легионеров, как свидетель, был вызван и д-р Шейнер, который рассказал следующее о своем довоенном опыте с официальной Россией: «Когда в 1912 и 1913 годах отношения начали обостряться, д-р Шейнер, как сокольский староста, путешествовал на Балканах, видел возрастающее отвращение к Австрии и чувствовал приближающуюся войну. Поэтому в феврале 1914 г. он поехал в Россию, так как в надвигающейся борьбе сокольство должно было играть большую роль. Он говорил с выдающимися русскими деятелями, с которыми его свел Эрбен, но при этом он встретил у этих людей полнейшее непонимание, как вопросов мировой ситуации, так и нашего народа. Говорили, что войны не будет, думские депутаты советовали ему, чтобы чехи оста-

не - католики должны были остаться в пределах Австро - Венгрии. Это было также причиной того, что Россия с легким сердцем дала в апреле 1915 года свое согласие на лондонский договор с Италией, по которому Италии обещалась Далмация; при этом официальные представители России не знали, что в южной Далмации, отходящей в пользу Сербии, жили католики, а в ее южной части, уступаемой лондонским договором Италии, были православные.

По этим и еще иным причинам я отвергаю легенду, что нас и иных славян во время мировой войны освободила Россия.

Мне бы хотелось, чтобы вопрос о доле России в освободительном движении славян во время войны разбирался, наконец, с исторической и научной точки зрения. В наше время уже можно разрешать данный вопрос с научной точки зрения. Я против упомянутой легенды потому, что это теория *ad usum* определенных политических партий, групп или даже личностей. Это вредная теория, так как ею злоупотребляют в политике ради тенденциозной лжи; однако, хуже еще то, что она вредит самой России, ибо раздражает противников и заставляет их отрицать то, что Россия в действительности сделала и на что имеет право.

В общем, во всем этом вопросе я вижу три основных элемента.

а) Россия, бесспорно, содействовала своей и немаловажной лептой достижению всех результатов войны, а, следовательно, и освобождению славянских народов, а в их числе и чехословаков. Она шла воевать, руководствуясь своими интересами и прелюбопытными в вопросах ближнего Востока. Прямо классическим доказательством военных целей и планов России является ее соглашение с Францией и Англией в 1916 году по поводу раздела Турции (она в этом случае поступает согласно тради-

лись в Австрии, так как в России ими никто не интересуется. Сазонов ему сказал прямо, что Россия к войне не подготовлена. Когда же свидетель ему заметил, что она может быть в нее вовлечена, то Сазонов ему ответил: «Вы интересный народ, но мы вами совершенно не интересуемся. Не рассчитывайте на нас, вы не входите в ваши военные планы.» Все это свидетель сообщил Эрбену, который завел его еще к министрам Маклакову и Сухомлинову. Всюду были то же безразличие и незнание. Министр Воейков (любимец царской семьи), когда свидетель начал излагать ему приготовления к чешскому сопротивлению, оборвал его и заявил, что как австрийский подданный он не должен так говорить и заявил, что не разрешит распространять подобные мысли в России. Рассказ д-ра Шейнера подтверждает ту позицию, которую заняли во время войны по отношению к царской России Массарик и все наше революционное движение.

ции своей наступательной политики по отношению к Турции) ее уже упомянутое согласие с лондонским договором о Далмации, так же, как и план объединения лишь православных югославян. Это нужно считать официальной и неофициальной политикой России и действительными мотивами войны, которую вела Россия. Она преследовала эти цели, поскольку ведя войну, содействовала совместно с остальными союзниками поражению противника. Фактом также является то, что Россия до Брест - Литовского мира задерживала огромные немецкие и австро - венгерские армии и этим не мало помогла западным союзникам. Это все признавали тогда, признают и теперь.

в) У царя и в некоторых политических и военных кругах были с самого начала войны хотя и неопределенные, но все же представления об освобождении славянских народов. Царь высказывался несколько раз в этом смысле, он, вероятно, разрешил бы и создание чехословацкого войска, ведь он проявлял в общем искреннюю симпатию по отношению к нам и к иным славянам. Однако, эта политика была парализована и сделалась совершенно невозможной под влиянием сильнейших реакционных и герmanoфильских течений. Заявления царя, бесспорно имели значение, но они были безответственны и без всяких практических последствий. Нужно правильно расценивать, и этот элемент в общем комплексе вопросов — имеет гораздо меньшее значение, чем первый именно потому, что добрая воля и стремление были в конце концов совершенно парализованы.

с) По крайней мере такое же, если еще не большее значение в освобождении славянских народов имела и *русская революция*. В этом случае Россия принесла величайшую жертву славянским народам. Без революции не было бы полного освобождения Польши. После начала революции Россия в военном отношении уже больше не помогала нашей борьбе, скорее наоборот, в некоторых фазах войны она сильно мешала и даже вредила нам и союзникам. *Однако, в идеологическом и моральном отношении русская революция была страшным ударом для Германии и Австро - Венгрии*, которая сильно подверглась ее идеологическому влиянию и начала революционно разлагаться. *Было бы несправедливо забывать об этом*. У нас начинают почти об этом забывать из - за того, что революция перешла в большевистские крайности. Наряду с идеями президента Вильсона русская революция помогала союзникам разжечь идеологию самопределения малых народов до такой степени, что в 1918 году она стала одной из наших главных помощниц в добывании прав на независимость и объединение.

Я бы формулировал именно так участие России в освобожде-

нии славянских народов. Я отвергаю вышеприведенную легенду не только потому, что она стремится тенденциозно выдвинуть те заслуги царской России, которых у нее не было, но также и потому, что эта теория является грубой несправедливостью по отношению к Франции и остальным союзникам. Я охотно признал то великое, что совершила для нас Россия и наши русские друзья времени царизма и революции, я был бы очень доволен, если бы историки доказали это еще яснее на основании документов. Но, *amicus plato, magis amicu veritas*, особенно когда этим хотят политически злоупотреблять.

Учитывая политические цели и планы, формулированные как до, так и после объявления войны той или иной стороной, нельзя заявлять, что мировая война может быть характеризована, как война славян с немцами...

Нельзя подобным образом, наконец, характеризовать мировую войну, ссылаясь на *достигнутые результаты*, несмотря на то, что славяне, как целое, — как это должно было произойти само собой из самой сущности войны — чрезвычайно много приобрели.

Война освободила и объединила поляков, чехов и словаков, сербов, хорват и словенцев. Однако, она разложила Россию, ослабила ее и отдала часть ее Польше, а также усилила спор югославян и болгар. Кроме того, она разрешила вопросы Эльзас - Лотарингский, датский — шлезвигский и румынский, — вопрос итальянского объединения (создала, однако, новые итали - сербские недоразумения), создала балтийские государства, Грецию и Албанию, разбила Турцию, разрешила вопросы Ближнего и Дальнего Востока, немецких колоний, разрешила некоторые вопросы японской политики, выдвинула проблему Лиги Наций и т. д.; то есть, *в конце концов, она разрешила больше не-славянских, чем славянских вопросов.*

Значит, даже в своих конечных результатах она не была войной славян и немцев.

37. Естественно, что, несмотря на фактическое политическое положение всех славянских народов в начале войны, *при таких условиях во время войны не могло быть единой славянской политики.* Разложение неославянофильства уже само по себе было доказательством, что подобная политика в теории или в практике просто не может существовать.

Как уже было сказано такое единство взглядов и целей в славянском вопросе отсутствовало и у России, которая как великий, независимый народ и великая держава, могла бы иметь планы единой славянской политики уже потому, что у нее были возможности осуществлять ее практически. Правда, официальная

Россия издала несколько военных манифестов, в которых говорилось о братьях славянах; как я уже говорил, при этом она думала о православных на Балканах, об ограниченной автономии в Польше в начале войны (и это было бы приобретением, если бы оно одновременно предполагало объединение всех трех частей Польши), о нас она едва ли думала, скорее совсем не думала. С болгарами же велась война.

Утверждали же, что некоторые поступки официальной России во время войны носили прямо антиславянский характер. Повторяю снова уже приведенные доказательства: согласие на уступку Далмации Италии, отвращение к соединению австро-венгерских хорватов и словенцев с Сербией, нежелание сделать уступки Польше, с трудом вырванная у России союзниками в 1916 году декларация в пользу Польши, когда уже была в 1916 году создана Польша Германией и Австрией, поведение русских войск в оккупированной Галиции, сдержанность по отношению к нашим требованиям, обращенным к России, по поводу нашего войска и нашего политического движения, несмотря на сочувственные заявления царя по нашему адресу, (за что мы были и будем всегда благодарны) и т. д.

Из всего этого видно, что у официальной России во время войны не было единого плана славянской политики. Не было его и в иных русских кругах: передовые и революционные элементы были против правительства и против того, что бы могло проявиться в виде традиционной панславянской политики правых кругов; правые круги следовали за правительством, но общественное мнение в общем знало так мало славянские вопросы, что при военной спешке у него не было просто времени об этом думать.

У поляков во время войны не было вообще так называемой славянской политики, что происходило само собою, во-первых, из их политической истории за последние сто лет, а во-вторых, из фактического положения целого польского народа. Им это нельзя ставить в вину. Будучи разделены между тремя государствами, из которых ни одно не было заинтересовано в их независимости и объединении, поляки были жертвой всех и орудием одних против других... Русской официальной программы во время войны для них было мало, слишком мало; при тогдашних условиях она не могла быть достаточно польской, а, следовательно, не могла и не была достаточно славянской.

Естественно, что поляки не были вполне на стороне России. Конечно, величайшими и опаснейшими врагами их были немцы; поэтому поляки были настроены антинемецки. Зато австрийцы обращались с ними до войны лучше всех, а мадьяры даже делали

вид, будто они их друзья; этим объясняется бережное отношение поляков к Австро - Венгрии, а также и то, что многие из них служили ей весьма преданно: лишь в последнем фазисе войны некоторые дальновзоркие польские деятели поняли, что без уничтожения габсбургской империи не могут и они добиться полного успеха. А ведь истинно славянская программа должна была означать и для поляков борьбу не на живот, а на смерть с Веной и Будапештом с самого начала войны. Такого рода борьбу не на живот, а на смерть со всеми ее последствиями поляки не решались вести во время войны.

Следовательно, у поляков не было и не могло быть общей линии славянской политики во время войны. Собственно говоря, у них не было вообще никакой славянской политики. Мне кажется, что их политические деятели, за малым исключением, вообще не оценивают войну с этой точки зрения. Однако, то здесь, то там, делались попытки и опыты проводить славянскую политику, например, в борьбе за независимость и объединение порабощенных народов в 1916 — 1918 году в государствах четырехчленной Антанты началась совместная работа польской, чехословацкой и югославянской (и румынской) эмиграции, то есть Польского Национального Комитета (Дмовский, Падеревский), Чехословацкого Национального Совета (Масарик, Бенеш, Штефаник) и Югославянского Комитета (Трумбич, Гинкович). Эта открытая и часто осуществляемая в духе славянства совместная работа продолжалась вполне лояльно до момента достижения общей цели и до начала мирной конференции.

Подобные же попытки имели место и на австро - венгерской территории в 1918 году среди депутатов и в политических кругах австро - венгерских славян; дело дошло до известных переговоров в Праге и в Любляне, в которых приняли участие чешские (Клофач, Станек, Калина), польские (Глабинский, Тетмайер) и сербские (Корошец, Грибар, Крек) политические деятели.

Несмотря на это, необходимо отметить, что этим отношением с польской стороны придавался второстепенный характер. *Славянская* совместная работа была одним из орудий в достижении цели, одним из слагаемых, которые нужно было использовать, одним из элементов, положительные стороны которого можно использовать для чисто - национальных всепольских целей. Эту точку зрения прямо классически сформулировал мне в 1916 году вождь польской политики во время войны в государствах Антанты и участник славянского съезда в Праге в 1908 году Роман Дмовский, во время одной из наших встреч в Париже, когда я ему доказывал необходимость более мирной политики Польши к России во имя славянства и в интересах победы

России над Центральными державами: «Я не знаю такой славянской политики, как вы себе ее представляете. В Прагу в 1908 году я ехал не ради какой то химерической славянской политики или ради славян; я шел туда для того, чтобы извлечь из всего этого хоть чтонибудь для Польши».

Поскольку поляки во время войны призывали к совместной славянской работе, поскольку они сотрудничали с остальными славянами, постольку они это делали всегда именно с этой мыслью. Поэтому, у них не могло быть в начале никакого славянского плана. Когда же началась русская революция и Россия в течение 1917 года была вообще исключена из области военной европейской политики, то поляки очень скоро стали... проводить единую политическую программу, которая была так же мало пропитана довоенными славянскими теориями, как мало славянской была довоенная и истинно военная политика официальной России.

Роман Дмовский и вся его группа использовали на Западе выгодное положение и, выдвигая русскую большевистскую опасность для Европы, создали теорию о барьере против большевизма и исключения России на пятьдесят лет из европейской политики.

Благодаря этому, Польша добилась на мирной конференции значительных территориальных успехов, а, продолжая вести эту же политику по окончании парижской конференции, добилась того, что после затруднительных опасных политических попыток и после войны с советской Россией и мира в Риге ей досталась обширная территория со значительным количеством русского, украинского, белорусского народонаселения. Что касается этого населения, то довоенные польско - русские отношения повернулись до известной степени в пользу Польши. Его положение однако, не вполне таково, каково было положение поляков в России.

О какой бы то ни было славянской политике или славянском единстве и единении в данном случае не может быть и речи.

У югославян и чехословаков вопрос был много проще. Австрийские югославы, так же, как чехи и словаки, обладали определенной славянской идеей, выраженной в своих военных целях: в начале войны они верили, по-преимуществу, в сильную и победоносную Россию или ожидали от нее по крайней мере значительной помощи. Всюду в глубине души, а позднее и открыто и решительно они были за поляков, — сначала по крайней мере за объединение и широкую автономию в пределах России, позднее же за полное освобождение Польши, за освобожде-

ние и объединение чехословаков и югославын, за уничтожение Австро - Венгрии, за изгнание турок из Европы, за мирное соглашение с Италией, за помощь лужицким сербам и за общее выступление всех славян в обновленной Европе при сотрудничестве западных союзников.

При этом у югославын было два затруднения: 1) бой не на живот, а на смерть с болгарамн, который, естественно, как это было заранее ясно, оставит в будущем тяжелые раны, которые потребуют длительного лечения; 2) внутренние споры между словенцамн и хорватамн с одной и сербамн с другой стороны, споры, которые уже тогда начали ясно выступать наружу.

Описанная выше политика официальной России и захватные стремления Италии осложняли до такой степени славянский вопрос, что в некоторые моменты становились невозможными не только совместное выступление сербов и хорватов, но общая линия поведения чехословаков и хорвато - словенцев по отношению к Италии и официальной Сербии. Как известно, эти споры были очень резки и часто бурны. Военные события ставили иногда официальную Сербию в такое тяжелое положение, при котором с окровавленным сердцем принуждена бывала думать о компромиссах и занимать положения, продиктованные условиями жизни и опортунизмом. Но насколько я мог лично наблюдать во время войны, ни сербское правительство, ни премьер - министр Пашич не переходили допустимых границ. Благодаря этому и югославыне, как целое, без собственной вины, в течение всей войны, не могли иметь постоянной и неизменной практической славянской политики.

Ниболее последовательной линией поведения во всех славянских вопросах с самого начала и до конца войны среди славян обладали мы, — чехословаки. По правде нужно сказать, что для нас это было легче всего. В течение войны мы изменили лишь одну точку зрения: перед русской революцией, принуждаемые обстоятельствами, мы защищали объединение трех частей этнографической Польши в пределах России с широкой автономией; после революции мы приняли польскую программу полной независимости. В югославянском вопросе с самого начала и до конца войны мы были за мирные отношения с Италией и за безусловное соглашение сербов и хорватов на основе взаимных уступок, за сдержанное наступление против Болгарии в интересах будущего необходимого сотрудничества, а также за возмещение болгарам убытков в восточной Фракии. Эту программу мы защищали еще и на мирной конференции, где мы старались употреблять умиротворяющее влияние при разрешении вопроса о восточных границах Польши, дабы в будущем не возникло слишком много тяжелых споров по поводу границ между новыми славянскими государствами.

В чешско - польских спорах уже во время войны мы проповедывали разумный компромисс (приличное разрешение тепинского вопроса, основанное на уважении наших жизненных экономических интересов), а на мирной конференции мы требовали Подкарпатскую Русь, обещая ей автономию, как единственное правильное разрешение, соответствующей славянской программе и взаимности. Лужичанам мы хотели обеспечить по крайней мере охрану меньшинств.

После того, как началась русская революция, перед нами возникли с международной точки зрения новые славянские вопросы: украинская (и белорусская) проблема. В государствах Антанты создан «Национальный Украинский Комитет», который начал с успехом вести переговоры с союзниками и который опирался на подобную же германо - австрийскую и на подобную позднейшую политику советской России. Русские поляки и югославы заняли по отношению к этому вопросу или совершенно отрицательное или безразличное отношение. Наша точка зрения, по моему, с самого начала соответствовала вполне духу славянской взаимности: мы непрерывно и постоянно работали с украинцами, работали во имя их соглашения с Россией, защищая для них программу культурной и административной автономии в *пределах* России.

В этом направлении мы влияли всюду на союзников, выступая против планов Германии, стремящейся использовать Украину, и против крайних украинских сепаратистов. То же можно сказать еще в большей степени и о белорусах. Я полагаю, что и сейчас это единственно правильная, действительно «славянская» точка зрения.

Можно следующим образом резюмировать наши размышления о славянской политике, единстве и взаимности во время войны: русские во время войны не имели общего плана правильной и единой славянской политики, официальная Россия сама была во многом виновата перед истинной славянской политикой, а именно в польском, югославянском и частично в нашем вопросе. У поляков сознательно и умышленно не было единой славянской политики, они пользовались славянской идеей, как средством и орудием в выгодных условиях и моментах; некоторая часть поляков во второй половине войны и во время мирной конференции выступила в некоторых принципиальных вопросах против основ здоровой и справедливой славянской политики. Югославы в общем склонялись в сторону планов и программы славянского сотрудничества, но споры с Италией и планы официальной России часто мешали осуществлять последовательно эту линию, тем более, что они воевали с другим славянским народом — с болгарями. Политику, которая, надеюсь, не наделала ошибок и осталась последовательной по отношению к правильно понимаемым славян-

ским единству и взаимности, могли во время войны вести лишь чехословаки. О лужицких сербах заботились последовательно во время войны и во время мирной конференции тоже только они. Внутренние споры чехов и поляков были разрешены во время войны в духе правильно понимаемой славянской взаимности. Поляки обвиняют нас, как в измене собственным нашим славянским принципам, в том, что в начале войны мы держались точки зрения необходимого создания польской автономии в пределах России, а не полной государственной независимости Польши. Необходимо признать, что в этом вопросе с нашей стороны были сделаны некоторые тактические ошибки; но, принимая во внимание создавшееся положение, я не думаю, чтобы мы допустили ошибки по существу.

Во всяком случае, так представлялась во время войны славянская проблема и весь комплекс славянских вопросов. Это ясно указывает, что единства, общей линии и непрерывного сотрудничества отдельных славянских народов не было, а вследствие довоенных условий военного соотношения держав в ходе войны их и не могло быть.

Тот, кто еще раз внимательно пересмотрит историю славянского движения и разберет все развитие славянской идеи, перестанет этому удивляться. Это развитие, начиная с французской революции и Коллара и кончая падением неославянофильства, многого и не обещало. Истинной славянской взаимности, единения и солидарности до самой войны в действительности и не существовало. В своей основе идея славянского единения может быть лишь демократической и революционной идеей. Без демократического режима, без переворота и революции ее нельзя было осуществить. Поэтому она не существует до сих пор, поэтому над ней лишь сейчас начали работать, поэтому же мы должны теперь спокойно, разумно и по существу поставить ее перед собой в форме вопроса: *Возможна ли она? Если возможна, то до какой степени и в каком смысле?*

38. Политические, правовые и моральные условия, созданные войной и мирными переговорами славян, вызвали к жизни целый ряд новых вопросов, а также и некоторые осложнения в единообразии славянской программы. Несмотря на это, можно сказать, что в общем благодаря войне большинство наиболее трудных славянских проблем было разрешено и что весь комплекс вопросов в общем упростился.

То, что раньше называлось словами: «славянство — славянские проблемы, славянская политика», — пережило во время войны целый ряд принципиальных и коренных перемен: славяне после войны — все без исключения — представляют политически и идеологически уже иную проблему, чем славяне до или во время войны. Уже перед войной были изжиты славянские идеи

эпохи просвещения и Коллара, панславизм, славянофильство и панруссизм. Перед войной увяло, а во время войны совершенно исчезло неославянофильство; в наше время нельзя указать ни одной причины, способной вызвать его воскресение в какой бы то ни было форме, так как у него нет ни идеологического, ни современно - политического обоснования. Таким образом, возникает вопрос, что осталось от до-военного и военного славянофильства, что принесли новые по-военные условия возможному новому славизму и возможна ли идеологически и практически - политически такая новая славянская программа?

Я полагаю, что она возможна и даже необходима. Теперь будут выступать старые идеи Гавличка и Массарика. Дабы было ясно видно, чем может и чем не может быть эта славянская программа, необходимо предпослать ей небольшой анализ современного состояния всего комплекса славянских вопросов.

Современное состояние славянских вопросов можно в общих чертах характеризовать следующим образом:

1). Прежде всего, необходимо констатировать основной шаг вперед и принципиальное решительное изменение в том, что, за исключением лужицких сербов, *все славянские народы стали в наше время государственно независимыми*. Благодаря этому была окончательно разрешена чехословацкая проблема, так же, как и польская, подобным же образом было осуществлено и югославянское объединение, за исключением небольших словенских и хорватских частей. Две наиболее затруднительные, сложные и до сих пор среди самих славян вызывающие затруднения славянские проблемы, т.-е. польский и югославянский вопросы исчезли *в своем первоначальном виде*, будучи разрешены правильно в своих основных чертах.

2) Благодаря русской революции, победе Польши и поражению Болгарии остались неразрешенными два весьма важных вопроса: *руско - польские и сербо - болгарские отношения*. Польско — русские отношения по сравнению с довоенными являются в известном смысле перевернутыми: теперь русские обвиняют поляков, во-первых, в том, что они завладели русской и украинской территорией, которая им не принадлежит, а, во-вторых, в том, что они подвергают национальному притеснению украинцев, русских и белоруссов. Сербо — болгарские отношения остаются в своей основе тем же, чем были и перед войной: это борьба за территорию и особенно же за окончательное формирование македонского населения, одним словом, — за Македонию.

3) В таком виде представляются междугосударственные отношения нового славянства, по оформлении пяти славянских государств. Я не буду говорить специально о чешско — польских спорах, потому что их характер и сущность не могли иметь больших последствий для серьезных людей; это было скорее, с одной

стороны, выражение послевоенного раздражения и нервозности; с другой — неясности и неточности политических программ обоих государств и народов после войны. Настоящий чехоско — польский спор в данный момент может носить характер незначительного, а при доброй воле легко разрешимого спора по вопросу о меньшинствах.

4) Кроме междугосударственных споров остаются еще некоторые довоенные неразрешенные внутренне — национальные вопросы: прежде всего это оставшийся и после войны неразрешенным в своей этнической основе вопрос об отношении украинцев (и белоруссов) к великороссам. Советское правительство сделало попытку разрешить его сначала при помощи полной политической, а позднее лишь культурной и административной автономии. Сейчас это отодвинуто на второй план более жизненными и элементарными вопросами и как только наступят в России более нормальные условия, этот вопрос выступит снова, однако, на этот раз в менее острой форме, чем до войны, так как сама война и новая форма России после войны облегчают разрешение проблемы.

5) Для трех новых независимых славянских государств возникли новые славянские проблемы:

а) Для Чехословакии — внутренне — политическое, административное и культурное объединение чехов и словаков и разрешение целой проблемы бывших венгерских руссин. Одной своей стороной является славянским вопросом и отношение чехов к немцам в Чехии и в Моравии.

в) В Югославии — внутреннее политическое, административное и культурное объединение словенцев и хорватов с сербами, разрешение религиозного вопроса в объединенном государстве (католики, православные и магометане) и, наконец, в будущем разрешение македонской проблемы при помощи ассимиляции или автономии Македонии, так как политически можно предполагать, что спор о Македонии надолго или навсегда разрешен последней войной в пользу Сербии. Вопрос словенцев и хорватов в Италии должен считаться вопросом меньшинств.

с) В Польше — проблема восточной украинской Галиции и вообще отношение украинского и белорусского населения к польскому государству и народу. Несмотря на то, что здесь имеется территориальный спор об этих провинциях с Россией, спор, который в данный момент разрешен рижским миром, но который в будущем снова возникнет в какой то форме, весь вопрос осложнен еще как раз внутренне политической польской проблемой: что и как должно дать новое славянское государство этим славянским меньшинствам?

6) Для Болгарии проблема возникает в следующей форме: довести народ до сознания, что Македонию необходимо пожертвовать Сербии и обратить свои усилия на восток к Эгейскому морю.

Теоретически рассуждая, это могло бы быть для Болгарии единственной политикой будущего. Кроме того, окончательной целью югославянско - болгарской политики с славянской точки зрения должна была бы быть федерация обоих государств.

По сравнению с количеством, размерами и затруднениями довоенных славянских вопросов *их современное состояние означает огромный прогресс*. Польская, чехословацкая и югославянская проблемы были крупнейшими вопросами европейской великодержавной политики. Сейчас осталась лишь одна такая проблема — русско - польская. При доброй воле, югославянско - болгарский вопрос легко разрешим; уже сейчас большинство мыслящих людей в обеих странах видит, что будущее обоих народов заключается в искреннем соглашении, которое должно будет наступить. В данный момент это лишь кризис доверия. Болгары должны будут с полной решимостью и самопожертвованием предоставить Македонию Сербии, за что они получают честное и решительное их сотрудничество в иных вопросах. Внутренние проблемы трех новых славянских государств зависят исключительно от способностей и политической дальновидности и трех освобожденных народов и их правительств. То же можно сказать и об украинском вопросе, и о России.

Для Чехословакии словацкий и карпато - русский вопрос будет всегда прежде всего и, собственно говоря, исключительно *административным* вопросом. Ни словаки, ни русины никогда не будут стремиться отделиться от Чехословакии. И для словаков автономистов вопрос автономии Словакии предстанет в ином свете, когда у них будет большое количество своих зрелых администраторов, судей, учителей, местных чиновников и т. д. Они поймут, что состояние спокойной централизации с необходимым уважением местных особенностей является единственным разрешением целого вопроса.

Словацкие радикалы должны были бы более прилежно изучать с этой стороны всю историю славянства, тем более, что они в большинстве случаев являются традиционными и восторженными приверженцами славянского единения. Они бы научились очень многому, особенно же поняли бы, насколько пагубным было — а сейчас более, чем когда бы то ни было, — совершенно излишнее национальное разделение. Всем славянским народам вредна и мешала провинциальная, эгоцентрическая мелочность; борьба за так называемую словацкую автономию в современной своей форме является прежде всего мелочностью без широких горизонтов, без понимания, что такое славянство и каково наше положение в Европе, без представления, что эта желанная автономия обратилась бы прежде всего против жизненных интересов самих словаков.

Словацкие автономисты уже с славянской и европейской точки зрения, должны были бы понять, что прежде всего для них самих в этом вопросе необходим разумный компромисс между идеями политической централизации и административной автономии.

В вопросе о Подкарпатской Руси необходимо подчеркнуть лишь одно: поведение чехословацкого правительства, стремящегося к тому, чтобы отсталый руссинский народ подготовить прежде всего культурно к самостоятельной политической жизни, было совершенно правильно. Поэтому его нельзя обвинять в том, что до сих пор не была осуществлена автономия Подкарпатской Руси, это должно произойти как можно скорее и в полной мере, согласно с текстом мирного договора. Это будет правильной славянской политикой в данном вопросе.

Не могу не осудить двух фактов в бывшей до сих пор политике. Считаю *более, чем ошибкой*, тот факт, что стремились пересадить в Подкарпатскую Русь чешские политические партии; таким образом, они перенесли свои партийные споры в эту незрелую среду и содействовали этим неправильному развитию политических условий. Столь же роковым и ошибочным я считаю то, что было допущено *извне* распространять в Подкарпатской Руси украинизм, великороссийство и православие. Ведь и это диктовалось прежде всего интересами наших политических партий.

Я не хочу этим сказать, что данные влияния должны быть устранены из Подкарпатской Руси. Нисколько — они не должны лишь *искусственно* вноситься туда чешскими партиями и отдельными личностями, приходящими из за границы. Я ничего не возражаю против какой бы то ни было автономии. У руссинского народа в Подкарпатской Руси есть своя индивидуальность и самобытность; я бы хотел, чтобы ее вполне и во всем уважали. Полагал, что этот взгляд правилен и с исторической, и практической политической точки зрения. Иная политика лишь вредит интересам государства, особенно же будет им вредить в будущем.

Многое из того, что было сказано о Словакии, может быть повторено и по поводу отношений сербов, хорватов и словенцев. И у них в первую очередь идет административный вопрос. Их проблема, однако, до известной степени сложнее, чем словацкий вопрос. Я не буду заниматься подробностями, мне бы хотелось лишь обратить внимание на следующее: прежде, чем начать споры о централизации и автономии, необходимо рассмотреть историю славянских народов, разобрать историю так называемой славянской солидарности и взаимности, бросить взгляд на Европу и разглядеть все те опасности, которые грозят нам и югославянам. Потом подобные вопросы будут разрешаться *sine ira et studio* с пользой для общих интересов и будущности целого государства и народа, тогда будет найдена основа всеми приемлемого разум-

ного компромисса между политической идеей централизации и административной идеей автономии, а интересы партий и личностей будут совершенно отодвинуты.

Для Польши проблема представляется в иной форме. Вопрос русских, украинских и белорусских меньшинств в Польше будет всегда весьма щекотливым вопросом. Это не будет лишь административным вопросом. Польские политики должны будут употребить весь свой государственный ум, чтобы овладеть этой задачей и чтобы разрешить ее в духе подлинного интереса своего государства и народа.

Эдуард Бенеш.

С чешского перевела *Н. Мельникова - Папоушек*

Опыт национализации.

IV *)

Количественные успехи советского государственного хозяйства настолько очевидны, что их, как я сказал, уже не оспаривают. Но тем больше сомнений вызывает качественная сторона. Самое слабое место его видят, обыкновенно, в его убыточности. Сюда и направляются главные удары его противников. Но убыточность понималась и понимается различно...

Довольно долго ее изображали — а некоторые и до сих пор ее себе представляют — в виде убыточности отдельных, чуть ли не всех государственных, предприятий, при том убыточности самой примитивной, наглядной, когда расходы не покрываются доходами... В первое время после перехода к новой экономической политике такое представление более или менее соответствовало действительности. Если не все, то очень многие государственные предприятия не могли свести концы с концами и оказывались убыточными в самом обыкновенном смысле этого слова. Но иначе, ведь, и не могло быть: приведенные в полное расстройство «военным коммунизмом» и вынужденные функционировать в условиях общей разрухи и общего оскудения, хозяйственные предприятия, конечно, не могли сразу же сделаться прибыльными.

Не может быть сомнения, что и в частных руках, даже вооруженных неограниченными капиталами, они тоже оказались бы убыточными. Возьмем, в самом деле, хотя бы железные дороги. Допустим, что после крушения «военного коммунизма» они перешли бы в руки какойнибудь могущественной акционерной

*) Редакция «Воли России», давая место интересной статье А. В. Пешехонова, предполагает в свое время вернуться к затронутым в ней важным вопросам русской жизни.

компания, которая быстро восстановила бы разрушенные мосты, здания, переменяла бы сгнившие шпалы и износившиеся рельсы, отремонтировала бы паровозы и вагоны или приобрела бы в необходимом количестве новые, — словом, привела бы железные дороги, если не в блестящий, то хотя бы в сносный только вид. И затем повела бы все железнодорожное хозяйство самым рациональным и экономным образом. Но доходы, которые она начала бы получать, конечно, еще долго не только не окупали бы произведенных капитальных затрат, но, вероятно, не покрывали бы и эксплуатационных расходов. Предстояло ведь еще произвести чистку служащих и рабочих и их дисциплинировать. Неизбежно пришлось бы считаться с расстройством снабжения топливом. Все хозяйство пришлось бы вести в условиях быстро падавшей денежной валюты. И т. д., и т. д. Но в данном случае — как и в известном анекдоте: «Почему не стреляли из пушек?» — нет, в сущности, надобности перечислять все причины, почему железные дороги не могли бы в первое время давать прибыль; достаточно указать одну: «пороха не было!» — в стране не было такого количества грузов, перевозка которых могла бы окупить содержание железных дорог. Никакие капиталы не смогли бы устранить эту причину, никакое рациональное хозяйничанье не могло бы преодолеть ее действия. В чьих бы руках не находились железные дороги, они при этом условии неизбежно давали бы дефициты.

То же нужно сказать и о промышленных предприятиях. Возможно, конечно, что среди них нашлись бы такие, которые в частных руках сразу же стали бы давать прибыль и даже сверхприбыль, беззастенчиво извлекаемую из общей нищеты и хозяйственной разрухи. Но в своем большинстве промышленные заведения, особенно крупные, если бы они даже были переоборудованы по последнему слову техники, неизбежно оказались бы на первых порах убыточными или, по меньшей мере, бездоходными. Перечислять причины, которые помешали бы выгодной их эксплуатации, опять таки незачем; достаточно указать одну, главную: размеры платежеспособного спроса на промышленные изделия в разоренной стране были ничтожны и совершенно не соответствовали производительности имевшихся в ней фабрик и заводов. К тому же и торговый аппарат, который связал бы предложение с этим спросом, крупного производителя с рассеянным по России потребителем, был уничтожен. При ограниченном до крайности спросе и при затрудненном до-нельзя сбыте, промышленные предприятия, конечно, не могли сразу же развернуться. Прибавлю еще одно: образовавшаяся за годы войны и революции диспропорция различных частей народного хозяйст-

ва делала неизбежными всякого рода кризисы, которые при частичном, раздробленном хозяйстве имели бы, вероятно, еще более острый характер. Во всяком случае эти кризисы делали и без того трудное положение промышленных предприятий еще более шатким.

Конечно, при неограниченных капиталах можно было бы претерпеть все убытки и дожидаться, когда почти остановившееся колесо народного хозяйства опять раскачается и пойдет полным и ровным, даже все ускоряющимся ходом. Тогда не трудно было бы с лихвою покрыть все протори и убытки. Но в том то и дело, что частные капиталы в России к концу военного коммунизма были не только ограничены, но и совершенно ничтожны. И если бы на них была возложена задача пустить в ход народно-хозяйственное колесо, то она, явно, оказалась бы для них не под силу. Немедленно послышались бы обращенные к государственной власти вопли о льготах, кредитах, гарантиях, субсидиях, и всяких иных воспособлениях, — вплоть до воспособления штыками и нагайками, чтобы держать в повиновении рабочих. Во всяком случае предоставленные самим себе частные предприниматели не только не захотели бы, но и не смогли бы — по отсутствию необходимых для этого капиталов — поддерживать бездоходные и тем более убыточные предприятия. А это значит, что началась бы стихийная, подгоняемая кризисами, их ликвидация и вместо восстановления народного хозяйства продолжалось бы его дальнейшее разрушение.

Конечно, я не могу — и не пытаюсь — убедить тех, кто верит в безграничную чудодейственную силу частной предприимчивости, что одной этой силы для восстановления русского народного хозяйства при данных условиях было бы недостаточно. Особенно трудно было бы убедить в этом неофитов буржуазной идеологии из бывших (пожалуй, и теперешних, если верить носимым ими ярлыкам) социалистов. Но революция не у всех, конечно, отбила память, и я думаю, что многие читатели без труда вспомнят, как развилось и как держалось у нас капиталистическое хозяйство. Припомните хотя бы то время, когда Россия только что вступила на путь «капиталистического преуспеяния», когда . . .

. . . постигла и Россия
Тайну жизни, наконец:
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!

Обращаясь к знаменитому в то время русскому скульптору, поэт «Современника» восклицал:

Антокольский! изваяй
Гарантию и субсидию,
Идеалам форму дай!

Такова была тогда «идеология» частной предприимчивости.

Такова была государственная опора, которой воспользовалось частное капиталистическое хозяйство, чтобы расшириться и укорениться в русской хозяйственной жизни. В дальнейшем были найдены и другие формы восстановления ему. Но кто же не знает, что до самой революции русское капиталистическое хозяйство в значительной его части не могло обходиться без государственной поддержки и покровительства?! Откуда же эта мистическая вера, — а она сильна, как я успел убедиться, во многих, — что частное капиталистическое хозяйство само собой из развалин воспрянуло бы и в небывало трудных условиях удержалось бы на собственных ногах?

Иностранные капиталы, как известно, не соблазнились хозяйственной деятельностью в России, хотя советская власть охотно предлагала им концессии. Сколько было шума, что большевики распродают Россию! Однако, — не распродали. Охотников завести хозяйственные предприятия в России нашлось немного — и, конечно, не потому только, что политические условия мешали, но и потому, что такие предприятия были просто — на — просто не выгодны. Немногие иностранные капиталы, которые пошли в Россию, устроились, главным образом, в торговой сфере; те же, которые были вложены в производство, давали на первых порах, как известно, не столько дивиденды, сколько убытки.

Частные капиталы, имеющиеся в самой России, тоже упорно держатся по преимуществу в сфере торговли и очень неохотно идут в промышленность, хотя в первой большевицкое давление на них гораздо сильнее, чем в последней. Но они находят более выгодным все-таки спекулировать на «недостаточных» товарах, чем взяться за их производство. В последнее время советская власть принимает даже специальные меры, чтобы привлечь к производительной деятельности в промышленности. Поскольку же частные капиталы принимали и принимают участие в последней, они, явно, предпочитают так называемую «легкую» индустрию, которая в свое время была менее разрушена и теперь более или менее прибыльна, и совсем почти не идут в «тяжелую», которая пострадала особенно сильно и которая до сих пор остается убыточной.

Я не сомневаюсь, что беспристрастный историк русского

народного хозяйства, изучив впоследствии *sine ira et studio* относящиеся к интересующему нас периоду материалы, придет к выводу, что в том состоянии, в каком русское народное хозяйство вышло из военного «коммунизма», национализация была единственным выходом для некоторых его отраслей и явилась для них спасением. Удержав в своих руках после перехода к новой экономической политике крупные хозяйственные предприятия, государственная власть спасла многие из них от окончательной гибели и вместе с тем обеспечила возможность сравнительно скорого их восстановления.

Только государственная власть могла в более или менее планомерном, а не стихийном порядке произвести необходимое в тот момент сжатие народного хозяйства, т.-е. ликвидировать или перевести на консервацию те предприятия, которые были непосильны для страны или излишни при данных условиях. Главное же, только государственная власть могла продолжать ведение даже убыточных предприятий, если этого требовали общие народно - хозяйственные или другие существенные с ее точки зрения интересы.

Мне припоминается, как эмигрантские публицисты — один с возмущением, другие со злорадством — писали, что советская власть продолжает вести заведомо убыточные предприятия. Между прочим, имел место такой случай: некоторые крупные заводы были назначены уже к переводу на консервацию, но против этого запротестовали их рабочие, — и советская власть уступила, согласилась оставить эти, заведомо убыточные и, повидимому, не особенно в тот момент нужные, заводы, в действии. «Ага! испугались рабочих, боятся распустить их!..» Эту боязнь и необходимость для коммунистов «подкармливать» рабочих — опору их диктатуры — некоторые и объясняли, что заводы и фабрики в советской России еще дымятся, что не все еще они остановлены. А то какой же, в самом деле, смысл вести заведомо убыточные предприятия?!

Конечно, частный хозяин «не побоялся» бы выкинуть тысячи рабочих на улицу, если бы понял, что для него нет расчета продолжать производство. Конечно, с частно - хозяйственной точки зрения ведение заведомо убыточных предприятий представляет бессмыслицу (хотя и то не всегда). Но кроме частно - хозяйственной, имеется ведь и народно - государственная точка зрения. А с этой точки зрения есть смысл поддерживать иногда только, чтобы не увеличивать и без того большую безработицу, хотя бы для того только, чтобы тысячи людей не остались совсем без хлеба.

После перехода к новой экономической политике государственные предприятия в большинстве их оказались убыточны-

ми, но имеется, конечно, смысл их сохранить, — по крайней мере, те из них, которые не являлись совершенно непосильными и не представлялись излишними. И очень многие убыточные предприятия действительно были сохранены.

Но убыточность в этой примитивной форме, если не вполне то в значительной мере, уже изжита или изживается. Во всяком случае ее можно считать изжитой в сфере промышленности. И оглядываясь теперь назад, приходится прямо удивляться, как быстро государственное хозяйство здесь с нею справилось. Это не значит, конечно, что ни одно промышленное предприятие не приносит теперь убытка, что все они дают уже прибыль. Этого никогда не бывало и при частном капиталистическом хозяйстве. Обычно, операционный год одни предприятия заканчивали — и теперь заканчивают — с прибылью, другие — с убытком. Речь может и должна идти лишь о соотношении между теми и другими предприятиями, — точнее: о соотношении между прибылями одних и убытками других.

Так, вот, если мы возьмем тресты общесоюзного значения, — а они охватывают большую часть государственной промышленности, — то окажется, что уже в свободном балансе их на 1 октября 1923 года (т.-е. в заключительном балансе для 1922 - 1923 хозяйственного года) прибыли превалировали над убытками: первые составляли 2,3% общей цифры баланса, а последние — лишь 0,6% *). Результаты двух дальнейших годов у трестов общесоюзного значения были таковы (в миллионах рублей):

	Прибыли одних	Убытки других	Прибыли за вычетом убытков
в 1923-24 г. (по балансу на 1. X. 1924)	116,2	28,6	87,6
« 1924-25 г. (по балансу на 1. X. 1925)	268,1	31,4	236,7

Прибыли, полученные общесоюзными трестами в 1924-25 (236,7 миллионов руб.) по отношению к всем их капиталам с (3.217,7 мил. рублей на 1 октября 1925 года, считая не только основные и оборотные, но также амортизационные, резервные

*) Благоприятные результаты 1922-23 хоз года, как можно думать, в значительной мере объяснились тем, что промышленные предприятия успели сбыть значительную часть своей продукции по очень высоким ценам до «кризиса сбыта», который разразился в октябре 1923 г. Однако этот кризис и предпринятое затем снижение цен не помешали гос промышленным предприятиям закончить и следующий год с значительным преобладанием прибылей над убытками..

и специальные) составили 7,4%. Если бы мы взяли всю государственную промышленность, то этот процент оказался бы ниже: по предварительным данным, прибыль (за исключением убытков) по отношению ко всем капиталам государственной промышленности составила в 1924-25 году 5,7%. Но и такие результаты, даже с частно - хозяйственной точки зрения, должны быть признаны удовлетворительными. По сводному балансу, составленному в свое время П. В. Олем, прибыль (за исключением убытков) 1.259 частно - капиталистических предприятий, которые были обязаны публично отчетностью, составила в 1911-12 году 5,6% по отношению ко всем их капиталам. А этот год был для них достаточно благоприятным, — он ведь входил в полосу чуть ли не наибольшего преуспевания русской капиталистической промышленности.

Торговые организации советской государственной промышленности (так называемые «синдикаты») за последние два года имели также результаты (в милл. рубл.):

	Прибыль одних	Убыток других	Прибыль за вычетом убытков
в 1923-24 г. (по балансу на 1. X. 1924)	15,5	2,1	13,4
в 1924-25 г. (по балансу на 1. X. 1925)	24,5	1,3	23,2

Прибыли синдикатов за последний год по отношению ко всем их капиталам на 1 октября 1925 года (307,7 мил. р.) составили 7,5%, т. е., приблизительно, столько же, сколько и у трестов общесоюзного значения. Таким образом и в этой коммерческой своей части, поскольку таковая выделена, государственная промышленность не страдает той убыточностью, которую некоторые до сих пор ей приписывают.

Из всех государственных предприятий я остановился на промышленных, имея ввиду, что об их убыточности в здешней печати писалось особенно много. Мне не хотелось бы загромождать статьи цифрами о прочих отраслях государственного хозяйства, я лишь отмечу, что в одних из них (например, у кредитных учреждений) убыточной полосы вовсе не было, в других — убыточность была изжита так же скоро, как и в промышленности, в третьих, — она изживалась медленнее, а в некоторых не изжита и до сих пор еще.

Например, железные дороги, давали убытки и требовали дотаций из общих средств государственного бюджета до 1924 - 1925 года. Но эти убытки, вместе с ростом железнодорожного движения, становились все меньше и в 1924-25 году валовой до-

ход от железных дорог уже превысил их расходы, не только эксплуатационные, но также на восстановительные и новые работы. Железные дороги, в качестве доходного предприятия, были привлечены даже к уравнительному сбору. Эту доходность, конечно, нельзя и сравнивать с до-военной, хотя бы уже потому, что в расходах теперь не фигурируют проценты по вложенным в железные дороги капиталам (последние для всей сети определяются в 5½ миллиардов довоенных рублей). Несомненно, однако, что убыточность железных дорог изживается и с дальнейшим ростом железнодорожного движения — как рассчитывают, уже в ближайшие годы — они будут давать проценты и на вложенные в них капиталы.

Хуже обстоит дело с водным транспортом, который, как было уже отмечено мною в своем месте, восстанавливается медленнее железнодорожного. Расходы в этой отрасли продолжают еще превышать доходы. Этот дефицит, постепенно уменьшающийся, в последнее время удается покрывать за счет превышения доходов над расходами в железнодорожном транспорте. Таким образом, бюджет народного комиссариата путей сообщения уже в 1924-25 году удалось выполнить без дефицита и, стало быть, без дотаций из общегосударственных средств. По государственной росписи на текущий год смета названного комиссариата сведена с небольшим превышением доходов над расходами. Таким образом, в целом по транспорту равновесие между прибылями и убытками, как можно думать, достигнуто.

Возможно, что кроме водного транспорта найдутся и еще в советском государственном хозяйстве отдельные отрасли, продолжающие оставаться убыточными. Отмечу, что мне до сих пор не удалось нигде встретить данных о результатах советской внешней торговли. Возможно, что в этой отрасли, как многие подозревают, советское хозяйство продолжает давать убытки. Возможно, однако, что и здесь та примитивная, как я ее назвал, убыточность, когда расходы не покрываются доходами, не имеет места, ибо нерентабельность некоторых экспортных операций, быть может, с избытком покрывается особенно большою при данных условиях рентабельностью импорта.

Во всяком случае, если взять советское государственное хозяйство в его целом, то, несомненно, что доходные предприятия с их прибылями преобладают над убыточными с их убытками. Часть прибылей, получаемых государственными хозяйственными предприятиями, независимо от взыскиваемых с них налогов, — по действующим правилам — отчисляется в общие государственные средства и вносится в доходную часть государственного бюджета. За последние годы общая сумма этих дохо-

дов от государственных имуществ и предприятий (без доходов от транспорта, почты и телеграфа) изменялась так:

В 1923-24 году поступило	113,5	млн. руб.
В 1924-25 году поступило	244,5	« «
В 1925-26 году ожидается по гос. росп.	413,5	« «

В 1923-24 году эти доходы дали 4,9% общей суммы государственного бюджета, в 1924-25 году — 8,6%, в нынешнем году должны дать 10,3%. Уже по этим цифрам можно составить представление, как быстро возрастала доходность государственных предприятий...

V.

Что советские государственные предприятия могут давать прибыль, — этому очень многие здесь, в эмиграции, долго не хотели верить. Советскую бухгалтерию так же, как и советскую статистику, заподозревали в том, что она просто - на - просто сочиняет цифры, что большевики желают таким путем «втереть очки» за границе и, прежде всего, эмиграции. Некоторые не верят советским отчетам и до сих пор. Один известный профессор - экономист как то публично, возражая мне, заявил:

— Пусть ангел прилетит с неба, — и то я не поверю, что производство у большевиков может расти, что в хозяйстве под властью советов могут быть какие либо успехи!..

Повидимому, сам Бог должен был спуститься с небес, — и тогда только этот профессор, быть может поверил бы, что добыча каменного угля в России на много уже превосходит цифру 1920 года, с которой он продолжал в тот раз оперировать. Никаких цифр после этого минимума он не признавал и знать не хотел.

Но экономисты, которые продолжали более или менее внимательно следить за ходом русской экономической жизни, конечно, давно уже убедились, что просто - на просто отрицать советскую бухгалтерию, как и советскую статистику, нельзя. Они видели, что составляемые этой бухгалтерией отчеты и балансы служат не только для внешнего, но и для внутреннего употребления, что они предназначаются не для заграницы, а, прежде всего, для самой советской власти, которая руководится ими в своих операциях и мероприятиях. Не станут же большевики самим себе «втирать очки» сочиненными цифрами! Конечно, наладить достаточно точную бухгалтерию после «военного коммунизма» и особенно в условиях быстро падавшей денежной валюты было не легко. Довольно долго в бухгалтерских отчетах и балансах, как можно думать, фигурировали не совсем точные и даже совсем

нереальные величины. Возможно, что и до сих пор советская бухгалтерия не совсем еще освободилась от них. Но на многие даваемые ею цифры, несомненно, уже можно положиться. В частности, выводимые ею цифры прибыли, пожалуй, меньше, чем некоторые другие, могут возбуждать сомнения.

Что эти прибыли не являются мнимыми величинами, ясно уже из того, что за их счет производятся совершенно реальные взносы в общегосударственные средства, что за их счет производится совершенно реальное расширение производства и т. д. Что касается цифры прибыли по каждому отдельному предприятию, то она устанавливается с особою тщательностью, так как в ней заинтересованы разные учреждения и при том с разных сторон. Сами предприятия, по большей части, склонны уменьшать в своих отчетах полученную ими прибыль, чтобы меньше платить налогов и отчислений в пользу казны. До известной степени их склонны поддерживать в этом и те ведомства, в которых они состоят, заинтересованные в том, чтобы удержать побольше капиталов в подведомственных им отраслях хозяйства. Но наркомфин, со своей стороны, зорко следит за тем, чтобы его необсчитали и с этой точки зрения проверяет каждый баланс. Проверяет балансы и рабоче - крестьянская инспекция. В конце концов, прибыль по каждому предприятию, после проверки его баланса, устанавливается особою междуведомственной комиссией, и лишь после этого баланс публикуется во всеобщее сведение.

Экономисты все это хорошо, конечно, знают и не верить прибылям отдельных советских предприятий им трудно. Прибыльные предприятия имеются и прибыли их растут... Прежде однако, чем это с полною определенностью выяснилось, самое понятие об убыточности советского хозяйства стало меняться. Его начали, прежде всего, расширять и углублять...

Может быть, — говорили — отдельные государственные предприятия и дают прибыль, но в целом государственное хозяйство все таки убыточно, так как государство на него тратит больше, чем получает. И в этом не трудно убедиться. Достаточно ведь взглянуть в государственный бюджет, и каждый может увидеть, что от своих имуществ и предприятий государство получает меньше, чем тратит на промышленность, банки, кооперацию и т. д.

Такое понимание убыточности советского государственного хозяйства одно время было в большом ходу у эмигрантских экономистов, а в публике, которая к ним прислушивалась, оно держится и до сих пор. То и дело приходится с ним сталкиваться. Между тем оно предоставляет сплошное недоразумение, и можно только удивляться, как понимающие люди могли им пользоваться.

Начну с фактической стороны. Обыкновенно расчет убыточности, понимаемый в только что указанном смысле, делался не для всего государственного хозяйства, а только для государственной промышленности, и в результате неизменно получались очень наглядные и даже эффектные цифры. Такие цифры дает даже 1924-25 год. Отчисления от прибылей государственных промышленных предприятий в государственный и местные бюджеты дали в этом году 79,5 милл. рубл., а государственная промышленность получила из средств государственного бюджета в том же году 100,4 милл. рубл., т.-е. почти на 21 милл. рубл. больше. Убыточность ее для государственного бюджета получается очевидная.

При желании, этот расчет легко сделать еще более эффективным. Дело в том, что кроме 100,4 милл. рубл., отпущенных государственной промышленности, в 1924-25 году из того же государственного бюджета затрачено еще 50 милл. рубл. на электрофикацию, т.-е., в сущности, тоже на промышленность. Да еще из Центрального Коммунального Банка за счет государственного бюджета государственная промышленность получила в ссуду на постройку рабочих жилищ 9 миллионов рублей. Общий итог государственных расходов в 1924-25 году на промышленность составили, таким образом, 159,4 милл. руб., т.-е. уже почти на 80 милл. рубл. или вдвое, больше, чем дали государству отчисления из прибылей промышленных предприятий.

Но этот эффект так же легко ослабить и, пожалуй, даже свести на нет. Дело в том, что кроме отчислений из прибылей государственных промышленных предприятия внесли в казну 26,2 милл. рублей подоходного налога и уплатили 16,3 милл. рубл. по ссудам, ранее полученным из государственного бюджета. Таким образом, они внесли всего в казну (вместе с отчислениями из прибылей) 122 милл. рублей. Если же не считать государственных расходов на электрофикацию, которая как - никак представляет совершенно особое дело и пользоваться которой будет не одна только промышленность, то окажется, что последняя все таки больше в 1924-25 году дала государству, чем получила от него...

Суть, однако, не в этой легкой игре цифрами, которой нередко пользуются советские деятели в междоветственной полемике. Ошибка тех, которые хотят таким путем установить убыточность государственного хозяйства, гораздо существеннее.

Как я уже сказал, прибыли государственных предприятий не целиком поступают в общегосударственные средства и проводятся по общегосударственному бюджету, а лишь в одной части и притом в меньшей части; в большей же своей части они оставляются в самих предприятиях и идут на увеличение их

оборотного и других капиталов. Представьте же себе, что какойнибудь хозяин, — например, Форд прибыль, полученную какимлибо из его предприятий, не перевел бы на свой личный счет, а оставил бы ее в самом предприятии на его расширение или улучшение. Никто, конечно, не сказал бы, что этой прибыли его хозяйство не дало? Ведь и оставленная в предприятии, она принадлежит ему, Форду. Равным образом, и те прибыли государственных предприятий, которые оставляются в самих предприятиях и не вносятся в обще — государственные средства принадлежат все — таки государству. Можно ли их не считать, когда желают учесть, сколько дает государству его хозяйство? Ведь это значило бы не считать только потому, что хозяин оставил их, как имеющие специальное назначение, в другом кармане и не переложил в тот, из которого он тратит деньги на общие свои надобности...

С другой стороны, нельзя игнорировать назначение тех средств, которые отпускаются из общегосударственных ресурсов на государственное хозяйство. Возьмем хотя бы ту же государственную промышленность. В первые годы после перехода к новой экономической политике довольно большая часть отпущавшихся ей средств шла на покрытие убытков, понесенных отдельными предприятиями. Но эта часть становилась все меньше, и если мы возьмем 1924-25 год, то окажется следующее. 50 милл. рублей, отпущенных на электрофикацию, затрачены, главным образом, на постройку новых мощных (так называемых, районных) электрических станций, а отчасти на постройку более мелких или расширение ранее существовавших. 9 милл. р., отпущенных через Коммунальный банк, пошли на постройку жилищ для рабочих и, стало быть, тоже никакого отношения к убыткам не имели. Остаются еще 100,4 мил. рубл., полученных в 1924 - 1925 году промышленностью. Но она погасила в том же году из ранее полученных ссуд по государственн. бюджету 16,3 мил. рубл. Таким образом, новых бюджетных средств в нее было влиито 84 милл. рубл. За этот счет на 14 мил. рубл. увеличились ее оборотные средства и на 69 мил. рубл. произведены капитальные затраты на здания и оборудование. Таким образом, все отпущенные в этом году из государственного бюджета на государственную промышленность средства пошли на создание новых предприятий или же на расширение и укрепление существующих *).

*) На «сапирование» хозяйственных предприятий из государственного бюджета 1924-25 г. отпущено лишь 8 м. р. и стало быть в пределах этой только суммы убыточность промышленных предприятий могла отразиться на бюджетных средствах.

Представьте же себе, что Форд решил бы основать новое предприятие или расширить какое либо из имеющихся у него и взял бы нужные для этого средства со своего счета на общие надобности (допустим, что у него имеется таковой). Значило ли бы это, что он понес убытки в той сумме, которую израсходовал бы на этот предмет? Допустим даже, что он признал бы нужным просто подкрепить кассу какого либо из предприятий, в виду увеличения его оборотов, и выдал бы ему необходимую для этого сумму. Ведь это значило бы, что он переложил деньги из одного своего кармана в другой, — и только. Почему же советскому государству такие затраты вписывают в счет убытков?

Когда я слышу возмущенные речи по адресу советской власти, которая-де ухлопывает все новые и новые государственные средства в свое хозяйство, то мне всегда хочется спросить: ну, а как поступила бы на ее месте другая государственная власть или частные предприниматели, если бы на них выпала задача восстановления народного хозяйства? Неужели они с пустыми руками взяли бы за полуразрушенные и еле действовавшие промышленные предприятия — и, не вкладывая в них никаких капиталов, начали бы развивать производство? Неужели они, не вкладывая никаких капиталов, основали бы банки и начали выдавать ссуды? Неужели они без всяких капиталов повели бы торговлю?.. Конечно, без капиталов — своих или заемных — не обошлось бы. И чем больше они расширяли бы производство, кредитные и торговые операции, тем больше капиталов им пришлось бы вкладывать. А ведь такого быстрого расширения производства, торговли и кредита, какое имело место за последние годы в России, ее экономическая история еще не видела.

Когда капиталистическое хозяйство шло полным ходом, то и тогда не только создание новых предприятий, но и расширение прежних, по большей части, требовали вложения новых капиталов. . .

— Да, — обычно отвечают на это, — но новые капиталы брались тогда из частных средств, а не из государственного бюджета. . .

Конечно, из частных средств, но ведь и хозяйство было частное. Когда же хозяином является государство, то, естественно, финансирование хозяйства приходится производить из государственных средств, т. е. из средств, так или иначе получаемых, собираемых и доставляемых государственной властью. . .

— Извлекаемых ею при помощи налогов. . . — уже слышится мне язвительная реплика.

Но нас интересует ведь сейчас не вопрос о формах, в каких государственная власть достает нужные ей средства. Отмечу мимоходом, что эти формы — вещь условная. Например, средства на

постройку железных дорог прежняя государственная власть доставала при помощи займов, т. е. в неналоговой форме, а проценты и погашение по этим займам платила из налоговых ресурсов. Насколько легко в некоторых случаях «налоговую» форму превратить в «неналоговую», — читателям ясно будет из следующих примеров, которые я возьму из практики теперешнего советского хозяйства. Советские государственные предприятия, как мною уже упоминалось, платят налоги. На сколько это целесообразно и нужно, чтобы государственная власть облагала налогами (в том числе и «неперелагаемыми», как подоходный) собственные предприятия, я останавливаться сейчас не буду. Во всяком случае она могла бы освободить их от налогов и получить те же средства «неналоговым» путем — путем отчислений от прибылей, которые у предприятий, благодаря освобождению от налогов, увеличились бы. Возьму другой пример. Советская власть взимает акциз с продуктов, производимых в ее собственных предприятиях и вообще целиком проходящих через ее руки (например, с сахара). Вместо акциза она могла бы, конечно, получить те же средства в форме промышленной или торговой прибыли, подняв цену на эти продукты. . . С другой стороны, можно предположить, что государство вовсе откажется от прибылей, как метода накопления, свойственного частному хозяйству, и будет сбывать все продукты и изделия по себестоимости, а средства, нужные для развития своего хозяйства будет собирать налоговым путем. Можно себе представить, что некоторые предприятия государство будет вести даже в убыток — например, установит очень низкие железнодорожные тарифы, — и будет покрывать этот убыток из общегосударственных средств. . . Повторяю: я не намерен сейчас входить в обсуждение форм финансового хозяйства вообще и советского, в частности. Возможно, что в этом последнем имеется много нецелесообразного, нерационального и даже нелепого, — между прочим и потому, быть может, что большевики, убедившись в необходимости «буржуазной» экономической техники, начали, как я отметил в своем месте, в некоторых случаях ее рабски копировать и, в частности, восстановили финансовое хозяйство почти в тех же самых формах, в каких оно велось при старом строе. Но как ни важна тема о государственных финансах вообще, она лежит все таки в стороне от интересующего нас вопроса, — вопроса об убыточности государственного хозяйства.

После сказанного, мне кажется, должно быть совершенно ясно, что установить эту убыточность путем сопоставления вносимых в государственную роспись прибылей от государственных имуществ и предприятий с делаемым за счет общегосударственных бюджетных средств ассигнованиями на государственное хозяйство — нельзя, что убыточность, устанавливаемая таким путем, представляет сплошное недоразумение. Прибыли государст-

венных предприятий вносятся в роспись, как мы видели, не все, а лишь в меньшей своей части, расходы же по преимуществу являются капитальными вложениями, не имеющими прямого отношения к убыточности. На основании таких, заведомо, с одной стороны, неполных а с другой — не относящихся к данному вопросу данных ни один бухгалтер не стал бы составлять общего счета прибылей и убытков государственного хозяйства.

И экономисты, которые раньше довольно часто оперировали таким счетом, в последнее время как будто избегают им пользоваться. Возможно, что они убедились в полной его несостоятельности, но возможно и то, что просто-на-просто увлеклись еще более широким понятием «убыточности», которое дает возможность делать более эффектные выводы. В самом деле: по данным государственного бюджета можно указанным путем вывести убыточность государственного хозяйства, самое большее, в несколько десятков миллионов рублей, между тем как, расширив это понятие, можно получить цифры в несколько сот миллионов и даже почти в миллиард руб.

Дело в том, что финансирование государственного хозяйства и, в частности, государственной промышленности производится не только за счет государственного бюджета, но и за счет кредита. Промышленные предприятия отчасти под товары, а главным образом, под векселя, берут деньги в банках, и эта задолженность государственной промышленности из года в год растет, — растет с чрезвычайной быстротой. По данным банковской статистики*) задолженность государственной промышленности (вместе с синдикатами и специальными организациями по закупке сырья) изменялась так:

		В миллионах рублей	
		К концу	Увеличение
		года	за год
1921/22	хоз. год.	25	25
1922/23	« «	162	137
1923/24	« «	448	286
1924/25	« «	962	514

Получается, стало быть, такая картина (во всяком случае ее не трудно публицистическим пером так отретушировать): государственная промышленность все больше и больше залезает в долги, — можно свазать, старых долгов не платит, только подписывает векселя, и делает новые долги, которые увеличиваются

*) Пяти главных банков «Государственного, Промышленного, Коммерческого, Кооперативного и Московского городского). Задолженность в других кредитных учреждениях незначительна и мы можем в данном случае ее игнорировать.

прямо в геометрической прогрессии. Банки принадлежат государству и деньги в них — государственные. Таким образом, государственная промышленность при помощи банков получает государственные средства в громадных суммах. Это — те же дотации в замаскированной форме. Если их присоединить к государственным ассигнованиям из бюджетных средств, то окажется, что государственная промышленность обходится государству ежегодно в сотни миллионов рублей. И эта убыточность растет с неминуемой быстротой.

При желании можно пойти в этой ретушировке еще дальше, если не прямо написать, то намекнуть, что государственная промышленность живет, в сущности, в долг, на государственный счет. Если она выводит какие то прибыли и даже вносит в казну отчисления, из них, то это только для отвода глаз: одной рукой она вносит, а другой берет у государства, — вносит, в сущности, из того что получает, только небольшую частичку... Известно, какова бывает судьба хозяйства, существующего в долг. Некоторое время оно может, конечно, функционировать и даже платить старые долги, делая все в большем и большем количестве новые. Но в конце концов оно неизбежно кончает крахом. Так и тут: дело идет к неизбежной катастрофе и, судя по тому, каким темпом нарастает задолженность государственной промышленности, эта катастрофа должна последовать в самом недалеком будущем...

Однако, «чорт не так страшен, как его малюют». А быстрый рост задолженности государственной промышленности даже совсем не страшен. Наоборот, он является, скорее, хорошим признаком, так как свидетельствует о быстром развитии государственного хозяйства.

Отмечу, прежде всего, что если государственная промышленность много должна, то и ей много должны. По заключительным балансам двух последних хозяйственных годов государственная промышленность, подведомственная ВСНХ, имела такие счета:

	В миллионах рублей	
	На 1. X. 1924	На 1. X. 1925
Счет кредиторов (она была должна)	1.098,6 1.440,6
Счет дебиторов (ей были должны)	909,0 1.145,7
	<hr/>	
Разница	189,6	294,9

Нельзя, стало быть, представлять себе дело так, что все занятые средства государственная промышленность растратжирила. В громадной их части она ссудила их другим (отпуская, главным образом, свои изделия в кредит). Лишь в небольшой сравнительной части заемные средства затрачены ею на покупку сырья, топлива, материалов и т. д. На 1 октября 1925 г. таких,

оставленных на собственные нужды заемных средств (294,9 м. р.) было больше, чем на 1 октября 1924 г. (189,6 м. р.), но за то у гос. промышленности было больше: запасов сырья, топлива, материалов и полуфабрикатов на 104 мил. руб., непроданных готовых изделий — на 44 м. р. и, главное, сделанных капитальных затрат на здания и оборудование больше на 349 мил. руб.

Долги государственной промышленности на 1 октября 1925 года составляли 20,7% всего баланса, а по отношению к собственным ее капиталам 29,1%. В действительности, отношения эти еще меньше. Дело в том, что основные капиталы государственной промышленности (здания и машины) до сих пор числятся в ее балансах в до-военной оценке, т. е. в до-военных рублях, в то время, как другие статьи баланса (в том числе и долги) считаются в современных червонных рублях. Если все статьи выразить в современной валюте*), то окажется, что долги по отношению к общей цифре баланса составляли на 1 октября 1925 г. — 14,4%, а по отношению к собственным капиталам — 19%.

Что в такой задолженности нет ничего опасного и угрожающего хозяйству, ясно уже из того, что задолженность до-военной капиталистической промышленности была гораздо больше: по упомянутому выше сводному балансу, составленному П. В. Олем, для 1259 предприятий, их долги в 1911 — 1912 году равнялись 36,3% их баланса и по отношению к собственным их капиталам составляли 75%. Так велика была задолженность капиталистической промышленности, — однако никто не ожидал от этого для нее катастрофы. И если катастрофа последовала, то отнюдь не по этой причине. . .

Задолженность государственной промышленности, к сожалению, далеко еще не достигла «до-военных размеров». Не шутя, а совершенно серьезно, я говорю в данном случае: к сожалению. Для народного хозяйства чрезвычайно важно, чтобы имеющиеся в стране капиталы находились в достаточно подвижном состоянии и в каждый момент притекали туда, где они наиболее нужны. Для этой цели и служит кредит. Если бы государственное хозяйство пользовалось более широким кредитом, то развитие его происходило бы еще быстрее. Но кредит был уничтожен за время «военного коммунизма», — не только кредитные учреждения были уничтожены, но и все почти подвижные капиталы, которые могли служить для этой цели, были растрачены. После перехода к новой экономической политике государственное хозяйство должно было функционировать в начале без всякого кредита.

Кредит начал восстанавливаться позднее, но за то по своей-

*) Пользуюсь расчетом А. Локшина («Экономическое Обозрение», 1926 г. апрель).

ственной восстановительному процессу законосообразности, о которой я уже упоминал, развитие его пошло особенно быстрым темпом. Как быстро расширялся кредит, которым пользуется государственная промышленность, мы уже видим из абсолютных цифр роста ее задолженности. Как изменялась относительная роль кредитных средств в ее оборотах, видно из следующих данных. Счет кредиторов по отношению к общей сумме баланса составлял:

На 1 января 1922 г.	1,2%
« « « 1923 «	4,6%
« 1 октября « «	8,7%
« « « 1924 «	13,0%
« « « 1925 «	14,4%

До-военные размеры кредита (36,3% баланса), как я уже сказал остаются далеко не достигнутыми. В стране не накоплены еще нужные для такого широкого кредита средства. Выход за пределы этих средств, допущенный советскими кредитными учреждениями прошлой осенью, привел к чрезвычайно тяжелым осложнениям во всей хозяйственной жизни. Кредиты пришлось всячески сжимать, — и это сказалось ослаблением темпа, с каким могло бы развертываться государственное хозяйство. И в дальнейшем не рост задолженности является для него опасным, а, наоборот, задержка в развитии его кредитования может оказаться помехой для его укрепления и роста.

Во всяком случае доказывать убыточность государственного хозяйства ростом его задолженности, каковой аргументацией до сих пор нередко пользуются эмигрантские экономисты и публицисты, никак нельзя. Надеюсь, что после сказанного для читателей это достаточно ясно.

Несравненно более основательной представляется аргументация, в основе которой лежит не «расширенное», как я его назвал, а «углубленное» понимание убыточности. Дело в том, что кроме той «примитивной», очевидной убыточности, о которой я говорил в предыдущей главе и с которой государственное хозяйство сравнительно скоро справилось, может быть и действительно в советском хозяйстве имелась убыточность, на первый взгляд незаметная, но и за всем тем совершенно реальная.

Государственное хозяйство в большинстве отраслей воспользовалось тем основным капиталом (зданиями, машинами, оборудованием), какой остался от капиталистического хозяйства. За годы войны и революции, особенно за время военного коммунизма он сильно поизносился, а отчасти и даже вовсе приведен в негодность. Кроме того, с точки зрения техники он представлялся во многих своих частях и сильно устаревшим. Однако чем можно было еще пользоваться. При тех размерах производства, с каких начало государственное хозяйство после перехода к новой

политике, пригодный для него основной капитал имелся даже в избытке.

Работая при его помощи, государственное хозяйство в первые годы совершенно не задавалось целью его восстановления и тем более реконструкции. Не до того было, так как все усилия пришлось направить, прежде всего, на обеспечение предприятий оборотными капиталами, которых было совершенно недостаточно. А кроме того и надобности в восстановлении продолжавшего ветшать и приходить в негодность основного капитала пока не было. Он имелся, как только что я сказал, в избытке. Если какая либо машина отказывалась служить, то ее всегда почти можно было заменить другой, имевшейся среди бездействовавшего оборудования. В промышленных предприятиях все заботы об основном капитале ограничивались лишь самым необходимым текущим ремонтом. Даже амортизационных отчислений никаких вначале не делалось.

Таким образом доставшийся по наследству от капиталистического хозяйства основной капитал незаметно «проедался». Если-бы этого не было, если бы изнашивавшиеся части основного капитала немедленно восстанавливались бы или, по крайней мере, делались бы для этого необходимые отчисления, то убытки государственных предприятий были бы, конечно, больше, а прибыли — меньше, и равновесие между теми и другими в отчетах не так скоро было бы достигнуто.

Что государственное хозяйство и, в частности государственная промышленность, проедает доставшийся ей основной капитал, это для советских деятелей не составляло, конечно, и они не делали из этого секрета. По мере того, как расширялось производство и в него вовлекалась все большая часть имевшегося оборудования, перед советской властью все яснее вырисовывалась задача восстановления основного капитала и затем его реконструкции.

По расчетам советских деятелей, за первые три года новой экономической политики (1921-22, 1922-23, 1923-24) из основного капитала промышленности было изношено на 610 милл. руб., а капитальных затрат было произведено всего лишь на 128 милл. руб. Таким образом было «проедено» за эти три года около 500 мил. руб. Это — меньше, чем за то же время прибавилось оборотных капиталов у госуд. промышленности, но и за всем тем представляет, конечно, очень крупную сумму. И на эту сумму нужно увеличить вывопившиеся в ее отчетах убытки за названные три года.

Но уже в 1924/25 г. удалось приостановить дальнейшее проедание основного капитала и достигнуть равновесия между его изнашиванием и восстановлением, даже с некоторым перевесом

последнего. «Изнашивание» в этом году, по расчетам советских деятелей, должно было достигнуть 310 мил. р., а на капитальные работы было затрачено уже 385 мил. руб.

В следующем 1925-26 году это равновесие, несомненно, было бы достигнуто уже без особого труда. Но этого одного было уже недостаточно. Большая часть уцелевшего от прежнего времени основного капитала (а именно около 84%) к началу 1925-26 хозяйственного года была уже вовлечена в производство (при средней загрузке работающей части оборудования в 63%). Не трудно было предвидеть, что к концу этого года свободного оборудования почти уже не останется и что, стало быть, для дальнейшего расширения производства нужно не только восстановление основного капитала, но и его увеличение, а вместе с тем и реконструкция. Советская власть задумала было наперек все силы и, опираясь на хороший урожай 1925 года, довести капитальные затраты в народном хозяйстве до очень больших размеров, — в частности в государственной промышленности до 1.000 мил. р. Но эти первоначальные планы оказались совершенно непосильными и приступ к их осуществлению внес сильное замешательство в народно-хозяйственную жизнь. Их пришлось сильно урезать, но и по этим урезанным планам капитальные затраты в гос. промышленности, судя по имеющимся данным, достигли суммы 750 - 800 мил. руб., т. е. почти в два раза превзошли годовое их изнашивание. В таком же, приблизительно, размере они предполагаются и в наступающем 1926-27 хозяйственном году.

Таким образом имеются полные основания думать, что и скрытая убыточность государственного хозяйства — по крайней мере, в той его области, которая подверглась особенно сильным парениям за свою убыточность, т. е. в области промышленности, — уже изжита или изживается, что проедание основного капитала прекратилось и даже началось его увеличение.

Я знаю, что некоторые экономисты не хотят этому верить, но они, повидимому, и сами чувствуют, что им скоро придется в этом убедиться. Как бы то ни было они все меньше и меньше начинают писать об убыточности государственного хозяйства для «казны» и все больше и больше начинают налегать на его убыточность для «народного хозяйства», разумея под таковым только хозяйство частное.

Но речь об убыточности государственного хозяйства в этом, совершенно уже ином смысле, чем в каком мы имели дело до сих пор, мне придется отложить до следующего раза.

А. Пешехонов.

(Окончание следует).

Политические заметки.

Что делать? — Вопросы программы и тактики у русских социалистов.

Что делать социалистам, убежденным в превосходстве общественного трудового хозяйства над частно - капиталистическим, стремящимся к реорганизации общества и государства на началах труда, социальной справедливости и гармонического развития личности, что делать им в настоящее время в С. С. С. Р.?

Отказаться от демократических предрассудков, понять, что одна лишь коммунистическая партия обладает секретом социалистической «переделки» России, благодаря гениальным открытиям Ленина, что ей одной поэтому принадлежит «историческое» право на представительство интересов пролетариата, на «руководство» крестьянством и на государственную власть, — понять все это — или садиться в тюрьму — отвечают большевики.

Ни в том, ни в другом случае социалистической партии с ее самостоятельной, отличной от коммунизма и от буржуазии, программой, с ее методами, с ее техническими организационными возможностями, нет места в «восстановительном» процессе медленно и с трудом совершающемся в России.

Понять, что революция наша буржуазная, бороться против коммунистической диктатуры за политическую демократию, стремиться устранить все препятствия для капиталистического развития России, ограничиваясь защитой интересов пролетариата и продолжать затем вести классовую борьбу, выжидая «созревания» необходимых предпосылок будущей социалистической революции — отвечают наиболее последовательные представители чистого меньшевизма.

В любой, откровенно капиталистической стране наше движение выступает со *своей* отчетливой экономической программой, *приспособленной, конечно, к реальным условиям*, но исходящей из некоторых хозяйственных и социальных принципов, *прямо*

противоположных тем, которые лежат в основе частно - капиталистического народного хозяйства. Оно противопоставляет эти свои, общественно - трудовые принципы существующим не из доктринерства, а потому, что считает основанные на них решения острых вопросов современности наиболее отвечающими интересам громадного большинства населения и хозяйственно - прогресса.

В советской России те же социалисты обычно подходят к этим вопросам совершенно иначе. Даже те, кто не разделяет меньшевистского понимания революции, как чисто буржуазной, сплошь и рядом невольно поддаются гипнозу большевистской фразеологии и, принимая крушение их опыта осуществления социализма за доказательство полной неприменимости в современной России социалистических хозяйственных принципов, ограничиваются некоторыми чрезвычайно общими положениями, относя их к тому же, на неопределенное будущее, в настоящем же требуют прежде всего политических свобод, демократии и упразднения всех хозяйственных новобразований, возникших в предшествовавший революционный период под прямым воздействием «советской власти».

Естественно, что все внимание социалистической партии сосредоточивается на ней и что политическая мысль социал - демократического (марксистского) и социал - революционного («народнического») течений напряженно работает прежде всего над разрешением вопроса о том, где найти рычаг и точку приложения, ленинское «кольцо», при помощи которых можно было бы свести с мертвой точки политическое движение.

Мы увидим в дальнейшем как ставится и как разрешается социалистами эта проблема. Но необходимо отметить уже теперь, что, во первых, даже для ее разрешения в желательном нам направлении недостаточно одной *критики* существующего экономического режима с противопоставлением ему откровенного капитализма, и что, во вторых, методологически неверно и политически неосторожно методы разрешения политической проблемы переносить в хозяйственную область.

Непримиримое не по «сентиментальным» мотивам, не в силу воспоминаний о пролитой крови, отвращения к насилию и т. д., а по весьма реалистическим и политическим соображениям — отношение к террористической диктатуре Р. К. П., требование политической демократии, обоснованное интересами трудящихся и хозяйственного роста страны, само по себе вовсе не означает необходимости столь же радикальных экономических преобразований.

«Революционное» отрицание данной политической системы вполне совместимо с *реформистским* отношением к существующему хозяйственному и общественному строю.

Я знаю: мне сейчас же ответят, что это пахнет пережитками всэровского «утопизма», если не частичной капитуляцией перед большевизмом; что разорение России пошло именно от экономических фантазий большевиков, что во всей советской экономической системе нет ни одного здорового места и т. д.

На это можно ответить, что экономические и социальные отношения, которые постепенно складываются в результате взаимодействия различных сил в течение почти десяти лет, есть нечто большее, чем декрет, который можно отменить или безумная утопия, которую можно высмеять.

Над сознанием почти всех критиков — (всех буржуазных и многих социалистических) тяготеет — и это совершенно естественный факт, — что они *видели*, как большевики насильственно прервали ход хозяйственной эволюции и политическими мерами разрушали, пытались созидать, коверкали, перестраивали экономику страны.

«Искусственность» возникновения существующей теперь в России экономической системы у всех на глазах и поэтому кажется, что нужно лишь ликвидировать это историческое недоразумение и вернуться к тому положению, какое было накануне октябрьского переворота.

Однако, так или иначе созданная данная экономическая система существует девятый год, она есть основной *факт*, определяющий всю народную жизнь, давящий своей тяжестью на всю эволюцию страны.

Эта система уродлива, громоздка, дорого стоит народу; она действует с перебоями, кризисами, мучительно отзывающимися на народных массах; при самом своем возникновении она буквально выморила несколько миллионов человек (голод, гражданская война); она несправедлива и еще менее отвечает тем принципам, которые провозглашены в «декларации прав трудящихся» — чем коммунистический строй — лозунгам Декларации Прав Человека и Гражданина.

Все это так. Но капитализм при своем возникновении выморил еще большее количество ни в чем неповинных людей, причинил — и причиняет до сих пор — своими периодическими кризисами не мало разорений и бед, подвергает труд рабочих и крестьян жесточайшей эксплуатации, умеряемой лишь в передовых странах организованным сопротивлением трудящихся.

Конечно, историческое оправдание капитализма в том, что он, не смотря на все это, колоссально двинул вперед развитие производительных сил, вырвал человечество из прозябания феодального строя и поднял его на небывалую в истории высоту.

Большевики, которые, как известно, за панибрата с историей, считают, что они тоже будут оправданы перед грядущими

поколениями, когда хозяйственный, технический и культурный рост России на много обгонит капиталистические страны, когда будет, наконец, осуществлен социализм.

Большевики заблуждаются хотя бы уже потому, что их политическая система и их так сказать «социальная педагогика» находятся в коренном противоречии с потребностями этого роста и с принципами социализма.

Но это не значит, что их хозяйственный режим, взятый сам по себе, совершенно неспособен к эволюции и должен обязательно рухнуть, расчистив дорогу классическому капитализму. «Восстановительный» процесс, который отмечают все критики, уже показывает, что эта эволюция возможна. В мою задачу не входит здесь разбор по существу этого вопроса и в частности рассмотренные спора между А. В. Пешехоновым и «зарубежным экономистом» Марковым.

К статье Пешехонова «Воля России» еще, несомненно, вернется. Но не могу не отметить, что — независимо от того, насколько правильны выводы А. В. Пешехонова — ответ ему Маркова в «Днях» не опровергает его основного положения, а именно, что не смотря на все отрицательные черты большевистского хозяйствования национализированные области русского народного хозяйства восстанавливаются довольно быстрым темпом, без участия частных капиталов, между тем, как самая возможность этого восстановления очень многими пять лет тому назад отрицалась.

Если оставить в стороне все политические и полемические нападки Маркова (они составляют 3/4 его ответа), то главным экономическим его аргументом является указание на то, что национализированная промышленность восстанавливается за счет сельского хозяйства.

Но, во первых, русское сельское хозяйство тоже восстанавливается и одно время как советские, так и зарубежные экономисты согласно отмечали, что оно восстанавливается быстрее, чем промышленность.

А, во вторых, те уродливые явления, какими сопровождается это восстановление и еще более уродливые теории (вроде теории Преображенского) являются следствием большевистской формы национализации, а отнюдь не национализации как таковой и несколько не устраняют возможности, а в некоторых случаях и необходимости для сельского хозяйства, заинтересованного в развитии промышленности, участвовать в этом деле.

Это, насколько мне известно, — вполне «государственная» точка зрения и весь вопрос в том, как, в какой момент и в каких пределах нужно ее проводить.

Совершенно справедливо мнение, отстаиваемое в «Воле России» Е. А. Сталинским, что первым условием для развития промышленности в России является подъем, интенсификация

сельского хозяйства и рост благосостояния крестьянства. Но на этой почве может быть создана или частная или государственная промышленность. И совершенно неизвестно, почему можно тратить государственные средства на стимулирование частного капитализма, как это уже было в России и в других странах, и совершенно недопустимо тратить их на создание государственной промышленности.

Во всяком случае это вопрос *экономической политики*, вопрос той или другой «ориентации», который может быть решен в пределах данной экономической системы, а не вопрос принципа.

Для меня важно сейчас во всяком случае одно: существующий экономический строй эволюционирует уже теперь, при неизменной политической системе, и отдельные отрасли народного хозяйства, разрушенные предшествовавшими опытами, восстанавливаются.

Это показывает, что не исключена возможность его дальнейшей эволюции и *реформирования*, под давлением социалистически сознательных элементов пролетариата и крестьянства, — в особенности после ликвидации диктатуры.

Говорят: эволюции его, развитию производительных сил, положены пределы, подойдя к которым он должен будет или получить денежную помощь из-за границы или же до такой степени нажать налоговый пресс, что крестьянство, городская мелкая буржуазия и рабочие начнут гибнуть, вырождаться или же произойдет взрыв.

Возможно. Но здесь то и должна выступить социалистическая партия со своей программой, способной обеспечить приток иностранных капиталов, максимально использовать частную инициативу и вместе с тем создать из хозяйственных элементов настоящую основу для развития общественного хозяйства, которому, по нашему мнению, принадлежит будущее.

Нужно, мне кажется, отнестись к существующему теперь в России хозяйственному строю так же, как к любому из капиталистических режимов и попытаться найти в нем зародыши социалистической, общественно - трудовой эволюции.

Это вовсе не будет означать прикрашивания действительности, возвращения к иллюзиям «от которых сами большевики отказываются» и т. п.

Это все лишь трезвый вывод из факта длительного существования экономического режима, который не является ни капитализмом, ни социализмом, ни трудовой демократией, режима, никогда ранее не известного и никакими теоретиками не придуманного, полного своих уродств, своих противоречий (как и другие известные нам режимы) и развивающегося по *своим* законам, которые нам нужно, изучив его, раскрыть.

**

Я до сих пор сознательно игнорировал в этих предварительных методологического характера замечаниях политическую проблему.

Между тем, она самым тесным образом связана с экономической, хотя, как я уже сказал, способы их разрешения вовсе не обязательно должны совпадать.

Для разрешения политической проблемы нужно: 1) ясно определить цель, 2) изучить «диспозиции» общественных сил в данный момент и тенденции их развития, 3) найти тот рычаг, при помощи которого нужно привести в движение силы, заинтересованные в политических изменениях, ведущих к поставленной нами цели.

Определение цели связано с общим пониманием объективного смысла русской революции, с той или иной оценкой ее основных движущих сил и раскрываемых в процессе ее развития возможностей.

Эта общая концепция может помочь нам разобраться в соотношении сил в данный момент, но не должна заменять конкретное изучение каждой «политической ситуации».

За последнее время появился в меньшевистской печати ряд примечательных статей на эти темы, свидетельствующих об интенсивной работе политической мысли, ищущей выхода из нелепого и трагического положения, в которое попала социалистическая рабочая (мы можем прибавить и крестьянская) интеллигенция, обескровленная красным и белым террором, загнанная в подполье людьми, хвалящимися будто они «сгряют» социализм.

Мы имеем в виду дискуссионную брошюру «Проблемы революции» и ряд статей в «Социалистическом Вестнике», в особенности статьи Д. Далина.

Эти статьи показывают, что все три кита, на которых покоится тактика с.-д. меньшевиков — понимание революции, как чисто буржуазной, теория бонопартистского перерождения большевизма, принципиальное отрицание революционного «свержения», которому противопоставляется «соглашение» — изрядно поколеблены и что, несмотря на общую всем меньшевистским писателям марксистскую броню, эсэровские сомнения (критицизм) и даже народнический соблазн проникают и в их среду, — конечно, в достаточно замаскированном виде.

Не будем по этому поводу полемизировать и констатируем лишь, как *положительный* факт, что снова начинают исчезать непроницаемые перегородки между двумя партиями и что, несмотря на гордое самозамыкание меньшевиков, считающих себя (сходясь в этом отношении с большевиками) *единственной* под-

ленно социалистической и подлинно рабочей партией, на деле уже довольно давно происходят известное идейное взаимодействие и родственные течения имеются в обеих партиях.

Ф. Дану хочется во что бы то ни стало доказать что меньшевики всегда были правы и что эсеры (некоторые, по крайней мере) приблизились к их взглядам. Нам чуждо такое представление о собственной и чужой непогрешимости, мы не боимся признавать свои ошибки, и это дает нам право критиковать ошибки других.

Отметим еще, прежде чем перейти к существу вопроса, что в названной выше дискуссионной брошюре впервые подвергается сомнению — правда, в очень мягкой форме — право заграничной делегации Р. С. Д. Р. П. (т.-е., главным образом, Ф. Дана и Р. Абрамовича) проводить свою тактическую линию от имени всей партии.

П. Гарви в своей статье настойчиво подчеркивает, что это — линия именно *Заграничной Делегации и «официального большинства партии»*.

Он предполагает следовательно возможность существования *неофициального*, т.-е. фактического, но формально еще не установленного большинства. Если принять во внимание, что в некоторых вопросах, как, например, в вопросе о внешней политике большевиков, о едином фронте и тактике с Интернационалом, П. Гарви — вместе с Аксельродом, Каутским, Церетели и др. — стоит на той же позиции, что и партия с. р., то безоговорочная поддержка меньшевистской делегацией Отто Бауера на Марсельском конгрессе и ее резкая борьба против эсеровской позиции могут теперь показаться несколько странными: ведь, если фактическое большинство окажется с Аксельродом, то и меньшевистская партия, — как бы это помягче выразиться? — не непогрешима.

Формально все четыре меньшевистских автора — П. Гарви, М. Валерьянов, Ф. Дан и Д. Далин — объединены общим пониманием русской революции, как буржуазной, и теорией бонапартистского перерождения большевизма.

На деле расхождения между ними значительны.

П. Гарви, в общем проводящий наиболее последовательно (чисто логически) точку зрения классического меньшевизма, пишет: «об имманентной тенденции большинства компартии в буржуазно - бонапартистскому перерождению среди русских социал - демократов спора нет».

Действительно, еще не так давно казалось, что все меньше-

вики считают абсолютно неизбежным «бонапартистский» исход революции.

Мы уже отмечали на страницах «Воли России» пробуждение и в их среде демократического «оптимизма». Д. Далин делает теперь («Социалистический Вестник» № 15-16, «На другой день») еще один шаг по пути критического пересмотра этой теории.

Во-первых, пишет он, «эволюции всякого режима поставлены пределы: они существуют и для большевистской диктатуры»...

Теорию медленного перерождения большевизма в систему буржуазной диктатуры он объявляет «совершенно ошибочной» и делает следующую, совершенно справедливую поправку, разрушающую на наш взгляд все меньшевистское построение:

«Очень близоруко видеть только внешнюю оболочку большевистской политики — «диктатуру» — и совершенно забыть о том, какова социальная сущность, каков «классовый базис» этой пролетарской диктатуры. Бонапартизм это откровенная власть буржуазных элементов города и деревни, это водворение и самоутверждение собственности, это неограниченное господство имущих классов над неимущими. Как бы ни оценивать социальную природу большевистской диктатуры, совершенно ясно лишь одно: она не является ни властью крестьянства, ни городской буржуазии, ни объединяющим звеном между буржуазией и крестьянством. Наоборот, ни тот, ни другой класс не видит в современной диктатуре своей власти. На первый взгляд кажется очень просто и очень вероятно: диктатура большевистская, путем внутренней эволюции превращается в диктатуру бонапартистскую. На деле же это означает уход от власти одних народных слоев и завоевание власти новыми классами. Такой переворот не происходит безболезненно. Одной мирной эволюцией история этого не достигнет. На пути эволюции где-то стоит *политический кризис*. Ход и исход острой политической борьбы, сопровождающей этот кризис, решит и основной вопрос, какому быть в России политическому режиму после ликвидации диктатуры» («Социалистический Вестник», № 15 - 16, страница 5). В данный момент нас интересует не указание — совершенно справедливое, — на неизбежность «перерыва» и «кризиса». Читатели «Воли России» знают, что мы тоже проводили эту точку зрения, отвечая в свое время Ф. Дану.

Сейчас мы хотим, главным образом, указать вместе с Д. Далиным на то часто упускаемое меньшевиками из вида обстоятельство, что как ни вырождается, как ни «перерождается» Р. К. П., все же стать буржуазной диктатурой ни большинство, ни меньшинство ее не может.

Аналогии с французскими якобинцами ничего не доказывают, и незачем себя обманывать на этот счет. Троцкий как то совершенно правильно сказал, кажется, одному американскому журналисту, что коммунисты отличаются от якобинцев французской революции тем, во-первых, что они знают их историю и, во-вторых, тем, что они вступили в революцию, как организованная сплоченная партия, поставившая своей целью осуществление коммунизма.

Конечно, большевистские вожди «эволюционируют», конечно, и они «приспосаблиются». Государственная и хозяйственная практика, как и бытовые условия дают на них и у них появляется уже, неизбежно, психология «устроившихся революционеров».

Тот же Троцкий был в известной мере прав, когда во время дискуссии 1923 года сравнил свои партийные верхи с оппортунистическим и бюрократическим перерождением некоторых социал-демократических и профессиональных вождей в Западной Европе, чем чрезвычайно обидел Зиновьева и Каменева.

Троцкий не замечает лишь, что и сам он не застрахован от того же перерождения, от которого не спасает революционная фразеология.

Но, приспосабливаясь к действительности и даже «устраиваясь», большевистские лидеры не становятся и не могут стать вождями буржуазии, подобно устроившимся якобинцам.

Они «устраиваются» в том строе, который существует теперь и который они пытаются собственными усилиями вести к коммунизму. Ждать внутреннего, буржуазного термидора совершенно неосновательно.

Они могут расколоться, новая буржуазия может их сбросить, но серьезно считать их зародышем правящего буржуазного класса нельзя.

Отдельные исключения, вроде пресловутого дальне - восточного авантюриста Краснощекова, конечно, существуют, но большевистский штаб нам достаточно хорошо известен, чтобы можно было принять за чистую монету теорию большевистского перерождения.

Теоретически, элементы чисто буржуазной контр - революции могут иметься *вне* Р. К. П, главным образом, в городской мелко буржуазной массе — чиновников, спецов - хозяйственников, мелких торговцев, ремесленников, офицерства, интеллигенции и, разумеется, напманов.

Но Далин признает теперь — как и эсэры, — что шансы буржуазной, фашистской, «бонапартистской» диктатуры в этих массах слабы.

«Политический кризис имеет свои законы. Раньше всего он

не может не означать *реакцию против всей диктаторской системы*. В тот момент, когда он будет происходить, с особенной остротой скажется и потребность народа в правовом строе и ненависть к бесконечному произволу; скажется потребность в свободном слове и презрение к казенной прессе; скажется возмущение безграничным террором и жажда прав; скажется всеобщая тяга к такому политическому строю, который наглядно, *для всех очевидно, будет прямой противоположностью* всем надоевшей и опротивевшей правительственной системе последних лет».

И далее:

«Реакция же против гнета, террора и бесправия — это совокупность известных гражданских и политических прав, которая подходит под *широкое понятие демократии*. Быть может, и рабочий, и интеллигент не произносят, в массе своей, этого слова; но то, о чем он мечтает и к чему он стремится сейчас, это все же демократия: не формальная, не парламентская, не очень совершенная, пожалуй, даже кулая; дело социалистических партий придать этим настроениям более отчетливую, смелую и достойную форму. Но по существу дела не может быть спора. Первая *реакция против диктатуры* — это та или иная форма демократии.

.....

«Даже, если допустить, — мы вовсе не думаем этого, но допустим это на минуту, — что новая буржуазно - крестьянская диктатура неизбежна, то даже в этом случае непосредственного перехода от одной диктатуры к другой быть не может».

«Везде, где только ни побеждал бонапартизм, он торжествовал, как реакция против слабой, неумелой, безвольной демократии, а не как наследие другой диктатуры... «В России всех этих данных, всех этих предпосылок бонапартизма нет и быть не может. Нет в городе разочарования ни в правовом, ни в демократическом строе, наоборот, — царит недовольство произволом и бесправием. Нет, поэтому, в городах и фашистского движения, а разгул ком'ячеек никак нельзя, конечно, приравнять к фашизму. Нет и в деревне «тоски по палке»; наоборот, режим вьнута и нагайки создал совсем другие потребности и мечты».

Итак, выдвигая требование демократической республики и политических свобод, мы можем рассчитывать на поддержку городской мелко - буржуазной демократии и Бонапарт вовсе не обязателен.

Но без пролетариата и крестьянства победа демократии, разумеется, невозможна. Какова будет их роль в политическом кризисе, который, по мнению Далина, будет носить ярко буржуазный характер?

Обратимся за ответом на этот вопрос к П. Гарви, который особенно обстоятельно развивает теории буржуазной революции.

Гарви уверен, что русская революция, преодолев свой большевистский, утопический фазис, должна расчистить почву для капиталистического развития.

Задачей социалистической партии является, поэтому, борьба за демократию против попыток буржуазных классов «обкарнить права пролетариата и всех трудящихся слоев народа».

Самое требование демократии обосновывается неизбежностью политической победы буржуазии и потребностями возрождения *после этой победы*, рабочего движения. Выдвигая свое основное политическое требование, Гарви исходит не из данного строя, а из будущего.

Относительно этого будущего строя нет сомнений: России предстоит «бурное развитие капитализма, для которого после ликвидации последних остатков крепостничества созрели все необходимые условия».

Это «бурное развитие» предполагает приход к власти буржуазии. Теперь особенно вредно поддерживать в рабочем классе иллюзию о том, что он призван в ближайшую эпоху бурного капиталистического развития России обязательно играть роль правящего, командующего класса, делящего, по соглашению, власть с крестьянством и держащего буржуазию на политических задворках... При господстве капиталистических отношений в пореволюционной России совершенно миновать стадию политического господства буржуазии, опирающейся на те или иные слои собственного крестьянства, очевидно, не удастся. Дело не в наших желаниях и предпочтениях, не в теоретических возможностях, а в объективно складывающемся соотношении общественных сил на другой день после аграрно - буржуазной революции. («Проблемы революции», стр. 13).

Итак, цель ясна: завоевание политической демократии, в которой власть будет принадлежать буржуазии, но пролетариат сможет с'организоваться и вести свою классовую борьбу, постепенно отрывая от буржуазии крестьянство, мелко - буржуазные слои города и т. д.

Гарви считает, сходясь в этом с эсэрами, и в частности, с «Волей России», что социалистическая партия («пролетариат», по его терминологии, ибо марксистская интеллигенция отождествляет себя с пролетариатом и исключает из социалистического движения трудовое крестьянство, как самостоятельную силу) не может заранее и принципиально отказываться от революционной ликвидации диктатуры. Он считает, что «мирное вращение демократии в террористический режим есть утопия», требующая непримиримого, «принципиально - революционного отно-

шения в данной власти», которое одно может «создать ясность политического положения» и устранить «вредную иллюзию о некоторой общности интересов» с большевиками.

Отрицая, подобно всерам, заговорщическую тактику и вспышечнопускательство, он требует, чтобы партия все же считалась «с возможностью стихийного народного возмущения» и совершенно правильно говорит:

«Лишь в меру непримиримой, решительной борьбы с большевистской диктатурой под развернутым знаменем демократической республики будет ослабевать опасность монархизма. Не наша принципиально революционное отношение к большевистской диктатуре, не наша решительная, непримиримая борьба с нею будет на руку контр-революции, а, наоборот, — не достаточно принципиальная, нерешительная, на «советской платформе» ведущаяся полуборьба — полусоглашательство. Ибо, если не социалистические партии — или, шире беря, — если не демократические партии возьмутся за организацию народной борьбы с большевистской диктатурой, если не они возглавят народное недовольство, если не они осмыслят ясной политической целью глухое брожение низов, находящее свое выражение в росте их политической активности, то рано или поздно, как правильно указывает в своем меморандуме Каутский, это сделает самая черная реакция» («Пробл. Революции», стр. 24).

Все это так. Но вот вопрос: как социалистическая партия может «возглавить» народное движение, цель которого создание господства буржуазии, хотя бы в демократических формах?

И затем: если все же есть надежда его возглавить, то почему же нужно немедленно сдать руководство «мелко - буржуазными» массами — буржуазии, с тем, чтобы в будущем снова их у нее отвоевывать?

Разрешить эти противоречия П. Гарви не удастся.

Присмотримся поближе к его анализу «диспозиции» общественных сил в России.

Прежде всего, он находит, что «удельный вес крестьянства несомненно возрос после революции». Это, конечно, верно. Но уже следующее утверждение Гарви вызывает сомнения:

«Особенно четко проявляется в последнее время рост и самоутверждение крупно - крестьянских, «кулацких» элементов, тянущих за собою многомиллионную массу мелко - собственного, «средняцкого», по большевистской терминологии, крестьянства» (стр. 7).

Где и как проявляется этот рост «кулацкого» влияния? В статьях и речах коммунистической оппозиции и в некоторых корреспонденциях собственной прессы.

Но разве мы не знаем, что понятие «кулачества» в комму-

нистической терминологии до сих пор чрезвычайно зыбкое и что всякая скольконибудь энергичная борьба против комдиктаторства считается «кулацкой»?

Гарви говорит далее:

«Национализации, социализации, черные переделы могли прельстить крестьянство лишь накануне и в ходе аграрной революции. После ликвидации помещичьего землевладения и особенно после большевистских экспериментов с собственностью крестьянской, отношение крестьянства к собственности становится все более откровенно буржуазным. Эта буржуазная расшифровка черного передела, социализации и национализации имеет огромное значение. Пореволюционное крестьянство, за исключением разве социально - слабого батрачества, будет руководиться в дальнейшем не признательностью за прошлые услуги, оказанные ему пролетариатом в деле ликвидации сословного строя и помещичьего землевладения и не социалистическими идеалами далекого будущего, а своими насущными, собственническими, буржуазными и в широком смысле слова интересами, далеко не во всем и не всегда совпадающими с интересами рабочего класса» («Соц. Вестн.», стр. 8).

О «собственнических», буржуазных стремлениях крестьянства марксистская городская интеллигенция будет, очевидно, говорить всегда с одинаковой уверенностью, даже не пытаясь подкрепить эту «навязчивую идею» какиминибудь фактами, даже более того, идя наперекор фактам, которые приводит, например, тот же «Социалистический Вестник».

Это «типичный» случай рассуждения по аналогии с другими странами и приложения к России чисто логических схем.

Для Гарви союз крестьянства и рабочих в настоящее время — бессмыслица.

«Никакие, самые искренние предложения «честного компромисса», никакие соблазны «раздела власти» не смогут перевесить в ближайшее время стихийного тяготения широких масс пореволюционного собственнического крестьянства (не только кулацких элементов) к социально родственному ему общественным силам буржуазного общества. Несмотря на то, что интересы крестьянства, особенно мелкого и среднего, не во всем совпадают с интересами торговопромышленной и финансовой буржуазии, их, все же, особенно в период подъема капитализма, объединяет принцип частной собственности и общая почва частно - товарного хозяйства». (стр. 9).

Гарви продолжает делать ошибку, которая уже давно понята многими европейскими марксистами и от которой отказался Бухарин.

Этот последний в своей недавней речи о партийном кри-

эссе совершенно правильно указал на то, что нельзя смешивать крестьянское хозяйство с капиталистическим: оппозиция, говорил он, не понимает, «что может быть и не капиталистическое частное хозяйство».

Тот же Бухарин вынужден признать правильность старого всеровского положения, согласно которому даже в странах «бурного капиталистического развития» процесс расслоения крестьянства «идет неизмеримо медленнее, чем он идет в промышленности», а национализация земли затрудняет еще более этот процесс, если не делает его совершенно невозможным.

В противоположность Гарви, представитель «левого крыла меньшевизма Валерьянов проводит в «Проблемах Революции» другую почти «народническую» точку зрения. Он пишет:

«Между классом мелких земельных собственников и промышленным пролетариатом не имеется сколько нибудь крупных и неустранимых классовых противоречий. Здесь скорее можно говорить не о противоречиях, а о различии интересов, — пролетариат стремится к коллективизму и борется за улучшение условий продажи своей рабочей силы, крестьянство проникнуто индивидуалистически — собственнической психологией и думает лишь об укреплении своего хозяйства. Это различие интересов при известных исторических условиях может быть использовано буржуазией против пролетариата, что имело место в истории Западной Европы. При неправильной тактике пролетариата то же положение мыслимо и в России. *Но русский пролетариат имеет полную возможность избежать такого положения*, так как в объективных условиях исторического развития нет таких чисто экономических факторов, которые, так сказать, механически толкали бы крестьянство на союз с буржуазией. Не сложились пока и факторы субъективно — психологического порядка. Крестьянство еще до сих пор обвеяно пороховым дымом революции, еще до сих пор оно сохранило, веками складывавшееся, чувство классового недоверия «к барину», раньше выступавшему перед ним в лице помещика, а ныне в виде городской буржуазии. Капиталистические классы, даже вышедшие из недр революционного общества, и в бытовом, и в психологическом отношении гораздо более чужды ему, чем промышленный пролетариат, находящийся в постоянной диффузии с крестьянским населением». (стр. 46).

Учет своеобразия российской революции чужд представителям «чистого» меньшевизма вроде Гарви. Они решительно отвергают идею рабоче — крестьянского союза и власти трудящихся и предпочитают, чтобы крестьянство уже теперь организовалось вокруг «самостоятельных партий, на буржуазно — демократической основе» (стр. 9).

Самое большое, на что соглашается Гарви, это на временное «эпизодическое» участие социалистов в коалиционной власти, до возникновения чисто капиталистического правительства.

Эта точка зрения связана с чрезвычайно пессимистической оценкой самого пролетариата:

«Только в примитивной дореволюционной обстановке политически - девственный рабочий класс России мог быть, как бы доменом социализма. Большевизму, главным образом, обязаны мы такой компрометацией социализма в изрядно широких слоях рабочего класса, которая делает рабочих пореволюционной России восприимчивыми к проповеди несоциалистических и антисоциалистических идей. Отныне все партии, — в отличие от недавнего прошлого, — а не только социалистические, найдут себе, как это мы видим на Западе, дорогу к рабочим... Борьба с буржуазными, в частности, фашистскими, влияниями в рабочем классе, с одной стороны, с анархо - синдикалистскими течениями, с другой, — составит содержание целой полосы нашей работы в пореволюционную эпоху». (стр. 13).

Наоборот буржуазия

«уже теперь есть тот великий немой, что стоит за спиной шумно - толпящихся на авансцене лицедеев «коммунизма». Когда диктаторы, упираясь, делают уступку за уступкой неумолимым законам экономики, они уступают незримо напиранию стихии буржуазно - капиталистического развития. Когда многомиллионное крестьянство, после долгих лет оторопи и запуганности, вновь выявляет свою активность и добивается правовых и экономических уступок, — оно стихийно, бессознательно, но с элементарной силой, расчищает почву для буржуазных отношений, для грядущего господства буржуазии. По меньшей мере, близоручко недооценивать новую советскую буржуазию, эту потенциально - крупную общественную силу, политическое значение которой будет непрерывно расти в ближайшие годы». (стр. 10)

Но при таком соотношении общественных сил как можно говорить о социалистическом руководстве народной революцией?

И разве не ясно, что если будет при этих условиях взрыв, который должен будет «расчистить почву» капиталу, то будет он произведен действительно «мелко - буржуазной стихией», когда она почувствует себя сильнее коммунистической власти и вырвется на улицу независимо и против социалистического рабочего класса?

Валерьянов более здраво смотрит, как мы видели выше, на отношения между пролетариатом и крестьянством. Он не считает нужным, кроме того, что задача социалистической партии — сдать власть и всю промышленность как можно скорее буржуазии. «Волею истории, пишет он, Россия стала перед проблемой развития своих производительных сил при своеобразном сочетании хозяйства общественного и частно - капиталистического в

городе и в условиях наличия мелко - собственнического производства в деревне. На основании разрешения этой сложной проблемы и должна строиться экономическая платформа нашей партии» (стр. 50).

Приблизительно, то же говорит партия с.-р., которая согласна и с тем, что «критерием для размежевания частного и государственного хозяйства в промышленности наша программа должна принять *высшую производительность*: там, где государство может поставить дело не хуже частного предпринимателя, государственное хозяйство должно остаться». (слова Мартова, стр. 50).

Но Валерьянов из этих правильных положений делает совершенно необязательные заключения, что опасно выдвигать требование полной политической демократии и что нужно «в переходный период распространить демократические блага только на трудящихся», иначе может победить реакция.

Мы поняли бы еще, если бы *Гарви* из своего пессимистического анализа сделал такой вывод, но совершенно непонятно, почему при наличии революционного союза пролетариата и крестьянства и власти трудящихся — необходим какой то исключительный режим.

Меньшевистская мысль изменяет на этот раз «диалектике» и качается, подобно маятнику между двумя крайностями.

Гарви не представляет себе другого строя, кроме капиталистической демократии. Валерьянов допускает возможность смешанного режима, с сильными элементами общественно - трудового хозяйства, но без демократии.

Первый не исключает возможности революционного «свержения» и принципиально — за участие в нем социалистов, но обязательно для передачи власти буржуазии.

Второй — сторонник прихода к власти социалистов, но решительно против «свержения».

Однако, демократия вовсе не есть исключительная принадлежность буржуазных режимов. Тот же Гарви пишет: «без демократии нет социализма».

Но именно поэтому социалистической партии незачем обостривать демократические требования потребностями капиталистического развития и прятать их в карман как только допускается вторжение в хозяйственную эволюцию общественно - трудовых элементов.

Нужно уметь связать демократическую программу с интересами и устремлениями тех общественных классов *данного* переходного режима, которые заинтересованы в развитии общественно - трудовых форм народного хозяйства.

Мы думаем, что такие классы имеются.

В. В. Сухомлин.

Иностранная жизнь.

Зарубежная Армения *).

Исключительно тяжело сложились судьбы армянского народа. Века турецкого рабства, затем полвека бурной революционной борьбы за освобождение, наконец, кошмарные годы империалистических войн сильно подломил его физическую мощь. Вся территория Турецкой Армении сейчас разорена и опустошена, а население ее пущено по миру. Столетиями накапливавшиеся материальные и духовные богатства, вся национальная культура разрушены и погибли. Погиб и весь цвет турецко - армянской интеллигенции, игравшей выдающуюся роль не только в армянской, но и в общетурецкой государственной жизни. Там, где жизнь была ключом, теперь разгуливают шакалы, да дикие кабаны.

Не легко прошли последние годы и для русских армян. Война нанесла и им глубокие раны. Российская революция на один миг принесла луч надежды на лучшее будущее, но большевицкий переворот с его «похабным» миром, снова бросил их в пучину страданий. Брест-Литовск вернул туркам не только всю турецко-армянскую территорию, занятую было русской армией и снова возрожденную к жизни, благодаря усилиям Временного Правительства, но и часть русской Армении (Карсскую обл.). В дальнейшем большевики помогли кемалистам разбить молодую Армянскую республику и с помощью турецких штыков водрузить на

*) Статья эта написана для «Воли России» бывшим премьер - министром Армении, членом Центр. Комит. партии Дашнакцутюн, С. Враццаном.

армянском нагорье знамя советов — символ красного империализма и разжигания диких страстей на Востоке.

Советизация Республики Армении явилась непоправимым ударом и для турецко - армянского вопроса, лишив его базы и практической возможности разрешения. Останься Армения независимым государством, армянский вопрос получил бы свое разрешение в форме расширения ее границ. На это, в конце концов, вынуждена была бы пойти и Турция, так как это не грозило бы ее основным государственным интересам, наоборот, послужило бы ей же на пользу: свободная Армения перестала бы служить вечным очагом смут и международных интриг и зажила бы мирно со своими соседями и, в первую очередь, с Турцией. Разделенная же между большевиками и кемалистами, поработанная и поруганная, она не примирится и будет продолжать борьбу за свое освобождение и тем самым не перестанет быть фактором, подтачивающим турецкий, и без того хилый, государственный организм.

Да, невыразимо чудовищны удары, нанесенные армянскому народу в годы войны и большевицкой диктатуры, но живого духа его, к счастью, они не сломали. Жизненный пульс в нем продолжает биться крепко и вера в лучшее будущее не погашена. Это видно, хотя бы из того мощного, созидательного порыва, которым охвачены ныне широкие массы армянского народа у себя, на родине. Это свидетельствует и та напряженная энергия, которая проявляется в жизни армянской эмиграции, вопреки всем невгодам и лишениям не поддавшейся отчаянию, не расплывшейся и сохранившей бодрый дух и творческие силы. Знакомство с положением этой эмиграции, думается, не лишено некоторого интереса и поучительности.

По разным странам земного шара, вне Советского Союза и Турции, рассеяно до 700.000 армян. Армянская эмиграция создавалась в течение многих веков, но большая ее часть — продукт последних войн и революций.

Точных статистических данных относительно армянской эмиграции не имеется, но, по приблизительному подсчету, Армянской Делегации в Париже и Международного Комитета Помощи Ближнему Востоку, количество и расселение зарубежных армян представляет следующую картину:

Сирия	150 000
С. А. Соединенные Штаты	100 000
Персия	100 000
Греция	60 000
Болгария	50 000
Румыния	50 000
Франция	50 000
Египет	25 000
Месопотамия	15 000
Индия (с о. Явой)	15 000
Абиссиния и Судан	15 000
Канада	15 000
Южная Америка	15 000
Центральная Америка	5 000
Палестина	5 000

Кроме того, не мало армян в разных городах Англии, Бельгии, Италии, Германии, Венгрии, Сербии, Австрии, Швейцарии, Северной Африки, Китая, Японии и пр.

Подавляющее большинство армян - эмигрантов — выходцы из Турции и Турецкой Армении. Лишь небольшая часть, около 10 тысяч душ — эмигранты из Русской Армении. Это — анти-большевицкая политическая эмиграция, да несколько тысяч рабочих, в Америке, еще до войны ушедших на заработки из Александропольского уезда бывшей Эриванской губернии.

Персидские и индийские армяне — потомки армян, выселенных еще во времена Шах-Абаса, из Эриванского района и водворенных недалеко от города Испагана, где они основали армянский город Новую Джульфу и одно время играли очень крупную роль в экономической жизни Турции. Да и теперь роль армян не мала в государственной жизни Персии, не смотря на то, что довольно большая их часть эмигрировала в Индию.

Главная масса антибольшевицкой эмиграции образовалась после кровавого восстания 18-го февраля 1920 года. Несколько тысяч активных деятелей и бойцов ушло в Персию и потом рассеялось по всему свету, продолжая вести деятельную борьбу против большевицкой деспотии. Часть русско - армянской политической эмиграции, главным образом, представители буржуазии, ушла с Добровольческой армией; она, по своему духовному складу и сим-

патиям, стоит ближе к русской эмиграции и держится вдали от жизни зарубежных армян.

Гражданское положение армянской эмиграции весьма пестрое. Многие уже приняли подданство той страны, в которой живут, хотя органически не сливаются с местным населением. Другие — и таких большинство, — фактически лишены гражданства. Ни Турция, ни СССР не признают их своими гражданами, и они висят в воздухе, в общем, разделяя горькую судьбу русской эмиграции. Это, так называемые — «нансеновские граждане».

По своему общественному составу, армянская эмиграция представляет из себя все цвета социальной радуги. Тут и богатейшие капиталисты, вроде английского нефтяного Креза Гюльбенкиана или Калифорнийского «арбузного короля» Аракельяна и недавно скончавшегося «отца Гонк-Конга» миллионера Поля Чатера (Шогоса Шатерьяна). Тут и видные государственные деятели и министры, главари партий и члены парламентов, дипломаты и военные. Так, например, во главе финансового ведомства и юстиции в Месопотамии поставлены армяне; министр труда и национальной обороны Румынии и один из столпов партии Авереску — армянин Григор Транку Яш. Там же, видный член Сената и председатель бухарестской торгово - промышленной палаты — армянин Стефан Черкез. В Румынии армяне, вообще, занимают видное место в государственной жизни.

Среди зарубежных армян не мало выдающихся представителей в области литературы, как, например, известный английский писатель Майкл Арлен или итальянская поэтесса Виктория Аганур, и в области искусств (например, художник Эдгар Шанин в Париже, скульптор Бадикан в Калифорнии, артист Максудян и пр.). Много талантливых профессоров, журналистов, инженеров, врачей, адвокатов и лиц других свободных профессий. Главная же масса эмиграции — рабочие, ремесленники, хлеборобы, промышленники и торговцы. В американских и европейских высших учебных заведениях, а также в бейрутском университете учится несколько тысяч студентов - армян. Армяне особенно выдающееся место занимают в области табачной промышленности (Египет, Болгария, Бельгия), в производстве и торговле коврами (Персия, Америка), в ювелирном деле (Болгария, Индия, Париж) и пр. Среди армян много квалифицированных

рабочих, которые, особенно ценятся в шелковой промышленности. Кстати, шелковое производство во Франции, как и кофейное дело — знаменитые французские *café* — введено армянами. В рядах ремесленников — армян много тонких мастеров — ювелиров. Все ювелирное дело Болгарии, например, создано исключительно армянами — беженцами, после резни в Турции, в 1896 году. В Париже, Египте, во многих городах Америки имеется довольно много первоклассных фотографов — армян.

Среди армянской эмиграции большое место занимают сироты. Это — жертвы турецких зверств. Их насчитывается свыше 50 тысяч, большая часть которых прошла тяжелую жизненную школу и перенесла все ужасы резни, изгнания и жестоких преследований. Сначала они, лишившись своих родителей, ютились у кочевников — арабов и курдов. Потом были подобраны разными благотворительными учреждениями и помещены в приюты. Теперь большинство из них уже вне приютов и работают самостоятельно, но и в приютах их еще не мало. В одной только Сирии выпущенных из приютов сирот числится до 10,000 душ, да несколько тысяч в Греции, во Франции и Палестине. Особенная черта характера сирот — сильно развитая воля, чувство самосохранения, приспособляемость ко всяким невзгодам, неизсякаемая энергия, безпредельная ненависть к туркам и ко всему турецкому и горячая преданность национальному делу. У них — общая психология, какое-то сознание, что на них лежат исключительные обязанности по отношению к остаткам своего народа, какое-то жертвенное служение делу освобождения своей родины. А потому они патриоты до мозга костей. Они сплочены, сорганизованы в сиротские общества, издают свои журналы, помогают друг другу и живут кипучей общественной жизнью. Это — огромная сила, чрезвычайно важный фактор не только в эмигрантской, но и в обще-армянской действительности. Не нужно забывать, что до ста тысяч таких же сирот и с такой же психологией живет и в Советской Армении и в других советских странах. При культурном руководстве эта масса может оказать большую услугу делу освобождения и развития Армении.

В материальном отношении армянская эмиграция делится на две категории: старая ее часть в общем благоустроена и живет не плохо. Новая, в массе, находится в очень тяжелых услови-

ях. Особенно же трудно живется ей в Сирии, Греции и Болгарии, где непрерывные внутренние волнения и войны довели экономический кризис этих стран до крайней остроты. В этих государствах накопилось большое число безработных, влачащих полуголодное существование. Последнее время среди них замечается сильная тяга в Южную Америку, но и там эмигрантскому люду живется не сладко. Там их ждет кабальный труд на кофейных плантациях или же черная работа в больших городах. Желание выехать особенно сильно в Сирии, где помимо экономических причин имеются и политические: мусульмане - арабы, подстрекаемые турецкими националистами, всеми мерами стараются выжить армян. На этой почве произошел ряд кровавых столкновений.

Мечущаяся по свету, бесприютная армянская эмиграция в борьбе за существование, естественно, устремляет свой взор в сторону Армении, мечтая в последней найти себе убежище, но двери Армении крепко закрыты перед ней. Вершители судеб нынешней Армении во всех зарубежных армянах видят только буржуев и контр-революционеров, пропитанных «дашнакским духом», и боятся пускать их к себе.

В национально - культурном отношении армянская эмиграция, не смотря на свою разбросанность, представляет из себя единое целое. Правда, небольшие слои ее периферии постепенно заражаются духом денационализации и отчуждаются от общенациональной жизни, особенно новое поколение в Америке, но в общем и целом она упорно борется за свою культуру и вполне сохранила национальное лицо. Этому в огромной мере способствовала та живая связь, которая существовала между метрополией и колониями. Связь, которая психологически не прервана и сейчас, не смотря на китайские стены, воздвигнутые большевиками. Очень важную роль в этом вопросе сыграли и продолжают играть существующие в эмиграции национальные учреждения, школы, культурные организации, политические партии, пресса и пр.

Большинство колоний зарубежных армян имеет свои национальные учреждения, организованные на основании Национальной Конституции турецких армян, введенной в жизнь еще в 60-х годах прошлого столетия и упраздненной кемалистами. Формально — это организация характера церковного. На самом же деле пропитана светским и демократическим духом. Церковно-иерархиче-

кие формы единственно возможные в Турции, наполнены содержанием светским, чисто народным. По этой конституции эмиграция каждой страны или нескольких стран, вместе взятых, образует самостоятельную епархию, во главе которой стоит выборный епархиальный начальник, избираемый Национальным Собранием, в свою очередь избираемым населением. Национальное Собрание выбирает также исполнительный орган — Национальную Администрацию, которая состоит из Политического и Религиозного Собрания. Чисто религиозно - церковными делами ведает религиозное собрание во главе с епархиальным начальником. Национально - культурные же и экономические вопросы сосредоточены в руках Политического Собрания, председатель которого является фактическим представителем данной колонии. Таким образом, епархиальная организация у зарубежных армян представляет из себя суррогат государственности. Она существует в Египте, Сирии, Греции, Румынии, Месопотамии, Абиссинии и Америке и находится в стадии организации, во Франции и Болгарии. Национальная конституция персидских и индийских армян имеет несколько иной характер и связана непосредственно с Эчмиадзином, как духовным центром всех армян, но светский и демократический дух ее соответствует духу конституции остальных епархий и по существу представляет из себя национально - культурную автономию армянской эмиграции. Национальные учреждения, созданные таким образом, фактически, а часто, и юридически, признаны местными государственными властями и пользуются правами юридических лиц. В их руках находятся все школьное дело, управление имуществом, устройство приютов и помощь неимущим, а в некоторых местах они обладают и государственными функциями в области семейного, брачного и наследственного права.

Главное свое внимание национальные учреждения уделяют делу народного образования и воспитания возрастающего поколения. На школы зарубежные армяне средств не жалеют и широкая их сеть покрывает буквально всю эмиграцию. Только в Америке и, частью, Франции, дети обязаны посещать общие учебные заведения и родному языку и истории учатся лишь в воскресных или вечерних школах. В армянских национальных школах преподавание ведется на армянском языке. Школы делятся на высшие и средние; имеется некоторое количество и специальных школ и курсов.

Во многих местах имеются детские сады. Армянская детвора, за исключением «аристократической» части, т.е. армянской плутократии, учится в национальных школах. Среди последних не мало таких, которые занимают очень почетное место и пользуются общим уважением армянского населения. Из них следует упомянуть гимназию имени Мурад - Рафаеляна в Венеции, Армянскую Академию в Калькутте, существующую более ста лет, Центральное училище в Тавризе, Тегеранское Национальное Училище, недавно отпраздновавшее пятидесятилетний юбилей, Александрийское училище, национальные школы в Бухаресте, Бейруте, Каире, Алеппо и пр., и пр. Сколько всех армянских учебных заведений за границей — трудно сказать. Во всяком случае их не меньше двухсот с почти 50,000 учащихся. Сюда не входят частные, также чисто армянские школы, как высшие, так и средние. Всем им свойственна одна черта — это большое внимание, которое уделяется армянскому языку, истории и литературе, а также развитию здорового, я бы сказал, культурного, национального духа. (В Александрии издается специальный педагогический ежемесячник — «Новая Школа», обслуживающий научные нужды преподавателей армянских школ. Имеются также издательства, выпускающие для них учебные пособия).

Школы содержатся на доходы, получаемые от национального имущества, на добровольные взносы или пожертвования. Есть, колонии, как, например, александрийская, багдадская, каирская, калькуттская и пр., которые обладают огромными недвижимостями. Из пожертвований, которые делаются довольно часто, можно упомянуть, например, приношение египетского табачного фабриканта Мелконяна, который все свое состояние, оцениваемое в миллион фунтов стерлингов, недавно передал на школьные и другие культурные нужды нации. 3,000 ф. ст. из процентов этой суммы ежегодно будет отправляться эриванскому университету; на о. Кипре уже основано два приюта - школы на 500 детей и пр. Как общее явление, следует отметить, что армяне, без различия классов, на культурные и школьные дела средств не жалеют.

Среди зарубежных армян довольно развита и культурно - просветительная самодеятельность. В этом отношении очень важную роль играет густая сеть разнообразных организаций, вбирающих в себя почти всю эмиграцию. Из них, прежде всего, нужно

упомануть Армянский Всеобщий Благотворительный Союз, лет 20 тому назад основанный в Египте и руководимый известным египетским капиталистом и патриотом Погосом Нубар Пашей. Общество это, обладающее довольно крупными суммами, имеет отделы по всему свету. В его же руках сосредоточены значительные суммы, завещанные разными лицами на школы и другие культурные нужды. Оно содержит школы, сиротские приюты и дома труда, оказывает материальную помощь разным учреждениям и лицам, занимается устройством беженцев, содействует экономическому строительству Армении, содержит студентов и пр. Вокруг него сплочены имущие и консервативные элементы эмиграции.

Далее идут землячества. Их очень много. В одной Америке насчитывается до 50 землячеств, некоторые с капиталами в 200 - 300 тысяч долларов. Они организуются по губерниям, уездам, городам и деревням. Цель их оказание помощи родине и своим землякам на чужбине. На их средства содержатся школы, библиотеки - читальни, кооперативы, издаются книги и пр. Последнее время они начинают принимать деятельное участие и в восстановлении и строительстве Армении. Отчаявшись в возможности возвращения к себе, в Турцию, они основывают в Армении новые поселения по названию своих прежних мест. Так, например, в районе Эривани на средства американских землячеств уже строятся Новая Малатия, Новая Евдокия, Новый Сивас и пр. Советская власть, в общем, косо смотрит на эти «буржуазные затеи», но противиться не смеет.

В противовес Арм. Вс. Бл. Союзу и землячествам армяне - коммунисты стараются привить в эмиграции комитеты помощи Армении, злополучные ГОК-и, но эти попытки серьезного отзвука за рубежом не встречают. Напротив, духу армянской эмиграции чужды большевицкие методы действия, она инстинктивно противится замыслам большевиков, и ГОК-и эти не идут дальше выполнения заданий заграничных комячеек. Вообще, все, к чему прикасается большевицкая рука, в армянской эмиграции обречено на неудачу.

Большой популярностью у зарубежных армян пользуются также спортивные общества и, в частности, центральная организация Армянский Всеобщий Спортивный Союз, отделы которого

разбросаны по всему миру. Бой-скауты — любимое детище зарубежных армян. Особенно широко развита сеть спортивных объединений в Румынии, Болгарии, Франции, Индии и Греции, где имеется множество отличных групп, одерживающих на состязаниях не мало блестящих побед. В Калькутте, например, еще недавно Спортивная Организация Армянской Академии считалась вне конкуренции и на международные состязания не допускалась, как непобедимая. Спортивный Союз имеет свои периодические издания и широко пропагандирует идеи спорта среди армянской молодежи.

Тут же следует отметить и обилие разнообразных объединений молодежи: «союзы молодежи», «союзы сирот», «студенческие союзы», «союзы любителей литературы и искусств», множество «кружков самообразования» и пр. Большинство из них имеет беспартийный характер. Но, на деле, находится под сильным влиянием партии Дашнакцутюн. Вообще, последняя очень много внимания уделяет воспитанию и организации молодежи.

Из женских организаций особенную активность проявляют американские Красные Кресты. Их — два, и оба они имеют свои разветвления. Один состоит из женщин буржуазных слоев и действует в контакте с большевиками, признан и всячески поощряется последними. Другой имеет антибольшевицкий характер и пользуется широкой популярностью среди армян рабочих, как в Америке, так и в странах Европы и Азии. Благодаря деятельности этой организации жизнь многих и многих тысяч сирот и беженцев Греции, Сирии и Месопотамии была спасена.

Крупными национально - культурными факторами не только в зарубежной, но и общеармянской жизни являются мхитаристские монастыри в Венеции и Вене, существующие более двух столетий. Это — очаги армянской культуры. Когда духовная жизнь в Армении замерла, и армянский народ под турецким игом был лишен возможности проявлять свои творческие способности, здесь расцвела армянская литература, искусство и наука; отсюда слышался пламенный призыв к борьбе за свободу, к прогрессу, к восприятию передовых идей Запада. При монастырях имеются школы, отлично оборудованные типографии, научные журналы, богатейшие книгохранилища, вмещающие в себе все издания на армянском языке и по арменоло-

гии. Из типографий мхитаристов выпущено большое количество книг, как на армянском, так и на иностранных языках. Мхитаристами переведены и изданы лучшие образцы классической литературы, от Гомера до Данте и Мильтона. Ими же изучены и разработаны армянская история, литература, грамматика, археология и пр. Мхитаристы сыграли, да и ныне играют громадную роль в культурной жизни армянского народа. Религия, церковная внешность для них — только форма, существо же их беззаветная преданность и служение национальной культуре. И не удивительно, что все армяне, без исключения относятся к ним с большим уважением.

Для армянской эмиграции характерно одно: слабое развитие организаций экономического характера. Ни кооперативов, ни рабочих союзов, ни более или менее видных общественно - хозяйственных предприятий вы не найдете. Армянин рабочий очень неохотно идет в синдикат и, вообще, стремится оставаться в стороне от рабочего движения. Положение рабочего его мало удовлетворяет; он им тяготится, и мечтает не об улучшении рабочего быта, а о том, как бы скорее выбраться из завода или фабрики и обзавестись своим независимым делом — клочком земли, мастерской, лавченкой и пр. Социалистическая пропаганда его привлекает скорее своей политической стороной.

Внутренней, можно сказать, главной движущей силой в жизни армянской эмиграции являются политические партии. Влияние их на массы огромно. Нередко они заменяют собой национальные и государственные органы и выполняют функции, не совсем совпадающие с функциями политических партий. Это — не русские зарубежные политические организации, которые исключительно живут жизнью России. У армян имеются партии чисто зарубежного происхождения и деятельности, как, например, Демократическо - Либеральная партия, представляющая эмигрантские буржуазно-консервативные слои. Партийная жизнь у армян проявляется очень бурно, борьба — резка. Страсти иногда разгораются до крайних пределов и выливаются в уродливые формы. Нередки столкновения с печальным концом. Так, еще недавно в Лионе, попытка коммунистов сорвать литературно-музыкальное утро, устраиваемое дашнакцканской молодежью, завершилась всеобщей свалкой и мордобоем, где кинжал и револь-

вер играли не последнюю роль и где на поле брани остался один убитый и несколько раненых. А еще эффектнее случай произошел в Афинах: в пылу горячей партийной борьбы, молодежь повалила на пол большевизанствующего епископа, члена партии Гинчак, и торжественно остригла ему бороду....

Так как на этих страницах предполагается дать общий обзор армянских политических партий, я здесь ограничусь лишь кратким перечислением партий, действующих в армянской эмиграции. Первое место среди них занимает Армянская Революционная Партия Дашнакцутюн. Она за-границей работает давно, пустила глубокие корни в трудящиеся классы, молодежь и интеллигенцию и распространена по всему армянскому рассеянию. Имеет богатую прессу, издательства, много клубов, библиотек : Дашнакцутюн входит в Социалистический Рабочий Интернационал и ведет широкую работу, как за-границей, так и в Армении, где она находится на нелегальном положении. Отношение ее к большевикам ярко отрицательное, враждебное. Таково же отношение и к кемалистской Турции.

Все остальные партии ведут отчаянную борьбу против Дашнакцутюн и в этой борьбе составляют единый фронт. Это, во-первых, — Демократическо - Либеральная Партия, воплощающая в себе идеологию клерикально - буржуазных элементов и идущая рука в руку с большевиками. «Демократы» пользуются некоторым влиянием скорей своим умонастроением, чем организацией. Затем, идут обломки старой, и некогда сильной, организации Гинчак. Некоторые ее части стоят на советской платформе и являются усердными прислужниками эриванских властителей, другие же против большевиков. Значительной роли в армянской действительности гинчакисты не играют.. Наконец, последнее место занимают армяне - коммунисты, которые составляют отдельные группировки Компартий тех стран, где они живут: «группы труда» Французской компартии, «армянские секции» Американской Рабочей Партии и т. д. Армян - коммунистов за-границей ничтожное количество и никакого они влияния среди армян не имеют. Это большею частью перебежчики гинчакистов, советские стипендиаты - студенты, служащие разных полпредств и торгпредств, кое-какие интеллигенты, находящиеся на иждивении у большевиков и совсем немного рабочих. Все старания коммунистов разло-

жить и перетянуть на свою сторону эмиграцию до сих пор не дали никаких положительных результатов. Шуму поднимается много: еще больше разбрасывается денег, а проку нет как нет. Зарубежная армянская масса не любит большевиков и это свое чувство часто проявляет в очень внушительных демонстрациях. Таковыми, например, были повсеместные торжества 28-го мая, по поводу годовщины независимости Армении, поработанной большевиками. На многих сотнях митингов и торжественных собраний массы бурно приветствовали ораторов, выступавших в пользу независимости и против большевиков.

Таким образом, армянская эмиграция делится на две неравные части: с одной стороны партия Дашнакцутюн и беспартийная, сочувствующая масса — огромное большинство эмиграции, с другой стороны — блок остальных всех партий. Первая против большевиков и за независимость Армении, вторая — с большевиками и против независимости. При чем, независимость для первых — главное средство для разрешения турецко - армянского вопроса. Тогда как для большинства второй части вопрос о Турецкой Армении считается окончательно похороненным Лозанским договором. Следует заметить, что по существу в вопросе об отношении к Турции существенной разницы нет между Дашнакцутюном и Демократическими Либералами. Линия расхождения лишь в способе разрешения: «демократы» считают, что только советская власть способна разрешить армянский вопрос.

Это явление своеобразное и очень поучительное и в армянской действительности трудящиеся классы, — непримиримые противники большевиков, тогда как буржуазия и крайне националистические круги — ярые сторонники советской власти. Объясняется это явление двумя причинами: во-первых, советская власть враждебна Дашнакцутюну — партии революционной и социалистической, так крепко внедрившейся в армянскую действительность и не дающей покоя армянской буржуазии и националистам. По принципу «клин клином вышибают», они стремятся, с помощью большевиков, «ликвидировать» дашнакцуканов.

Вторая причина, более общего порядка, и объясняется тем глубоким разочарованием, а для иных и отчаянием, которое вселил в сердца многих и многих позорный исход Лозаннской конференции, снова отдавшей армян на заклятие туркам. Сколько бы-

до торжественных обещаний, сколько клятв и высокопарных слов было произнесено во имя человечества и гуманности, какие оплывающие перспективы рисовались перед пылким воображением армянских патриотов — и, вдруг, все это пошло на смарку и было продано за.. Мосульскую нефть и интересы парижских банкиров! Было от чего пасть духом. И вот Европа со всей своей цивилизацией для многих потеряла весь свой авторитет, и для таких остался один единственный выход: «привить свою веточку к стволу советского дуба». Европа превратилась в миф или враждебный лагерь, советы — реальность. И ориентация на эту реальность стала политической программой очень многих патриотов - армян из буржуазно - националистического лагеря. Они пытаются убедить и других, что Советы — это та же Россия и что советский штык — это русский штык. И как некогда творили национальную политику совместно с царской властью, теперь тоже самое они думают делать с помощью советской власти. Собственно, это путь, по которому шли и идут националисты и других народов. Часть грузинских национал-демократов, например, шедших под идейным руководством злополучного Вешапели, делает то же самое дело, как и националисты азербайджанские, типа М. Г. Гаджинского. По существу, никакой разницы нет между этим Гаджинским или Вешапели и, скажем, М. И. Пападжановым, бывшим кадетом и видным членом Государственной Думы. Ему оказалось не трудно сменить вехи. Раньше он был «своим человеком» у Кавказского Наместника и других царских чиновников, теперь он — «свой человек» у большевиков. Дистанция от графа Воронцова - Дашкова до полпреда Раковского — казалось бы, огромного размера, но для лидера армянских кадетов оказалась совсем незначительной: один только прыжек и . . .

Позиция зарубежной армянской буржуазии ярче всего характеризуется личным поведением ее видных представителей. Пападжанов далеко не исключение, а, скорее, тип. Один из самых заядлых консерваторов, бывший Абдул-Гамидовский министр Габриэль эфенди Норадунгиан — тоже сторонник советской власти. Погос паша Нубар, архимиллионер и глава национал - шовинистов, по поводу последней годовщины советской власти телеграфно горячо приветствовал представителя советов. То же самое можно сказать и относительно многих богачей - патриотов. Они

любят большевиков, и большевики тоже, ругающие их для галерки в своих эриванских газетах (которых, кстати, никто за-границей и не читает), отвечают им взаимной любовью. Делегаты и комиссары, попадающие в Европу, очень любят роскошные салоны и вкусные яства этих богачей. Армяне коммунисты пользуются не малым почетом и у многих зарубежных епископов и попов.

Этот буржуазно - клерикально - большевицкий флирт принимает пикантные формы на страницах «демократическо - либеральной» прессы. Их органы без умолку восхваляют «мудрость», «дальновидность», «благородство», «сугубую скромность», «национальное чувство» и «высокий патриотизм» главарей армянских большевиков. Они произведены в национальные герои и славятся чуть-ли не наряду с древними героями. Советская Армения, согласно их утверждений, переживает небывалый культурный и экономический под'ем: науки и литература там расцветают; все перестраивается и устраивается. Слово по мановению волшебного жезла вырастают из земли фабрики и заводы, проводятся оросительные каналы, воздвигаются электрические станции. Словом, Армения переживает счастливую эпоху «золотого века», и все это благодаря гениальной политике большевиков. Раньше, особенно при дашнаках, в Армении был ад, все разрушали страну и резали друг друга; теперь — рай, все цветет и ликует.

Холопство армянских шовинистов не имеет границ!

Большим влиянием среди за - граничных армян пользуется пресса. Насколько она развита, показывают следующие, далеко неполные, цифровые данные. За рубежом издается 11 армянских ежедневных газет, из коих 6 дашнакцаканских, 2 демократическо - либеральных, остальные — беспартийные, 8 двухдневных дашнакцаканских, 2 демократическо - либеральных, 1 большевицкий, 1 гинч., остальные — беспартийные. 8 ежемесячников, — 2 дашн., 1 больш., 5 беспарт. (педагогический, медицинский, историко-археологический, по арменологии и пр). В Нью-Йорке выходит ежемесячник на английском языке «The New-Armenia» и пр. Тираж дашнакцаканских изданий превышает тираж всех остальных, взятых вместе. Любопытно отметить и то, что одна дашнакцаканская пресса, по своему распространению, превышает тираж всех армянских советских изданий, выходящих в Армении и

остальных советских странах *). И не только количественно, но и по своему качеству дашнакцаканские издания занимают первое место. Так, например, толстый ежемесячный журнал «Айре-ник» (в Бостоне), имеющий до 4000 подписчиков, не имеет себе равного ни за рубежом, ни в Армении. В нем принимают участие лучшие армянские научные и литературные силы, и читается он во всех концах мира, не исключая и советских стран, куда проникает неведомыми путями. Следует отдать справедливость: армяне коммунисты очень внимательные читатели дашнакцаканских изданий и очень часто вступают с ними в полемику, в то же время строго следя, чтобы эта крамольная литература не попадала в руки простых смертных. Насколько армяне коммунисты страшатся дашнакцаканской литературы, показывают хотя бы налагаемые кары за чтение и хранение ее: провинившиеся в таком грехе ссылаются на север России, или гниют в подвалах Чеки, существующей еще под благодарным небом Армении.

Не вдаваясь в подробную характеристику, зарубежную армянскую прессу можно разделить на две категории: одна — дашнакцаканская и большая часть нейтральной — ведет оживленную борьбу против большевиков и их союзников — кемалистов, стоит за независимость и демократическое устройство Армении и стремится приобщить армянские массы к передовым идеям культурного мира. Другая — большевикско-гинчако-демократо-либеральные издания — ратует за советы, издевается над идеей независимости и ведет бешеную кампанию против Дашнакцутюн. Таким образом, дашнакцаканской печати приходится вести борьбу на два фронта: против большевиков и против их союзников из буржуазно-националистического лагеря. Симпатии и активная поддержка широких масс в этой борьбе, как и во всей политической и общественной жизни армян, целиком на стороне Дашнакцутюн.

*) Не лишено интереса следующее сопоставление: в Сов. Армении выходит всего одна ежедневная газета, одна — в Тифлисе и одна в Баку — 3 газеты на более чем два миллиона армянского населения. К этому нужно прибавить 4 ежемесячника, выходящих в Эривани, 3 трехдневных издания, 2 еженедельника, 1 периодический сборник, да несколько провинциальных листов.

Вот, в общих чертах, положение зарубежной Армении. Я говорю *Армении*, а не армян, ибо армянские массы за-границей — не обыкновенная эмиграция, а, по существу, органическая часть Армении. И это не только потому, что она составляет без малого одну четвертую часть всего армянского народа, но и по той простой причине, что духовно она продолжает оставаться слитой с общенациональным организмом и в своей повседневной жизни, как и в борьбе за лучшее будущее, сознает и чувствует себя неразрывной частицей Армении. Достаточно видеть, какой живой отклик вызывает в этой массе все, идущее из Армении, чтобы убедиться, насколько сильна связь между нею и Арменией. Это верно и по отношению к самой Армении: политическая борьба, которая ведется в эмиграции, затрагивает и волнует широкие массы Армении, воспринимается ими так же, как и за-рубежом. Смысл и содержание этой борьбы — общей для всех — восстановление независимости и демократическое устройство Армении, объединение ее частей, разделенных между кемалистами и большевиками, создание возможности для возвращения беженцев к своим родным очагам и содействие культурному и экономическому прогрессу армянского народа. Это краеугольный камень всей политической жизни армянского народа, поглощающий всю энергию национальных сил. Без разрешения этого основного вопроса немислима никакая более или менее широкая работа в других областях народной жизни. Вот почему, самые радикальные политические доктрины и партии в армянской действительности, обыкновенно, принимают национальный характер и вынуждены бороться за самые элементарные вопросы — за право народа на свободное национальное существование. Это — несчастье всего армянского народа. В этом и трагизм социалистов - армян!

С. Врациан.

Среди книг и журналов.

„Новый мир“ 1926 г., книга 1-7.

«Толстых журналов» в России сейчас немного. На первом месте стоит, конечно, «Красная Новь»; «Новый Мир», издаваемый «Известиями ЦИК СССР» под редакцией Луначарского, значительно уступает «Красной Нови». В нем почти нет интересного статейного материала, и говорить приходится по преимуществу об его беллетристическом отделе, занимающем свыше 120 страниц в номере в 180.

Кроме писем Толстого и **Тургенева**, воспоминаний **Городецкого** об **Есенине** и двух трех критических статей, не найдешь в «Новом Мире» материала для серьезного чтения. Из журнала совершенно исключена экономика, политика и социология. Не обнаруживает соперник «Красной Нови» и интереса к наукам о природе. Он больше отводит места всяким хроникам искусства — заграничного и отечественного, а на общественность откликается чем-то вроде внутреннего обозрения. Любопытно, что за последние два года этот отдел, столь дорогой сердцу дореволюционного читателя толстых журналов, вновь возродился в советской журналистике, и именно в том полупублицистическом, полу - художественном виде, в каком мы знали его по очеркам провинциальной жизни **Чирикова**, **Пришвина** и др. Это внутреннее обозрение по причинам политическим совершенно не касается «властей», особенно центральной власти, и ничего не говорит о правительственных мероприятиях и прочих скользких материях. Оно больше дает живые картинки быта деревни и провинции, и надо отдать справедливость «Новому Миру»: очерки **А. Яковлева** о советской деревне или **Р. Акульшина** о «земле советской» раскрывают перед читателем, особенно зарубежным, любопытные уголки современной российской действительности.

В номере втором журнала **Д. Фибих** рассказывает о диком пьянстве и о хулиганах, ставших настоящей грозой провинции. «Напомаженный вихор из под кепки, сдвинутой на затылок. Голая тугая шея, подбритая сзади. Тяжелый налитый кровью глаз под угловатой бровью. «За пазухой ножик», револьвер на поясу, кому хочешь поднесу»... Его ореол - гам, резвый звон битого стекла, милицейский дребезг. Его царство — пивная, киношка, клуб «Луч Коммуны». Это он—

король окраины, властелин предместий, гроза глухих переулков, его величество Хулиган. Царство его велико и обильно. Нижний и Одесса, Шуя и Пермь, Иваново-Вознесенск и Хабаровск — он всюду». «В романтический период революции «ребята ежики» находили себе работу по вкусу в разгулявшейся стихии. Война и чека дали выход их жажде буйства и издевательства. А сейчас, «усиленная годами революционной стихии, буслаевщина вновь вернулась к дебошу, пьяному и бессмысленному».

Нельзя сказать, чтобы и другие картины быта рисовались более светлыми красками: от того, что Козье болото переименовали в улицу Робеспьера, не стало на ней меньше грязи осенью, и от того что издается «Окуровская Коммуна», не уменьшился интерес парней к выпивкам и озорству. И лишь изредка обозреватели расскажут о тракторах, о радио и о других «отрадных явлениях» по большей части технического рода. В чем же дело, неужели в деревне и провинции такая непроглядная тьма, что и писать не о чем, кроме как о хулиганстве и пьянстве? Не правильнее ли иное предположение, что то бодрое, отрадное и живое, что есть в Руси советской, либо — вне и помимо казенного коммунизма и официальных «отрадных явлений», либо даже и прямо противоположно тому, что полагается воспевать и славословить. И не благоразумнее ли вовсе о нем умолчать, напирая на «древнюю темноту деревенскую»?

Из многочисленной беллетристики «Нового мира» на первом месте надо поставить продолжение «Курьмушки» М. Пришвина, — «Юность Алпатова». В этом автобиографическом цикле романов под общим заглавием «Кощеева цепь» Пришвин обнаружил те стороны своей творческой личности, которые раньше были у него в тени. Прежде описывал он своим выточенным прекрасным языком природу и быт, прежде странствовал он по всей русской земле и красочно передавал свои встречи и наблюдения. Теперь стал он изображать историю человеческой жизни, от самых неясных впечатлений раннего детства до первых умственных бурь юности, до действительной мужественности. Эта попытка психологического романа превратилась в сущности в своеобразную семейную хронику, в которой сочная зарисовка типов соединяется с лиричностью и одухотворенностью письма. От символов взяла Пришвин уменье ставить «вопросы» жизни, при чем манера его реалистическая, и его полусказки-полусны о Кощеевой цепи зла, о том, что в душе каждого человека есть Жилец, его подлинное начало, и Служащий, отбывающий тяготу обязательных дел, — вставлены в бытовую картину купеческой усадебной жизни. В «Юности Алпатова» особенно чувствуется мажорный тон творчества Пришвина, его любовь к «Божьему свету», к природе, к душевному порыву. Давно не приходилось читать вещи, проникнутой такой радостью

бытия, и не той звериной жаждой его, какой подчас щеголяют у нас литературные неврастенники в минуту под'ема, а просветленной, я ска- зал бы, эстетической любовью к миру, к человеку, к жизни...

Есть еще одно произведение в «Новом Мире», в котором тоже чувствуется некая свежесть и бодрость: это роман крестьянского пи- сателя **Клычкова «Чертухинский балакирь»**, еще неоконченный, пред- ставляющий собою вязь поверий и деревенских сказок о леших, ру- салках и ведьмах. Фабулы в романе почти нет, и происхождения героя, балагура Петра Кириллыча — только прием, только способ нанизыва- ния этих сказок и рассказов, оваянных большой поэтической настроен- ностью. В изображении Клычкова весь этот мир нечистой силы как то теряет потусторонность и вредоносность и становится одним из со- ставных частей благостной, изредка насмешливой, но очеловеченной природы.

В шести номерах «Нового Мира» напечатаны два рассказа **Пиль- няка**, которые наверное порадуют тех, кто ожидал от писателя боль- шего, нежели повторения «Голого года», «Волковъ» и «Мать сырой зем- ли». Один из этих рассказов (**Грэг тримунтан**) скорее интересен как новая манера Пильняка, как более тонкий психологический рисунок, как попытка рассказа ВНЕ революционных сюжетов, чем как подлин- ное достижение. Но и он, как и прекрасные путевые впечатления и описания Палестины, помещенные в «Красной Нови», показывают не- кий новый путь, на который вступил писатель.

Второй рассказ «**Повесть о непогашенной луне**» вызвал в печати странную полемику. В нем описан командарм Гаврилов, из рабочих, приезжающий в Москву по вызову Совнаркома. Гаврилов был тяжело болен, затем поправился, но так как он весьма нужный партии человек, то Цека решает «для верности» сделать ему операцию и тем совер- шенно восстановить работоспособность командарма. Гаврилов опера- ции делать не хочет, предчувствует, что от нее умрет, но партийному приказанию подчиняется, и когда «несгибающийся твердый человек» (в котором, очевидно, описан Сталин), в своем кабинете об'являет Гаврилову о решении товарищей, командарм не говорит ни слова. А профессора, собравшиеся по большевицкому приказу на консилиум, постановляют произвести операцию, даже не осмотревши хорошенько больного.

Гаврилов перед решительным днем проводит время со своим ста- рым товарищем Петровым, у которого маленькая девочка от бросив- шей его жены. И странно сплетается его ласковость к старому другу и его дочурке с сознанием неизбежности близкого конца и со страхом смерти.

При операции оказывается, что язвы желудка, как предполагали, у Гаврилова не было, и что без операции можно было бы обойтись, но сердце командарма не выдерживает сильного наркоза, и он умирает, к великому смятению профессоров и комиссаров.

Сюжет рассказа, посвященного Воронскому, явно походит на историю смерти Фрунзе, но Пильняк в предисловии заявляет, что его произведение не имеет никакого отношения к действительности. Тем не менее, вскоре после появления рассказа поднялась буря негодования по поводу «Повести о непогашенной луне», при чем Воронский в письме в редакцию журнала отказался от посвящения ему рассказа, которое может «бросить тень на его доброе партийное имя». А редакция «Нового Мира» тут же публично себя высекла, сопроводивши письмо приложением, что «считает помещение рассказа **грубой ошибкой**».

Почему так разгорелись страсти вокруг нового произведения Пильняка? Я думаю потому, что в его рассказе с яркостью противопоставлены два начала: одно, жестокое, почти бессмысленное в своей механической властной воле, начало фанатической партийности, государственности, абстракции — и начало живой человечности. Несгибающиеся властители похожи и на самого командарма, умевшего посылать на смерть сотни людей. Но они показаны со стороны слепого бездушного «вырабатывания директив», делающих их какими-то роковыми воплощениями незрячей Судьбы, а Гаврилов показан как человек со всеми слабостями, со своими телесными и душевными особенностями, со своей неожиданной любовью к «Детству и отрочеству» Толстого, со своей предсмертной заботой о друге, который за партийной сутолокой, не успевает воспитывать маленькой девочки, думающей, что луну можно погасить как папиросу (отсюда и заглавие рассказа). Гаврилов погибает именно потому, что партия смотрела на него не как на человека, а как на орудие, как на машину, которую надо поправить для лучшего ее использования. И старый профессор в день операции возмущается тем, что не знает больного, что видел его только один раз, что не изучил его индивидуальности.

И опять так, даны два мира: в одном безмолвие кабинетов, телефоны и радио, судьбы народов, войны и восстания, люди, превращенные в умы или в «пальцы от ноги», в винтики огромной машины — и застывающие во фронт красноармейцы, и не дышащие ад'ютанты, и угодливые чиновники — только символы этого царства единой и единственной диктатуры. А вне этого мира, самое настоящее, человеческая любовь и тоска, дружба и разлука, и дети, и смерть, и радости и боли плоти.

Но независимо от этого основного стержня, «Повесть о непогашенной луне» представляет большой интерес. Она написана в гораздо более сдержанной и четкой манере, нежели прежние произведения Пильняка. Характеры обрисованы уверенно и крепко. Композиция сжатая и размеренная. Нет тех отступлений историко-лирического стиля, которые раздражают действовали во многих рассказах Пильняка. Совершенно отброшена та словесная «метель», которой особенно наполнена повесть того же названия. И, наконец, несмотря на явное подражание Толстому, достигнута реалистическая психологичность, зарисовка человека во всем его индивидуальном облике. Часто высказывались опа-

сения, что Пильняк исписался, ибо он постоянно себя повторяет, и никак не может выйти за пределы своего излюбленного изображения русской анархической крестьянской стихии в ее борьбе с городом. Но последние рассказы писателя, а особенно «Повесть о непогашенной луне», показывают его способность к росту и к переходу к совершенно новым сюжетам, к выравниванию слога, к большей обдуманности в композиции. Это во всяком случае «отрадное явление».

Заслуженный артист-певец, опустившийся внутренне за время революции, когда приходилось халтурить и только и думать, что о еде, тепле и жилище, едет в глушь на концерт какого-то уездного учительского съезда. Он не примирился ни с большевиками, ни с революцией, ему кажется, что во всем, творящемся на Руси, огромная ошибка или неправда, и даже собственная жизнь в этой обстановке крушения всех интеллигентских ценностей кажется ему выцветшей и потерявшей смысл. Поэтому интересуют его только материальные блага, сытое существование с красивой женой, купленное ценою «службы» большевикам, с которыми все же он избегает сблизиться. Но на концерте, куда везут его две учительницы в валенках и тулупах, в душной переполненной зале видит он горящие глаза сотен молодых людей и девушек, похожих на тех самых идеалистически настроенных студентов, к которым и он принадлежал когда то, годы назад. И он поет совсем по иному, как в лучшие свои дни, когда он верил в собственную звезду и страстно любил искусство, а ночью, перед отъездом, думает об энтузиазме этой молодежи, об ее неистощимой жажде труда и самопожертвования, о какой-то внутренней правде, облегчающей ей и жизнь и подвиг. И вдруг он понимает, что на тысячи и сотни верст по всей России, как огоньки, разбросаны вот такие точно девушки и юноши, идущие в глушь ради великого дела, и их идеализм — обычный российский извечный идеализм.

Таков сюжет рассказа П. Романова «Огоньки», написанного в той форме психологических этюдов, к которым перешел за последнее время писатель, как будто отказавшись от своих прежних анекдотических фотографий действительности. Как и большинство рассказов Романова, и этот отдает сильной тенденциозностью, но ставит проблему довольно остро, подобно «Вопросам пола», хотя, речь здесь совершенно о другой области и вместо иронии автор пытается дать какое-то утверждение, нарисовать какие-то светлые огоньки нового быта, до сих пор освещавшегося им со стороны своей нелепицы и грубости.

Как бы в противовес «Огонькам», Никандров в «Ночи» дает кошмарное описание развалин под Москвой, в которых проститутки устроили свой главный штаб и «рынок любви». Зарисовка почти натуралистическая, в форме сценария для кинематографа с отрывистыми диалогами. Вещь явно не удалась, хотя впечатление от нее остается

жуткое, но не как от художественного произведения, а как от точного корреспондентского описания.

Очень неудачную повесть «**Каинов Кабак**» — дала **Сейфуллина**: перегруженную, плохо скомпонованную, запутанную, с психологическим надрывом и скучными подробностями о делах и днях некоего партизанского атамана из татар, своего рода азиатского нищиеанства без хребта.

В тех же номерах «Нового мира» помещены любопытные очерки Мексики и Америки **Маяковского** и несколько его стихотворений о долларах, о мексиканке, изменяющей мужу под предлогом хождения в церковь, о мистерах и мистриссах. Все стихотворения — типичные образцы того газетного жанра, который произведения **Маяковского** часто превращает в поэтические фельетоны - однодневки без всякого длительного значения. На этот раз проза поэта гораздо лучше его стихов.

В «Новом Мире» помещено очень интересное начало поэмы **Пастернака** «**Потемкин**», описывающее в форме эпического повествования бунт на броненосце. Среди посмертных стихотворений **Есенина** особенно значительной представляется поэма «**Черный Человек**», дающая итоги жизненных размышлений поэта и проникнутая удручающей тоской. Эти стихи гораздо больше объясняют драму **Есенина**, чем неприятно написанные воспоминания о поэте **Городецкого**, сообщающего, правда, несколько любопытных деталей, но злоупотребляющего, как говорил один французский критик, «ненавистным местоимением — я».

Марк Слоним.

Немирович-Данченко или Станиславский*)

(К внутренней истории Московского Художественного Театра)

Внутренняя, интимная жизнь многих художественных предприятий часто остается неизвестною публике в течение долгого времени. Умрут все деятели, создавшие их или ими руководившие, исчезнут они сами, и только тогда исследователи, перерыв архивы и раскопав переписки разных лиц, оказываются в состоянии восстановить закулисную историю погибшего начинания.

С театром дело нередко обстоит еще хуже. Умирающий каждый вечер с последним занавесом, опустившимся над очередным спектаклем, самое искусство которого, результаты деятельности теряют всякую материальную форму при последней лампочке, потухшей в рампе, — как может он претендовать на то, чтобы, когда уже и наводнения нет, находились любители выискивать те нити, которыми оно было привязано к действительности, исследовать те пружины, которыми оно приводилось в движение? Самое большее, если заинтересуются его организацией, как коммерческого и административного предприятия, и поведают нам о ней.

Московскому Художественному Театру, однако, посчастливилось больше других. При жизни еще он стал объектом пристального изучения, о нем пишутся воспоминания, печатаются дневники его деятелей, составляется даже его подробная история. Тем не менее, много пунктов в его деятельности и до сих пор остаются недостаточно освещенными, многие спорные вопросы далеки от разрешения. Первый и главный из этих вопросов: о личном вкладе в общее дело каждого из основателей и директоров его, Вл. И. Немировича - Данченко и К. С. Станиславского, не только не получил еще исчерпывающего ответа, но

*) Редакция «В. Р.» дает место настоящей статье исключительно как материалу о Московском Художественном Театре, отнюдь не разделяя тех оценок деятельности Станиславского, которые дает знаменитому московскому сценическому деятелю корреспондент автора.

нередко сознательно обходится исследователями. Лишенные достаточных материалов, историографы принуждены принимать на веру их всегдашнее взаимное согласие, единство их взглядов и вкусов.

Между тем, различие их артистических натур бросается в глаза, не тайна также многие их споры, столкновения и даже распри, которые нынче, говорят, привели к окончательному разрыву.

Я далек от мысли, что приводимые ниже материалы принесут новое решение этого вопроса и некоторых смежных с ним о деятельности Московского Художественного Театра; их задача скорее — поставить на очередь проблему, которую несправедливо замалчивают. Я извлекаю эти документы из разных имеющихся у меня материалов, из писем лиц, близких названному театру, из моих записей, сделанных на основании разговоров с его деятелями и т. п. Сейчас я даю преимущественно то, что имеет касательство к указанной контрверзе — Немирович-Данченко - Станиславский, и если некоторые фразы покажутся несправедливыми по отношению ко второму и даже излишне резкими, то все же их не надо принимать, как нападки на Станиславского, а лишь, как защиту Немировича - Данченко от забвения и замалчивания, об'ектом которых он часто является. Кроме того, авторы приводимых записей иногда возражают на мои замечания, и этим об'ясняется их «атакующий» стиль.

Я позволил себе сопроводить материалы некоторыми примечаниями, которые мне казались необходимыми.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО и СТАНИСЛАВСКИЙ

«Не могу не обратить внимание на то, что при всех громадных заслугах К. С. Станиславского перед русским театром и искусством, никому в голову не приходит такой вопрос: почему же вот при К. С. «Власть Тьмы», «Ревизор», «Каин» не имеют успеха, будучи zagrożены деталями, а пьесы с участием Вл. Ив., с тем же нагромождением деталей, как в «Штокмане», «На всякого мудреца», «На дне», «Горе от ума», позволяют создать тому же К. С., Москвину, Качалову ряд совершеннейших образов?»

(Я не знаю, сделана ли сводка постановок, принадлежащих каждому из названных режиссеров? Попытка составить ее Вл. Водкенштейна в его монографии о Станиславском не лишена многих погрешностей. Тем ценнее приводимое указание на успех, сопровождавший постановки Немировича - Данченко и на неудачу, которую потерпели некоторые постановки Станиславского).

КАК БЫЛИ ПОСТАВЛЕНЫ «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»?

«Когда К. С. лежал больной в тифу и не мог ставить заготовленный уже очередными режиссерами Марджановым и Сулержицким «Гамлет», Вл. Ив. в два месяца решил сделать инсценировку двух ве-

черов «Братьев Карамазовых», признанных величайшим достижением театра». (Вот чем объясняется экономичность и схематичность декораций и бутафорий в этой инсценировке. А мы то твердили о новом этапе в искусстве Московского Художественного Театра!)

О ПОСТАНОВКЪ «ЧАЙКИ»

(По поводу обычных указаний на то, что постановка «Чайки» долго не удавалась, мой корреспондент замечает, что когда у самого К. С. что -нибудь не ладится, ему кажется, что и вообще дело не клеится, и продолжает:) —

«Еще в клубе, когда К. С. был в Крыму, — Суворин, Дарьял и сам автор видели, что выходит и выйдет... Если была любовь к новому, если было увлечение произведением и вера в автора, искра, которую уметь и умеет зажечь и раздуть в пламя творчества одинъ только Вл. Ив., так именно в «Чайке». Есть живые свидетели, все же это помнят, думаю, что даже Мейерхольд, если захочет быть искренним, подтвердит это. Невыходило, пожалуй, потому, что Вл. Ив. приходилось впервые бороться с побрякушками, отстаивать веру в молодого актера, и т. д.»

О «ГАМЛЕТЕ» И ДРУГИХ ИНОСТРАННЫХ ПЬЕСАХ

«Гамлет» так и не пошел в постановке К. С., а шел в постановке Крэга, которому помогал Сулержицкий. Гольдони и Мольера ставил Ал. Н. Бенуа, он же и пропагандировал постановку этих пьес, настаивал на ней. Предполагалось в его же костюмах ставить «Тартюффа» и «Коварство и любовь». Это его инициатива. Он вообще в это время был привлечен в театр, как один из руководителей, в помощь и обновление. Даже в «Мысли» Леонида Андреева и «Ставрогине» он принимал участие, и в «Осенних скрипках» Сургучева.

(Что Ал. Н. Бенуа принимал участие в постановке иностранных пьес в последний перед революцией период, это известно; но все же именно эти постановки многими признаны чуть ли не лучшими в творчестве К. С., тогда как они, как будто, ему и не принадлежат, а если и принадлежат, то в самой малой доле).

ПОСТАНОВКА «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» (СТАНИСЛАВСКИМ).

«Надо признать, что это была неудача. Только покойная Н. С. Бутова - Анисья была замечательна, а остальные играли не только слабо, но просто плохо, и если можно еще назвать, — то это хороших, но трафаретных Анюшку и Петра — С. В. Халютину и С. Н. Судьбинина.»

О «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ», СЦЕНИЧЕСКИХ ЭФФЕКТАХ И СЛЕПОТЕ КРИТИКОВ.

«Внешняя постановка «Бориса Годунова» была сделана с несомненным упрощением, по сравнению с натурализмом «Федора Ивановича»

ча», «Смерти Иоанна Грозного», где 9-ти аршинные рукава, толща стен, схожесть и историчность играли большую роль. Здесь все декорации, кроме павильонных, были подвесными, вся битва шла за кулисами и была составлена из звуков, слитых в одну гармонию исключительно благодаря редкой музыкальности Немировича - Данченко. Костюмы были из простой материи (большинство — бумажный репс, расписаны трафаретом в дер. Иваново В. Н. Павловым, К. Н. Сапуновым и др.), мелкие потолки в палатах царя и польских, — изобретение И. М. Полунина, живого Кулибина из «Грозы». Все 23 картины не могли быть поставлены, так как их невозможно было уложить в один спектакль. По техническим и режиссерским приемам он бы явился значительным поворотом к облегчению внешности и выделению актера. В «Бранде» этого не было, но там В. А. Симов предложил железную форму, которая убиралась и раскладывалась и на которой можно было делать то, что позднее стало называться «конструктивизмом».

Вообще, о точности и историчности обстановки в Московском Художественном Театре прямо смешно говорить, так это все далеко от истины. Если бы писавшие о ней проникли за кулисы, они, вероятно, были бы разочарованы, как тот техник из Императорского Александровского Театра, который был прислан В. А. Теляковским на спектакль «Дяди Вани» посмотреть «машину», изображавшую топот лошадей по мосту и звон колокольчиков под дугой. Он пришел и увидел Н. Г. Александрова с двумя палками, обмотанными декорационным холстом, и А. А. Лужского, еще в гриме профессора; первый изображал лошадей, бегущих по доске на подставках, а второй — звонил в колокольчики! Потом та сцена повторялась и повторяется в каждом спектакле «Дяди Вани» при отъезде Астрова, только лошадь под дугой изображает Астров - Станиславский. Так и птицы в «Трех Сестрах», так в I Студии делали ветер и шум в «Гибели Надежды», «Потопе», «Балладине», потом уже явился и знаменитый оркестр музыкантов на гребешках в III Студии у Е. Г. Вахтангова в «Турандот». Многое только казалось из публики таким ошеломляющим, и, право же, на какую-то внешность постановки вовсе не тратилось столько времени, сил и средств. Историчность и музейность всегда была больше, чем сомнительны, свидетели А. Н. Бенуа и М. В. Добужинский. Эффекты всегда были кажущимися, а что рецензенты кричали о них, а пропустили и просмотрели и самого К. С., и Москвина и Книппер, и Савицкую, и Качалова в начале их карьеры, так кого же они когда нибудь отметили «черненькими»? Тут нужен только такой на редкость чуткий человек, как Вл. Ив. Немирович - Данченко, отыскавший, понявший, оценивший, образовавший и направивший Станиславского, вытащивший из массы своих учеников Книппер, Савицкую, Москвина, Мейерхольда, Германову, Бакланову, пригласивший и здесь же оценивший Качалова, помогший всем актерам найти то, чем они стали потом, не затоптавший больших среди маленьких талантов и талантиков». —

(Указание посвященного в дело лица на то, что главная роль в

распознавании и формировании актерских дарований принадлежит Вл. Ив. Немировичу - Данченко, должно быть принято к сведению; но едва ли столь же справедливы его слова о малом внимании, уделявшемся театром внешности спектаклей. Что бывали погрешности против «историчности» и «музейности», это известно; присутствовавшие на спектаклях «Юлия Цезаря», например, утверждают, что там ошибки были непростительны; но это ничего не говорит против самого стремления театра к исторической и внешней правде, как не противоречат этому и примитивные приемы, какими достигались сценические эффекты).

О КАЧАЛОВЕ

«Качалов был принят сразу и после его действительно неудачливого дебюта (пробы), за его блестящие данные, которые сразу оценил Вль Ив. При их первом разговоре с ним, Вл. Ив. передал Лужскому, как заведующему труппой, что он просит зачислить в труппу его и Е. И. Муратову. Дебют был просто проформой. Возможно, что за прочитанные строки Берендея порывистый, экспансивный Санин, ставивший с К. С. «Снегурочку», аплодировал, а что целовал — это наверно, такая его вообще манера.»

(Все эти утверждения решительно противоречат воспоминаниям самого Качалова, по словам которого, его обнимал К. С. Станиславский и он будто бы не был принят в труппу после своего дебюта. Но, может быть, ему говорилось одно, а на самом деле принимались противоположные решения? Возможно и то, что кто нибудь из свидетелей просто запечатывал давние события).

О ПОСТАНОВКЕ «МЕЩАН».

«Увлечение настоящей грязью и упорство в этом К. С. погубили «Мещан» в Москве, когда захворал Немирович - Данченко и возобновил пьесу после Петербурга К. С. То уже было и в Петербурге, но там спектакль выручала свежесть и просто еще сырость постановки. К. С. устранился от нее, обиженный на Вл. Ив. за то, что тот взялся поставить во что бы то ни стало эту пьесу. Если бы не он, она бы не пошла, как и многое, что предполагалось, в роде «Розы и Крест», например».

СИСТЕМА СТАНИСЛАВСКОГО

«При чем система Станиславского? Сама система замечательна и единственна, но почему — «Станиславского», когда она — коллективное творчество?».

ШТАМПЫ М. Х. Т.

«На штампы то самого М. Х. Т. тоже прежде всего обратил внимание, обращает и сейчас и борется с ними все тот же Вл. Ив.»

Последние замечания моих корреспондентов значительно расходятся с общепринятыми мнениями. Можно ли подозревать их в недоброжелательстве к Станиславскому, — их пристрастие к Немировичу - Данченко несомненно. Но во всяком случае подобные категорические утверждения лиц, очень близких внутренней жизни театра, не могут быть оставлены без внимания и требуют пересмотра всего вопроса о вкладе в общее дело двух его создателей.

Вл. Ив. Немирович - Данченко и К. С. Станиславский: они нераздельны. Но доля каждого должна быть определена.

Евг. А. Зноско - Боровский.

Илья Эренбург. Лето 1925 года.

(Издание Артель Писателей «Круг», 1926 г. Москва)

«Все дело в окурке», заявляет в первой же строчке своей новой книги И. Эренбург и тут же переспрашивает — «С окурком ли началось?». И вот для его и нашего успокоения отвечаю: нет, началось не с окурка, а с Жанны Ней, когда бульварная сладость, называемая по ошибке, сентиментализмом, залила авантурные произведения Эренбурга. Это оказалось довольно выгодным предприятием, так как духовные и умственные потребности американских девиц с кудряшками, рыдающими над подвигами Р. Валентино, и русских, стриженных под гребешок, комсомолок и различных совбарышень, роняющих слезы по поводу судьбы добродетельного коммуниста и зверств Европы совершенно одинаковы. Это не национальное, а чисто международное явление, ведь и старый свет богат прослойкой примитивных существ, культура которых стоит на такой ступени, что для возбуждения какого бы то ни было переживания необходима эмоция в чистом виде. Именно на этом держится весь синемаграфический репертуар и бульварный роман, расходящийся по фельетонам подозрительных газет и по тоненьким книжечкам, раскупающимся сотнями тысяч по киоскам всего мира.

Жанна Ней клонула, так как в ней пушен в ход весь несложный, но зато позолоченный арсенал этого рода литературы. Но, несмотря на коммуниста, гибнущего от палачей буржуазии, это было все же как то слишком по европейски, потому то «Рвач» был весь пересажен на русскую почву, где пышно расцвели рядом с голубенькими цветочками чувствительности такие цветы лазоревые, с позволения сказать, похабины. Правда, «Рвача» зарезала Главлит, как пишет сам Эренбург, но не за нелестное изображение коммуниста, как можно было предполагать, а за натравливание на непманов. Вот уже поистине страна чудес, как некогда окрестил Россию Гамсун. Но в самой России к этому привыкли, там это в порядке дня, ведь там одному исто-

рику древней литературы вычеркнули название «ересь жидовствующих» и заменили «ересью еврейских банкиров», ибо религиозными и вредными вопросами занимался не весь еврейский народ, а лишь его буржуазия, а, следовательно, подобное название звучит оскорбительно; второму же ученому запретили книжку об обрядах при родах, так как он упомянул, что некоторые дикие обряды, перенятые от татар времен их владычества, не были искоренены, несмотря на все старания, в этом нашли натравливание одной национальности на другую.

От «Жанны Ней» через «Рвача» мы доходим до только что вышедшего в России «Лета 1925 года». По заявлению самого Эренбурга, это не роман, для автора которого безразличны герои, причем он даже рад, когда они уедут или умрут (странно слышать подобное заявление от писателя, поскольку известно по преданию и из встреч и разговоров с беллетристами, их герои не так им безразличны, сдавание книги издателю не является единственным желанным концом, а десять лишних листов не могут быть вплетены ни с того ни с сего в любую вещь), а правдивое и сухое изображение мучительного и странного лета, проведенного им в Париже. Из этого явствует, что реальная жизнь является сюжетом, а работа автора сводится к систематической обработке, а, следовательно, мы можем ожидать величайшего правдоподобия и логичности. На поверку же дело выходит иначе. Хотя бы такие примеры: автор страдает от жесточайшей нужды, голодает, нищенствует, почти ворует, почти убивает, а его жена живет в санатории и носит розовое пижама, не проще ли было бы хотя бы попросить у нее в долг и избавиться от всех ужасов. Впрочем, ведь тогда не было бы и книжки. Добродетельный коммунист и рабфаковец Юр, который гибнет от выстрела деклассированного интеллигента, долго и много говорит в «Лете 1925 года» с певичкой французенкой Диди; интересно было бы узнать, на каком языке они разбирали вопросы брака и развода в СССР, ибо в знании французского языка у молодого коммуниста мы сильно сомневаемся.

К порядку тех же несообразностей, но уже злостного характера можно отнести и обвинение французских крестьян в том, что они, узнав, что автор - герой русский и без определенных занятий, отказались продавать ему хлеб, травили его и его трехлетнюю девочку собаками, бросали в них камнями и т. д. «Лето» помечено деревенькой *Le Lavandou*, очевидно, ее жителей Эренбург и описал, но странная случайность, у меня есть как раз несколько свидетелей, русских, живших в этих же краях и в 1925 и в 1926 г. и раздражающихся смехом, услышав Эренбургские аттестации милых и гостеприимных обитателей юга Франции.

Позволю себе сделать еще одно последнее, чисто местного, пражского характера замечание: на 9-ой странице, как одно из причин бедствий, постигших автора, выставляется тот факт, что «чехи отказались платить за переводы, ссылаясь на отсутствие конвенции». Эренбурга в Чехии переводят много, но случай с неплатежом был, по собран-

ным мною сведениям, один — платить отказалось чешское коммунистическое издательство, выпускавшее Эренбурга в дешевых книжечках. Потребовалось высочайшее давление, чтобы было хоть чтонибудь заплачено.

Все сказанное мною до сих пор, находится почти вне литературного плана, но что же делать, если подобных вопросов при чтении «Лета» возникает больше, чем художественных. Если мы вернемся к нашему исходному пункту — к псевдо-чувствительности, то должны будем сказать, что в «Лете» она применена в полной мере. Здесь уже не только крепкий и честный коммунист, который благодаря своей наивности попадает в сети хитрой кокетки и который гибнет от предательского выстрела (так сказать противопоставление России и Запада), но и внебрачные дети, голодные котята и прочие атрибуты современных «Тайн Парижа»; причем и котята и дети находят прибежище у сердобольного автора, который, однако, не в силе защитить их от жестокости буржуа, и котенок и девочка умирают при полном спокойствии зрителей крестьян. Ударь раз, ударь два, но зачем же до безчувствия? Чувствительность здесь взята не как литературный прием, который оправдывает себя степенью достижения, а как грубое содержание, долженствующее действовать своей примитивностью на примитивного же читателя. Хотя Эренбург говорит, что «Лето» он не строил, ибо лишь излагал факты, но мы думаем, что всякое литературное произведение должно быть построено, так как уже сам отбор фактов является постройкой, а ссыпка в кучу всего виденного и слышенного не есть литература. Плана не следует видеть, но где то в подпочве романа или повести следует чувствовать его постоянное присутствие. В «Лете» этого как раз нет и это тем более удивительно, что Эренбург выдвинулся в авантюрном романе, который как раз и требует точности и разработанности строительного плана.

К относительно приятным частям «Лета» могут быть отнесены описания улиц, кафе и вообще внешней жизни летнего Парижа. Правда, наблюдения Эренбурга ограничиваются довольно узким кругом кафе, ресторанов и кабаре всевозможных разрядов, но то, что он описывает, сделано крепко и хорошо. Что касается столь славных афоризмов и мимолетных замечаний Эренбурга, то в них автор начинает очень сильно повторяться.

Н. Мельникова-Папоушек.

Отзывы о книгахъ.

Успехи и достижения современной науки и техники. Изд. Центрального Совета Секции Научныхъ работниковъ Союза Работниковъ Просвещения СССР. М., 1926 г. 336 стр. в 4°. 3.000 экз.

За последние десятилетия естествознание и техника находятся, так сказать, в состоянии перманентной революции. Между тем, научные связи, объединявшие раньше научный мир всех стран, во время войны были порваны и лишь с трудом и медленно восстанавливаются. Режим экономии, с которой принуждены жить все страны, участвовавшие в войне, за исключением Америки, мешает публикации научных работ, делает невозможным не только для отдельных ученых, но и для больших книгохранилищ покупать полностью и то, что публикуется. Еще в худшем состоянии находятся не ученые исследователи, а те, кто применяет достижения науки — врач, техник, агроном — и те, кто распространяет знания — учителя, лекторы, журналисты: многие из них живут лишь «капиталом», приобретенным в молодости — в школе, либо самообразованием,

почти не восполняя своего «капитала». В наиболее тяжелом положении находится эта масса сеятелей знания в России, и наиболее оторванной от прочего мира, и наиболее бедной...Лишь за последнее время начата работа по расширению деятельности научных организаций России и совсем уж недавно — по популяризации научных достижений современности. Теперь там начало выходить не мало научных журналов, политические журналы и газеты заводят у себя научные отделы, стали выпускаться оригинальные и переводные научные книги. Одним из радостных событий в области популяризации знаний является книга, название которой выписано выше. Ее русские научные работники посвятили «народному учительству Союза». Статьи сборника, написанные, за некоторыми лишь исключениями, доступно и содержательно, будут, конечно, не читаться только а изучаться и не только народным учителем, но и квалифицированным интеллигентом. В числе сотрудников сборника находятся такие большие ученые, как П.Л. Лазарев, А. Е. Ферсман, А. Иоф-

фе, В. Ипатьев, Н. К. Кольцов, Д. Н. Прянишников, В. К. Омелянский, П. С. Осадчий. Даны не только свободные обзоры того, что достигнуто в разных областях естествознания и техники, но везде выделено и подчеркнута и то, что внесли в науку русские ученые. Авторы, повидимому, были стеснены местом и не всегда смогли остановиться подробно на некоторых важных проблемах (теории квантов, учении о коллоидах и т. п.) — недостаток, который, наверное, будет восполнен при повторном издании. Отсутствуют, к сожалению, вовсе статьи по математике. Наименее удовлетворительна статья М. Я. Лапирова - Скобло «Наука и техника в СССР за 8 лет». В ней слишком много излишних цитат из партийной литературы. Следуя правилу «*on ne chatouille pas un ginoceros*», автор, повидимому, искал наиболее сильных способов, чтобы выразить свою признательность. Зато очень сколько освещено им, что же именно из лабораторной работы уже стало достижением отечественной практики. Необходимо было - бы издать большую сводную работу при участии специалистов по этому высоковажному вопросу.

В общем же книга дает массу новых сведений, изложенных систематически и увлекательно. Заканчивая книгу, читатель выносить бодрящее впечатление. Она дает познать *tongues in trees-books in the runnings brooks sermons in stones-and good in every things*.

В одном из удачнейших очер-

ков сборника — «Успехи техники» — А. Е. Ферсман пишет:

«Более 1700 миллионов людей копошится на земной поверхности, воздвигая грандиозные постройки, соединяя между собой целые океаны, превращая тысячи квадратных километров голых степей и пустынь в цветущие нивы. Ежегодно путем перепашки полей человечество переворачивает свыше 3.000 куб. километров земли, облегчая сложный обмен веществ... Грандиозность этой цифры нам делается очевидной, если мы припомним, что ежегодно все реки земли уносят в море всего только 2-3 куб. километра вещества (в растворенном и взмученном состоянии). Мы начинаем понимать, что человек преобразует лик земли, являясь новым выступающим на арену истории геологическим фактором. Постепенно мы начинаем понимать и то, что он не только механически перемещает вещество мира, но что он — грандиозный геохимический агент, который против воли природы своей воле подчиняет вещество, используя его согласно своему желанию».

О том, что эта воля должна приобретать центростремительный характер и каковы должны быть путеводные огни человечества, авторы сборника не говорят. «По понятным причинам» ученые гуманисты в сборнике не участвовали.

Ф. Репейников.

П. Н. Сакулин. Наука о литературе, ее итоги и перспективы. XIV. Социологический метод. М. 1925 г. Изд. Мир. Стр. 240, в больш. 8°.

П. Н. Сакулиным задумана обширная работа по литературоведению, рассчитанная на 15 очерков: Введение. — Поэтика, ее современные задачи. — Проблема поэтической формы. — Звук, как элемент формы. — Поэтическое слово. — Поэтический образ. — Композиция поэтической речи. — Композиция поэтических произведений. — Литературная морфология. — Литературные стили. — Процессы восприятия поэтических произведений. — Литературная критика. — Социологический метод. — Синтетическое построение истории литературы.

Пока перед нами лишь один из этих очерков, XIV-ый по порядку. Однако, он является как бы программным.

Для П. Н. Сакулина литературоведение распадается на две части: теоретическую (поэтику) и конкретную (литературную критику и историю литературы). Литературные произведения допускают три подхода: имманентный, каузальный, конструктивный. Каждое произведение можно изучать, как продукт художественного творчества писателя, как социальное явление и как факт исторической жизни. Литературная жизнь — сложный процесс, являющийся частью общего процесса социальной жизни. Связь между этими процессами схематически намечается автором так: социальная среда — культурная среда — литературная среда — литературная школа —

писатель — произведение. Вслед за А. И. Белецким он считает необходимым приобщить к объектам изучения и читателя произведения, — рядом с историей стилей поставить и историю вкусов.

Художественное содержание произведения является для П. Н. Сакулина «эстетической компонентой произведения на ряду с художественной формой». «Творческий субъект есть живой синтез начал необходимости и свободы».

Очерк захватывает множество вопросов, при составлении его использована — хотя и весьма случайно — разнообразная научная и даже публицистическая литература, как русская, так и иностранная, как старая, так и новая. Очень мало, однако, примеров из изящной словесности. Книга написана живо и интересно, она несомненно «питательна». Но, несмотря на внешнюю систематичность изложения, работа оставляет впечатление чернового наброска... Повидимому, автор еще сам не пришел к окончательным выводам, еще колеблется между враждебными друг другу социологическими течениями, оказываясь поэтом эклектиком или, во всяком случае, «плюралистом». Для более успешного применения к литературе социологического метода необходимо и большее углубление в социологию и более четкая социологическая позиция.

Иначе, такие работы будут очень полезны, как университетский курс, но не обогатят науки о литературе.

Ф. Репейников.

Ю. Гирш. Успехи организации американского хозяйства. Перев. с немецкого под редакцией и с предисловием проф. И. М. Кулишера, изд. «Время», Лгр., 1926 г. Стр.216 в 8°, 1 руб. 40 коп.3000 э.

Кроме перевода книги Ю. Гирша, лежащей перед нами, уже печатается государственным издательством и другой ее перевод, внимание, которым чаще удоставляются романы, но книга эта по увлекательности и живости изложения, пожалуй, может поспорить с многими произведениями занимательной беллетристики. Автор — не молодой уже присяжный экономист, профессор, бывший в одно время вместе с Ратенау членом правительства Вирга. Практик преобладает в нем над профессором. Изучая Америку он не стремится открывать абстрактные схемы, а внимательно присматривается к особенностям хозяйства Соединенных Штатов с тем, чтобы из своих наблюдений извлечь пользу для родной страны. Подобно инженеру, попавшему на чужой завод, он заносит в книжку детали, конструкции, которые можно затем применить и в своем хозяйстве. К сожалению, в действительности автор не техник. Поэтому его внимание останавливается преимущественно на организационных моментах. То, что он сообщает о промышленности, менее значительно, чем его описание торговли, кредита, транспорта. К достоинствам книги относится ее объективизм: автор не все одобряет из виденного и не скрывает и отрицательных явле-

ний: хищнического истребления лесов (душ. — потребления — 234 куб. фута, тогда как в Германии — 27 ф., а в Англии — 15 ф.), борьба железнодорожных компаний с воздухоплаванием и судоходством, расточительность при постройке торгового флота (на него затрачено в 1917 - 21 г.г. $3\frac{1}{2}$ миллиарда долларов и сумма эта почти потеряна), поглощение рекламой от 1 до 2% национального дохода, эксплуатация производителей торговыми посредниками (из розничной цены картофеля, привезенного из Миннесоты в Чикаго в 1922-23 г. приходилось на долю производителя 20,6%, на транспорт — 13,%, скупщикам — 15,7 процентов, оптовым торговцам — 11,1 проц., розничным торговцам — 39,8%). Автор принужден напомнить злые слова Бисмарка: нужно находиться не там, где можно заслужить знаки отличия, а там, где их распределяют.

Но все эти недостатки хозяйства ощущаются относительно безболезненно благодаря чудесному росту производства а, следовательно, и национального богатства: тогда как 34% потребления С. Штатов приходится на импорт, не более 8% продукции отправляется за границу. Одной обуви С. Штаты ежегодно выделывают 600 миллионов пар. У Форда в течение 36 часов руда превращается в готовый автомобиль, причем самое производство поглощает около 5 часов, остальное — транспортировка. Гигантские размеры производства обуславливаются, по мнению Гирша, не выжиманием пота, а

умением организовать труд. У Форда производство расчленено на 7882 функции, из них: 949 функций — физически трудная работа, требующего абсолютного здоровья и сильных людей, 3338 функций требует людей нормальной физической силы, а остальные 3,595 функций могут выполняться женщинами и подростками. Для обучения не более 1 дня требует 43% функций, 1-8 дней — 36% функций, 1-2 недели — 6%, от 1 месяца до 1 года — 14% и от 1 г. до 6 л. — всего 1%.

Благодаря налаженности работы, а, может быть, и для того, чтобы не было срывов и перебоев, работа даже у Форда идет не торопливо. Не мало забот, чтобы обставить работу комфортом. Рабочий день в банках меньше, чем в Германии.

Меткими штрихами очерчивает Гирш хозяйственную психологию американца. Почему так спешат с постройкой этого 20 этажного дома? — выписывает он остроту из какого то американского юмористического издания. — Через 4 месяца после его окончания дом намечен к сломке, чтобы — на его месте соорудить 50 этажный, — гласит ответ. В действительности даже маленький сельский хозяйчик, обзаводящийся домиком на вновь арендованной земле, легко бросает его, чтобы поискать где лучше. Универсальные магазины доставляют по первому требованию комплекты всех частей дома с инструкцией, как их собрать. В любом месте можно получить все посылками, заказав

магазину. Главный каталог одного из рассылочных предприятий имеет 11.000 страниц (целая энциклопедия!). Почти для всех товаров имеется система рассрочек. «Американский потребитель обычно считает, что в будущем его сберегательная способность будет выше, чем в настоящем... и при каждом новом помещении своих будущих сбережений старается, по возможности, увеличить их размер». Для характеристики делового спокойствия американца любопытно замечание одного банкира, сказавшего автору, что «южноамериканские революции нас не пугают, это лишь другое название для предвыборной агитации.»

Ценны мысли автора о мировой роли Соединенных Штатов. В начале войны С. Штаты были должны Европе 4 миллиарда долларов, теперь они кредитовали мировое хозяйство на 5 миллиардов долл., из них на 4 миллиарда Европу. Народный доход на душу составляет уже 1,100 рублей, тогда как в Германии он составлял до войны максимум 330 р., а теперь значительно ниже. Однако, вряд ли американцы склонны будут усиленно эксплуатировать свои капиталы: в самодовлеющем хозяйстве Штатов для помещения место найдется. Лишь меньшая часть — на всякий случай — для страхования от плохих периодов конъюнктур — будет направляться за границу.

Однако, суммы, имеющие поступить Соединенным Штатам в уплату долга и % по ним американцы предпочтут помещать

для овладения иностранными средствами производства: отказываться от замкнутости своего рынка для иностранных товаров, изготовляемых на основе более низкой заработной платы, они не станут.

Передавая некоторые мысли и наблюдения Гирша, мы стремились не исчерпать их, а лишь заинтересовать ими читателя. Книга его в высшей степени полезна. При крайней скудности современной литературы по экономической географии, такие описательные работы дадут гораздо больше, чем преисполненные «учености», но бездарные, скудные курсы экономической географии, которых так много выбра-

сывается теперь на русский рынок.

Переведена книга Гирша не плохо. Не достает кое где примечаний и уточнений несколько газетного языка автора. В одном месте Гирш высказывает предположение, что нефтепроводы Рокфеллер начал строить, «вероятно (1) по примеру России»... В другом месте сообщается о проведении нефтепроводов «через океаны вплоть до Южных»... К капиталам, в которые помещаются сбережения, кроме страховых, причислены также «капиталы для опекаемых сирот, опекунские имущества»... Но таких «головоломок» не много...

Д. Градарев.

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.**

„ ПЕРЕЗВОНЫ “

Редакция и контора:
Riga (Lettonie) - Le Kadeju
iela, 43. Тел. 20—76, 34—48 и
83—40.

Цена отд. номера в 32 стран:
В Латвии — 80 сант (40 р.)
В Чехословакии — 8 1/2 к. ч.
В Германии — 80 пфен.
За границей — 20 ам. цент.

Сотрудники: М. А. Алданов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, Ю. Галич,
О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев (ред. литерат.
отдела), А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, И. Лукаш, С. Минцлов, проф.
Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. А. Тэффи, А. Черный,
Евг. Ниж. Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев, Сем. Юшкевич.
Художники: акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов,
Ю. Г. Рыковский и др. О б л о ж к а — работы М. Добужинского.

Постоянные отделы: Детский уголок. По белу свету. Искусство.
Из области науки, открытий и изобретений. Русская книга.

В каждом номере репродукции картин известных русских и иностранных
художников. — Из них 2 в красках.

„ P E R E Z V O N Y “

Генеральные пред-ва:

В Чехословакии: Изд. «ПЛА-
МЯ». (Praha 11., Jesna, 32).

В Польше: Изд. «ДОБРО»
(Warszawa, Hoza, 45—8).

В Болгарии: книжн. торговля
Н. Алексеева (София, Б. Тыр-
ново, 17).

В Вене: А. В. Мухин (Wien Pe-
tersplatz, 9),

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
„АРЗАМАС“**

Вышли в свет книги:

Проф. Ю. Айхенвальд. Две жены—Толстая и Достоевская. Цена \$ 0,60
Иван Лукаш. Граф Калиостро. Исторический роман . . . » \$ 1,—
В. Ирецкий. Похитители огня. Роман из сов. жизни . . » \$ 1,—
З. Арбатов. Путь скорби. Роман » \$ 1,—

« А Р З А М А С » выполняет поручения и высылает все книги,
вышедшие как в эмиграции, так и в Советской России. На складе
имеются все новинки книжного рынка. При выписке книг на 5 мк
расходы принимаются на свой счет. Деньги можно присылать в
любой валюте.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:

А. LASKOWSKY,
Berlin - Charlottenburg, Knesebeckstrasse, 17^{II}

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

№1 ЖУРНАЛА

ВЕРСТЫ

под редакцией кн. Д. И. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского и С. Я. Эфрона, и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова.

СОДЕРЖАНИЕ № 1:

От Редакции. Сергей Есенин: Посмертные стихотворения. Марина Цветаева: Поэма Горы. Борис Пастернак: «Потемкин» (из книги «1905 год») Илья Сельвинский: Казнь Стелюры; Казачья Походная; Цыганская; Цыганский вальс на гитаре; — Частушки. Алексей Ремизов: Из книги «Николай Чудотворец»; Россия. И. Бабель: История моей голубятни. Артем Веселый: Вольница. Алексей Ремизов: «Воистину» (памяти В. В. Розанова). Лев Шестов: Неистовые Речи. Артур Лурье: Музыка Стравинского. П. П. Сувчинский: Два Ренессанса. Кн. Д. Святополк-Мирский: Поэты и Россия. Е. Богданов: Три столицы. Кн. Н. С. Трубецкой: «Хожение Афанасия Никитина», как литературный памятник. Р. Пикельный: Искусство и быт. — Отлики русских писателей на резолюцию XIII съезда Р.К.П. — Библиография.

МАТЕРИАЛЫ:

«ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ»

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Librairie "MOSCOU" — Paris, 9, rue Dupuytren

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V г. изд.

„ ДНИ “

V г. изд.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные
срочные сообщения
из России.

Полная информация
о политической
жизни заграницей.

Рабочее
социалистическое
движение в Европе.

Собственные корреспонденты в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ближнего и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ: Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ и СУББОТАМ: Особый отдел: «РУССКИЙ ТРУД ЗАГРАНИЦЕЙ», посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся заграницей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris 3, (chèque postal N° 80,446). Прага — Panska ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Prazska Uverni banka, Banka stav. ziva. a prumyslu). Берлин — Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postachek-Konto, Berlin 32,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). Белград — Filialka Prazské Uverny banky. София — Filialka Prazské Uverni banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О—ва "Le Flambeau", 34, Boulevard des Italiens, Paris.

Volja Rossii, revue mensuelle russe, Uhelny trh I Prague.